ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1997 году

Серия Д
Филология и психология

1/2020

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол наук, доц. **Т.А. Вилюжанина**, канд. психол наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол наук, доц. **Т.Б. Ильина**, канд. психол наук, доц. **А.А. Кацеро** (Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко**, д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

Editorial Board of journal "Bulletin of Donetsk National University Series D: Philology and Psychology"

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.B. Ilyina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero** (Tula State University named after L.N. Tolstoy), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33.

E-mail: terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, korobova.lat@gmail.com.

URL: http://donnu.ru/vestnikD.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 3 от 27.03.2020 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2020

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

***Серия Д.* Филология и психология**

№ 1/2020

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

Федуленкова Т.Н., Спицына Н.Н. Фразеологическая терминология делового английского языка: основные структурные модели 5

Фоменко В.Г. Структура лондонского текста в романе Ч. Диккенса «Оливер Твист» 14

Глоба Т.Н. Стуктурные особенности французских литературно-разговорных фразеологических синонимов 19

Гладкая Н.В. Коммуникативно-прагматический потенциал выражения комического смысла в жанрах интернет-коммуникации 27

Евсеева М.Г. Нарратив как инструмент суггестивной психокоррекциии – практический аспект 33

Наливайко Ю.Ю. К вопросу о принципах разграничения синкретизма и омонимии: формально-грамматический и семантико-синтаксический аспект 39

Солдатов Б.Г., Солдатова Н.В. Эффективные технологии формирования правовой культуры студентов-юристов в процессе изучения иностранного языка 47

Скляр Н.В., Лаврухина А.В. Вопрос формирования модели культурного человека в историко-литературном аспекте 54

Бекоева И.Д. Элементы ритуальности и обрядовая лексика в билингвальной политической коммуникации 62

Брайловская Ю.П. Принципы классификации гидронимов Луганщины 70

Джиоева В.П. Речевой портрет политика–билингва в цифровом пространстве 76

Дьяченко Т.А. Тема любви-страдания в поэтическом цикле М.А. Лохвицкой «В лучах восточных звезд» 84

Машкович И.А. Концепт «еда» в русской лингвокультуре 90

Осташова О.И. Конфигурация коммуникативных адресантно-адресатных отношений в оценочных высказываниях: гендерный аспект 98

Соловцова Е.В. Девербативные эквиваленты эксплицитных перформативных высказываний 105

Слово молодому ученому

Рязанова В.А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация 114

Психология

Вилюжанина Т.А. Особенности психологического консультирования онлайн 123

Гаранина Ж.Г. Мотивация профессионального саморазвития студентов вуза, использующих дистанционные образовательные технологии 133

Зенченков И.П. Теоретический анализ феномена духовности в психике человека 138

Кононенко И.А. Специфика виртуального общения 143

Правила для авторов 149

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

***Series D:* Philology and Psychology**

No 1/2020

CONTENTS

Philology

Fedulenkova T.N., Spitsyna N.N. Phraseological terminology of business English: basic structural patterns 5
Fomenko V.G. Structure of London text in the novel «Oliver Twist» by Ch. Dickens 14
Globa T.N. Structural features of french literary phraseological synonyms 19
Gladkaya N.V. Communicative-pragmatic potential of expressing comic meaning in the genres of internet communication 27
Yevseeva M.G. Practical aspect of narrative as a tool of sugestive psychosorrection 33
Nalyvaiko Iu.Iu. To the question of the principles of differentiation of syncretism and omonomy: formal-grammatic and semantic-syntactic aspects 39
Soldatov B.G., Soldatova N.V. Effective technologies of forming law students' legal culture in the foreign language aquisition process 47
Sklyar N.V., Lavrukhina A.V. Historical and literary aspects of forming a model of a cultured person 54
Bekoeva I.D. Elements of Rituality and the Rite Language in Bilingual political communication 62
Brajlovskaya J.P. Principles of classification of Luhansk region hydronyms 70
Dzhioeva V.P. Speech portrait of a bilingual politician in digital space 76
Dyachenko T.A. Theme of love and suffering in the poetic cycle «V luchakh vostochnykh zvezd» by Mirra Lokhvitskaya 84
Mashkovich I.A. The concept of «food» in Russian linguistic culture 90
Ostashova O.I. Configuration of addressee-addresser communicative relations in evaluative utterances: gender aspect 98
Solovtsova E.V. Deverbal equivalents of explicit performative utterance 105

Commencing scholars, have your say!

Riazanova V.A. Typology of abbreviated groups: principles and implementation 114

Psychology

Vilyuzhanina T.A. Features of psychological consulting online 123
Garanina Zh.G. Professional self-development motivation of university students using distance educational technologi 133
Zenchenkov I.P. Theoretical analysis of the phenomenon of spirituality in the context of human psyche 138
Kononenko I.A. Specifics of virtual communication 143

Guidelines for authors 149

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.111:81’373.72

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ

© 2020. ***Т.Н. Федуленкова, Н.Н. Спицына***
ФГАОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»

В статье дается изложение материалов структурного анализа деловой терминологии современного английского словаря, представляющей собой фразеологические единицы, то есть устойчивые сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением. В результате исследования устанавливается ряд наиболее распространенных структурных моделей изучаемого участка английской деловой терминологии, который, в основном, включает двухкомпонентные субстантивные модели.

Ключевые слова*:* деловая терминология, фразеологические единицы, структурная модель.

Введение. Культивируя полипарадигмальный подход к изучению языка, современная лингвистика ищет грани соприкосновения разных парадигм, в частности, таких, как фразеологии и терминологии [12; 14]. Изучение структуры таких сложных языковых единиц, как терминологические словосочетания фразеологического характера, то есть образованные на основе переосмысления значения, вполне вписывается в номенклатуру парадигм современной лингвистики [4, с. 40; 13, с. 498].

Актуальность изучения структуры фразеологического пласта деловой терминологии современного английского языка объясняется необходимостью сбора данных для составления «типологического паспорта» (идея В.Д. Аракина [1, с. 35]) фразеологии языка и подготовки учебного пособия по переводу ФЕ-терминов (см. тж. [2, с. 248]). ***Практическая значимость*** изучения структуры фразеологии делового характера объясняется прагматической и коммуникативной востребованностью делового языка в современном мире [18, с. 65; 11, с. 188].

В качестве ***научной базы*** исследования была избрана фразеологическая концепция выдающегося лингвиста-фразеолога А.В. Кунина [5]. Отбор языкового материала для анализа проводился из наиболее авторитетного словаря делового английского языка Майкла Мерфи [17] на основе ***метода*** фразеологической идентификации, предложенного А.В. Куниным [6, с. 44–49] и успешно апробированного его учениками и последователями [7; 8; 16].

Компонентно-структурный анализ извлеченной из названного словаря деловой терминологии фразеологического характера позволил выявить ряд структурных моделей, которые объединяют вокруг себя значительное количество изучаемых ФЕ-терминов.

Новизна работы заключается в оригинальном языковом материале исследования и в результатах структурного анализа деловой терминологии фразеологического характера.

Исследовательская часть.

Структурная модель N + N. Данная структурная модель представляет собой двухкомпонентную субстантивно-субстантивную грамматическую модель с константной зависимостью компонентов [9, с. 29]: ***basket case*** JOURNALISM – кто-л. или что-л.,

находящееся в плачевном, изношенном состоянии (*Пер наш – Т.Ф., здесь и далее*); ***business angel*** FINANCE – частный инвестор, вкладывающий деньги в новые виды деятельности, особенно основанные на передовых технологиях; ***bottom fisher*** FINANCE – тот, кто инвестирует во что-то, чья стоимость находится на очень низком уровне, ожидая улучшения ситуации и увеличения стоимости инвестиций; ***cash cow*** FINANCE – очень прибыльный бизнес или часть бизнеса; ***cash mountain*** FINANCE – «денежная гора», деньги, которые компания может потратить, например, на покупку других компаний, или отдать акционерам; ***dawn raid*** FINANCE – «утренний рейд», «нападение на рассвете», попытка компании приобрести значительный пакет акций другой компании путем скупки всех имеющихся в наличии акций компании сразу же после открытия биржи.

Приведем контекстуальные примеры использования рассматриваемых ФЕ-терминов:

By any standard, the area is an economic ***basket case*** (p. 42). – По всем стандартам эта сфера находится в плачевном состоянии (*Пер наш – Т.Ф., здесь и далее*).

In the UK, ***business angels*** *area more important source of investment for start-ups than venture capital funds* (p. 64). – В Великобритании бизнес-ангелы являются более важным источником инвестиций для стартапов, чем венчурные фонды.

McColl made his name as a ***bottom fisher****, buying distressed banks at giveaway prices* (p. 56). – Макколл сделал себе имя «придонного рыболова», покупая проблемные банки по сниженным ценам.

Mail order should be seen as a ***cash cow*** *that will generate cash for further moves into information services* (p. 77). – Почтовый заказ следует рассматривать как дойную корову, которая будет накапливать наличные деньги для дальнейшего их перемещения в информационные службы.

The group's ***cash mountain*** *has shrunk* (p. 78). – «Денежная гора» группы сократилась.

A ***dawn raid*** *gives the board of the target company little time to reactor advise its share holders* (p. 135). — «Утренний рейд» дает Совету директоров целевой компании мало времени, чтобы отреагировать или посоветоваться со своими акционерами.

Очевидно, что для ФЕ-терминов рассматриваемой модели характерно полное переосмысление компонентного состава: ***business angel*** (*букв.* деловой ангел) – частный инвестор,***cash cow*** (*букв.* дойная корова) – очень прибыльный бизнес, ***dawn raid*** (букв. утренний рейд) – скупка акций.

В случаях частичного переосмысления компонентов ФЕ-термина первоначальное значение, как правило, сохраняется вторым компонентом: ***block release*** – освобождение от работы для профессиональной переподготовки, ***floor broker*** – брокер, работающий в биржевом зале, ***sushi bond*** – японская облигация с фиксированной процентной ставкой.

Структурная модель Adj + N. Данная структурная модель представляет собой двухкомпонентную адъективно-субстантивную грамматическую модель с константной зависимостью компонентов: ***black hole*** COMMERCE – коммерческая деятельность или продукт, на который тратятся большие суммы денег, но который не приносит никакого дохода или другого полезного результата; ***best efforts*** FINANCE – соглашение о наилучших усилиях, соглашение, в котором финансовое учреждение соглашается попытаться продать новые акции компании без необходимости покупать сами акции, если они не продаются инвесторам; ***black knight*** FINANCE – компания, которая пытается взять под контроль другую компанию, предлагая купить большое количество ее акций; ***elastic demand*** ECONOMICS – спрос, реагирующий на повышение или понижение цен на рынке; ***cold call*** MARKETING – «холодный звонок» также «звонок вслепую», если кто-то, кто продает товар, делает «холодный звонок» или «звонок вслепую», они звонят кому-то, с кем они

никогда не говорили раньше, чтобы предложить им продукт или услугу; ***clean opinion*** ACCOUNTING – хороший отзыв, который дается о финансах компании кем-то, кто официально проверил их; ***empty nesters*** MARKETING – супруги с «пустым гнездом», супружеская пара, чьи дети уехали из дома; ***fat cat*** JOURNALISM – «жирный кот», богач, денежный мешок, богатый человек, особенно тот, кто не заслуживает быть богатым.

Приведем контекстуальные примеры использования рассматриваемых ФЕ-терминов:

Anyone who launches a bid for the company will want to be sure there are no more ***black holes*** *lurking in its books* (p. 48). – Любой, кто сделает ставку на компанию, захочет убедиться, что в ее бухгалтерских отчетах больше нет черных дыр.

Members of the selling group usually act on a ***best effort*** *basis and are not financially responsible for any unsold portions* (p. 4). – Члены группы продаж обычно действуют на основе наилучших усилий и не несут финансовой ответственности за любые непроданные части.

While not particularly welcome the ***black knight*** *is considered more favourable than the hostile bidder* (p. 48). – Сделка с «черным рыцарем» считается более выгодной, чем с враждебным участником аукциона.

Margins on goods in relatively ***elastic demand*** *should be lower than those on relatively inelastic demand* (p. 144). – Маржа на товары с относительно эластичным спросом должна быть ниже, чем на товары с относительно неэластичным спросом.

I've started to get ***cold calls*** *from phone dealerships offering me free upgrades for my phone* (p. 69). – Я начал получать «холодные звонки» от телефонных дилеров, предлагающих мне бесплатные обновления для моего телефона.

The accountancy firm issues a ***clean opinion*** *of the company's financial condition* (p. 91). – Бухгалтерская фирма выдает беспристрастное заключение о финансовом состоянии компании.

Married couples without children, including ***'empty nesters'*** *as well as newly-married partners, form the largest single group of households at 36% of the total* (p. 177). –Супружеские пары, не имеющие детей, в том числе супруги с «пустым гнездом», а также новобрачные, составляют самую большую группу домохозяйств – 36% от общего числа.

Pilots have a bad image among their co-workers, who view them as ***fat cats*** *who earn higher salaries* (p. 201). – У пилотов плохой имидж среди своих коллег, которые видят их как «жирных котов», получающих высокие зарплаты.

Для ФЕ-терминов рассматриваемой модели характерно полное переосмысление компонентного состава: ***black knight*** (*букв.* черный рыцарь) – компания, которая пытается взять под контроль другую компанию, ***empty nesters*** (*букв.* пустые 'гнездователи') – супружеская пара, чьи дети уехали из дома, ***fat cat*** (букв. жирный кот) – незаслуженно богатый человек.

В равно степени для рассматриваемой модели характерно и частичное переосмысление компонентов, причем свое первоначальное значение сохраняет второй компонент ФЕ-термина: ***elastic demand*** – спрос, реагирующий на изменение цен, ***clean opinion*** – хороший отзыв о финансах компании, ***green audit*** – официальная экспертиза воздействия деятельности компании на окружающую среду.

Структурная модель Prtc1 + N. Данная структурная модель представляет собой двухкомпонентную причастно-субстантивную грамматическую модель с константной зависимостью компонентов: ***floating charge*** FINANCE – право людей, которым компания задолжала деньги, получать деньги со всех активов компании, если долг не будет выплачен вовремя; ***crawling peg*** FINANCE – попытка остановить слишком быстрое снижение стоимости валюты, подключив ее стоимость к другой валюте, но

позволив ей изменяться между верхним и нижним пределами; ***gagging clause*** – обязательство не разглашать информацию, другое название пункта о конфиденциальности сведений, пункт, который гласит, что работники не должны предоставлять другим людям или компаниям личную информацию о деятельности их работодателя; ***lagging indicator*** – запаздывающий индикатор, такой индикатор, который следует только за тем, что произошло в экономике недавно; ***leading edge*** – передовой, ведущий край, область деятельности, где используются самые современные и передовые методы и оборудование; ***sinking fund*** –фонд погашения, выкупной фонд, в который вносятся регулярные платежи с целью оплачивать будущие расходы

Приведем контекстуальные примеры использования рассматриваемых ФЕ-терминов:

Typically, when lending money to a company, a bank will take as security a charge over all or most of the assets of the company, the charge being affixed charge on land and certain other assets, and a ***floating charge*** *over the remaining assets* (p. 84). — Как правило, при кредитовании компании банк берет в качестве залога плату за все или большую часть активов компании, причем эта плата представляет собой фиксированный залог за землю и некоторые другие активы и плавающий залог за остальные активы.

The government abandoned the ***crawling peg*** *exchange rate and all owed the currency to float on the market* (p. 124). — Правительство отказалось от ползущей привязки обменного курса и позволило валюте плавать на рынке.

Does a ***gagging clause*** *in my contract of employment prevent me from blowing the whistle on my employer?* (p. 91). — Разве пункт о конфиденциальности в моем трудовом договоре помешает мне рассказать о моем работодателе?

Employment is a ***lagging indicator*** *of economic strength because many companies don't cut their work forces until they are certain that conditions require it* (p. 265). — Занятость – запаздывающий индикатор экономической мощи, т. к. многие компании не сокращают свою рабочую силу, пока не будут уверены, что этого требуют условия.

Software companies are on the ***leading edge*** *of technology in very competitive markets* (p. 297). — Компании-разработчики программного обеспечения находятся на передовом крае технологий высоко конкурентных рынков.

The building's management company setup a ***sinking fund*** *to which all flat owners contributed to pay for repairs* (p. 224). — Управляющая компания здания создала выкупной фонд, в который все собственники квартир вносили взносы на оплату ремонта.

Частичное переосмысление ФЕ-терминов рассматриваемой модели состоит в сохранении одним из компонентов первоначального значения: ***floating insurance*** – открытое страхование, покрывающее стоимость товаров до определенной стоимости, ***gardening leave*** – отстранение администрацией работника, уведомленного об увольнении, от выполнения его обязанностей с сохранением заработной платы, ***buying round*** – покупка напрямую, получение товаров непосредственно от производителя, а не от дистрибьютора.

Полное переосмысление компонентов менее характерно для ФЕ-терминов данной модели: ***crawling peg*** (*букв.* ползущий колышек) – попытка остановить слишком быстрое снижение стоимости валюты, ***gagging clause*** (*букв.* завязывание рта предложению) – обязательство не разглашать информацию.

Структурная модель N + Conj + N. Данная структурная модель представляет собой двухкомпонентную субстантивно-конъюктивно-субстантивную грамматическую

модель с константной зависимостью компонентов (о количестве компонентов см.: [5, с. 59]): ***bread and butter*** – средства к существованию, хлеб насущный, то, что дает основной доход; ***bricks and mortar*** – неофициальные здания, такие как дома, офисы и фабрики; ***cap and collar*** BANKING – «шапка и воротник», соглашение кредитора не увеличивать или снижать процентные ставки по конкретному кредиту; ***cash and carry*** – очень большой магазин, где клиенты, представляющие бизнес или организацию, могут купить большое количество товаров по низким ценам; ***clicks and mortar*** – организации, обслуживающие своих клиентов через Интернет и в офисах; ***wheeling and dealing*** – интриги, махинации, деловые операции, которые включают в себя множество сложных и иногда нечестных сделок; ***mover and shaker*** – воротила, первое лицо, могущественный и влиятельный человек.

Приведем контекстуальные примеры использования рассматриваемых ФЕ-терминов:

The paper's ***bread and butter*** *is reporting local events in a small community* (p. 58). — Рассказы о событиях в местном сообществе – это хлеб насущный местной газеты.

The hospital would cost about £37 million in ***bricks and mortar*** *and another £10 million for equipment* (p. 59). — Неофициально больница будет стоить около 37 миллионов фунтов стерлингов и еще 10 миллионов фунтов стерлингов на оборудование.

The mortgage lenders have introduced a ***cap and collar*** *deal with an upper rate of 7.75% and a floor of 5.99%.* (p. 71). — Ипотечные кредиторы ввели сделку «шапка и воротник» с максимальной ставкой 7,75% и минимальной 5,99%.

Cash and carrys *tend to offer a'no-frills' service* (p. 77). — Магазины «плати и забирай», как правило, предлагают услуги без излишеств.

*The merger of AOL and Time Warner created the first big "****clicks and mortar****" company* (p. 92). — Слияние компаний AOL и Time Warner создало первую крупную компанию, продающую товары в интернете и физических магазинах.

With so much ***wheeling and dealing*** *going on in the industry, we can expect to see more legal suits* (p. 136). — С таким большим количеством махинаций, происходящих в отрасли, можно ожидать много судебных исков.

The ***movers and shakers*** *in the stock market predicted a rise in share-dealing* (p. 343). — Воротилы фондового рынка предсказали рост сделок с акциями.

Анализ показывает, что для большинства ФЕ-терминов данной модели характерно полное переосмысление компонентов, при этом прозрачность переосмысления делает эти единицы мотивированными: ***null and void*** (*букв.* ноль и пустота) – контракт, не имеющий законной силы, ***pay and file*** – (*букв.* плата и папка) – британская система оплаты корпоративных налогов, ***rank and file*** (*букв.* разряд и файл) – рядовые члены союза, не являющиеся официальными лицами.

Структурная модель V + (d) + N. Данная структурная модель представляет собой двухкомпонентную глагольно-субстантивную грамматическую модель с константно-вариантной зависимостью компонентов [3, с. 13]: ***open the floodgates*** – открыть дорогу (путь, кому-л.), дать волю (чему-л.), внезапно сделать для многих людей возможным, совершить или приобрести что-то в первый раз; ***foot the bill*** – платить по счету, платить за что-то, особенно за что-то дорогое, за что не хочется платить; ***fly a kite*** – пускать пробный шар, выяснять обстановку, выдвинуть предложение, часто необычное, с целью узнать, что люди думают об этом; ***tie the knot*** – если две компании завязывают узел, они объединяются и становятся одной компанией;

play the market – играть на бирже, рисковать деньгами на финансовом рынке; ***grease the wheels*** – сдвинуть с места; ускорить процесс; уладить дело, помочь человеку, организации, системе и т.д. работать лучше, особенно чтобы получить преимущество; ***jump ship*** – дезертировать, перебежать уйти из компании или организации, особенно если она не успешная.

Приведем контекстуальные примеры использования рассматриваемых ФЕ-терминов:

This acquisition is expected to ***open the floodgates*** *to more mergers in this fast-growing industry* (p. 212). — Ожидается, что это приобретение откроет дорогу для более активного слияния компаний в этой быстрорастущей отрасли.

Many customers had to ***foot the bill*** *for installing the new water meters. Who is going to foot there pair bill?* (p. 215). — Многие пользователи должны были оплатить счет за установку новых счетчиков воды. Кто будет оплачивать ремонт?

He used his speech to ***fly a*** *policy* ***kite*** (p. 291). — Он использовал свою речь, чтобы выяснить политическую обстановку.

Banks across the country ***tied the knot*** *as a way to cut costs and boost earnings* (p. 291). — Банки по всей стране объединились, чтобы сократить расходы и увеличить доходы.

One way to ***play the*** *European* ***markets*** *is through publicly traded mutual funds* (p. 324). — Один из способов играть на европейских рынках – это через публично торгуемые взаимные фонды.

By exempting pension funds and unit trusts from income tax, the chancellor has done a lot to ***grease the wheels*** *of the City's securities business* (p. 239). — *Освободив пенсионные фонды и паевые трасты от подоходного налога, канцлер сдвинул с места городской бизнес ценных бумаг.*

Their chairman ***jumped ship*** *for a similar position with a German electronics firm* (p. 287). — Их председатель перебежал на аналогичную должность в немецкую фирму по производству электроники.

Проявляя спорадическую способность к фразеологической вариантности (15, с. 14), ФЕ-термины рассматриваемой модели могут развивать следующие виды лексических вариантов (10, с. 387):

1) глагольные варианты: ***fill a gap / hole / niche*** MARKETING – закрыть брешь, ликвидировать дефицит, предоставить продукт или услугу, которые необходимы, но недоступны или не были предоставлены ранее, ср. специальные контексты:

> *(а) The 'property audit' is not a new term but with the slowdown on both lettings and investment changes it is becoming a more prominent feature of the industry. Yet it is not a case of chartered surveyors and suchlike touting for audit and similar instructions to* ***fill a gap*** *while the market is slow. This additional work is, in part, a reaction to a new demand from landlords who have often ignored the asset values, or liabilities, of the buildings they own.* (BNC: CA News).
>
> *(б) Some people have a talent not only for making things happen but for making them fit neatly together. # Den Mendoros qualified in Britain as a pilot and aeronautical engineer. He came back, after a decade in the Greek aero industry, to* ***fill a hole*** *in the market # Dismantling two of the last Conway engines in the return-to-products contract at Earby (right). Prospects for new work are thought to be good.* (BNC: Management Today. London: Haymarket Pub).
>
> *(в) <…> that British Aerospace has just won for 20 RJ70s that is especially designed for the United States market and* ***fills a niche*** *that no one else could have*

filled? Mr. Clark My hon. Friend is right to draw attention to that good example of the special skills and capabilities that the British defence industry still has, and which I do not doubt will serve it well in future in both domestic and export markets. (BNC: Hansard extracts).

2) адвербиальные варианты: ***head north/ south*** FINANCE – двигаться на север/ юг, если цена акции, валюта и т.д. движется на север, она растет в цене, если на юг, то падает в цене, сравним контекстуальные иллюстрации:

(а) Right now, the dollar is ***heading north****.* (BNC: Daily Telegraph).

(б) Real business remained very slack and, with Wall Street ***heading south*** *in the afternoon, the Footsie slipped in to a 2404.2 point close, up 3.3. The futures index for June settlement ended at a 29 point premium, 7 points above 'fair value'. Sterling's showing and the sighting of a few overseas buyers helped longer-dated gilts add on average. Leading shares presented a mixed picture.* (BNC: Daily Telegraph).

Структурно-семантический анализ показывает количественное преимущество полностью переосмысленных ФЕ-терминов: ***fly a kite*** (*букв.* запускать воздушного змея) – выяснять обстановку, ***tie the knot*** (*букв.* завязать узел) – объединяться и становиться одной компанией, ***grease the wheels*** (*букв.* смазать колеса салом) – сдвинуть с места, ускорить процесс.

Заключение*.* В результате исследования выявлен ряд наиболее распространенных структурных моделей изучаемого участка английской деловой терминологии, который в основном включает двухкомпонентные субстантивные модели ФЕ-терминов с константной зависимостью компонентов за исключением модели 5, представляющей собой глагольную модель с константно-вариантной зависимостью компонентов:

1) модель: N + N – двухкомпонентная субстантивно-субстантивная структурная модель с константной зависимостью компонентов,

2) модель: Adj + N – двухкомпонентная адъективно-субстантивная структурная модель с константной зависимостью компонентов,

3) модель: Prtc1 + N – двухкомпонентная причастно-субстантивная структурная модель с константной зависимостью компонентов,

4) модель: N + Conj + N – двухкомпонентная субстантивно-конъюктивно-субстантивная структурная модель с константной зависимостью компонентов,

5) модель: V + (d) + N – двухкомпонентная глагольно-субстантивная структурная модель с константно-вариантной зависимостью компонентов.

Проведенный анализ приводит к выводу о том, что большая часть ФЕ-терминов фразеологического характера имеет частичное переосмысление компонентного состава, при этом переосмыслению чаще подвергается первый компонент структуры.

Лишь для ФЕ-терминов пятой модели характерна лексическая вариантность двух видов: глагольная вариантность и адвербиальная вариантность.

Полученные результаты могут быть использованы в проектировании фразеологического паспорта делового языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков): автореф. дис. ...д-ра филол. наук в форме науч. докл.: спец. 10.02.01 «Русский язык» и 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / В.Д. Аракин. – М., 1983. – 38 с.

2. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин.– М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с. // Режим доступа: http://topuch.ru/arakin-v-d-sravnitelenaya-tipologiya-anglijskogo-i-russkogo-ya/index.html (дата обращения: 21.03.2020).

3. Вдовина А.С. Модели фразеологизмов с константно-вариантно-переменной зависимостью компонентов (на материале ФЕ с компонентом have) / А.С. Вдовина, Т.Н. Федуленкова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Материалы ежегод. международ. конф. 2 февраля 2019 г. – Екатеринбург: УрГПУ. – Ч. IV. – С. 13–15.

4. Колесова К.В. О профессиональном словаре специализированного языка робототехники (на материале английского языка) / К.В. Колесова // Вестник Нижегородского гос. лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова, 2019, вып. 48, с. 40–45.

5. Кунин А.В. Английская фразеология. Теоретический курс / А.В. Кунин. – М.: ВШ, 1970. – 344 с.

6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.

7. Курганова М.С. Рецензия на монографию Кузьминой Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. – 272 с. / М.С. Курганова, Н.Н. Спицына, Т.Н. Федуленкова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – № 50 (2). – 2019. – С. 240–244.

8. Курганова М.С. Объем деловой фразеологии современного английского языка / М.С. Курганова, Т.Н. Федуленкова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Материалы ежегод. международ. конф. 2 февраля 2019 г. – Екатеринбург: УрГПУ. – Ч. IV. – С. 17–19.

9. Мельник Е.И. Типы зависимости компонентов фразеологических единиц с глаголом go / Е.И. Мельник, Т.Н. Федуленкова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Материалы ежегод. международ. конф. 2 февраля 2019 г. – Екатеринбург: УрГПУ. – Ч. IV. – С. 29–31.

10. Спицына Н.Н. Английские фразеологические единицы с глагольным компонентом turn: типы вариантности / Т.Н. Федуленкова, А.С. Малышева, Н.Н. Спицына // Военно-гуманитарный альманах. Сер. «Лингвистика». – Вып. 4. – Том 1 / Материалы XIII Международ. науч. конф. по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод». – Москва, Военный ун-т, 28 июня 2019 г. / под общ. ред. Н.В. Иванова. – М.: Изд. «Наука», 2019. – С. 387–391.

11. Федуленкова Т.Н. Деловая фразеология в коммуникации / Т.Н. Федуленкова // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: Международ. науч.-практ. конф. / Под ред. В.М. Панфиловой. – Елабуга: Изд. ЕИ КФУ, 2019. – С. 188–190.

12. Федуленкова Т.Н. Фразеология и терминология: грани пересечения: монография / Т.Н. Федуленкова, А.В. Иванов, Т.В. Куприна. – Архангельск: Поморский Госуниверситет, 2009. – 170 с.

13. Федуленкова Т.Н. Уровни деловой терминологии фразеологической сферы в современном английском языке / Т.Н. Федуленкова, Н.Д. Быкова, В.В. Дерягин // Военно-гуманитарный альманах. – Сер. «Лингвистика». – Вып. 3. – Том 1 / Материалы XII Международ. науч. конф. по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод». – Москва, Военный университет, 29 июня 2018 г. / под общ. ред. Н.В. Иванова. – М.: ИД «Международ. отношения», 2018. – С. 498–503.

14. Фразеологические единицы терминологического происхождения // Режим доступа: https://mirznanii.com/a/51427-2/frazeologicheskie-edinitsy-terminologicheskogo-proiskhozhdeniya-2/ (Дата обращения: 21.03.20).

15. Kluzheva N. Lexical variability in English phraseology with the component ‘make’ / N. Kluzheva, O. Ivanova // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Материалы ежегод. международ. конф. 3-4 февраля 2017 г. – Екатеринбург: УрГПУ, 2017. – Ч. III. – С. 14–15.

16. Modern Phraseology Issues: Proceedings of international phraseological conference in memory of Elisabeth Piirainen / Ed.-in-Chief T. Fedulenkova. – Arkhangelsk, 2018. – 204 p.

17. Murthy M. (Ed.). Longman Business English Dictionary / (Ed.) M. Murthy. – Harlow: Pearson Education Limited, 2007. – 594 p.

18. Yakushenko M.A. English for Management: Innovation Life Cycle / M.A. Yakushenko // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Материалы ежегод. международ. конф. 2 февраля 2018 г. – Екатеринбург: УрГПУ, 2018. – Ч. I. – С. 65–66.

Поступила в редакцию 18.03.2020 г.

PHRASEOLOGICAL TERMINOLOGY OF BUSINESS ENGLISH: BASIC STRUCTURAL PATTERNS

T. N. Fedulenkova, N. N. Spitsyna

The article presents the results of structural analysis of phraseological units as part of business terminology of the modern English vocabulary. Phraseological units are treated as stable combinations of words with completely or partially transferred meaning. In the course of the analysis, a number of the most common structural patterns of the analyzed layer of English business terminology are established. Two-component substantive patterns appear to be the most productive ones.

Key words: business terminology, phraseological unit, structural pattern.

Федуленкова Татьяна Николаевна.
Доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н.Г. Столетовых».
Профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации.
E-mail: fedulenkova@list.ru

Спицына Наталья Николаевна.
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых».
Студент Гуманитарного института.
E-mail: natas9909@yandex.ru

Fedulenkova Tatiana Nikolaevna.
Doctor of Philology, Professor.
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.
Professor of the Department of Foreign Languages in Professional Communication.
E-mail: fedulenkova@list.ru

Spitsyna Natalia Nikolaevna.
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.
Undergraduate student of the Institute for the Humanities.
E-mail: natas9909@yandex.ru

УДК 821.111 – 31.09:911.375+929 Диккенс

СТРУКТУРА ЛОНДОНСКОГО ТЕКСТА В РОМАНЕ Ч. ДИККЕНСА «ОЛИВЕР ТВИСТ»

© 2020. *В.Г. Фоменко*
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье проанализированы исторические, социально-экономические условия бурного развития темы города в литературе Англии XIX века. Исследованы особенности структуры лондонского текста характеризующиеся взаимосвязью топоса и локуса в романе Ч. Диккенса «Оливер Твист».

Ключевые слова: город, пространство, текст города, топос, локус, урбанизация.

Введение. Опираясь на теоретические основы структурного анализа «городского текста» К.Г. Юнга, Ю. Лотмана, В. Топорова, М. Бахтина, М. Бютора исследованы художественные ценности образа города, возможности различных истолкований понятия «текст». Текст английской столицы в художественной прозе XIX века представляет собой довольно полное художественное воплощение, где городской пейзаж становится олицетворением городского образа жизни. Текст города, сформировавшийся в указанный период, исследуется не только в контексте литературного процесса, но и с учетом исторических, экономических условий, которые стали катализатором развития темы города в художественной прозе.

Основная часть. Промышленная революция (промышленный переворот, Великая индустриальная революция) – массовый переход от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике, произошла в ведущих государствах мира в XVIII–XIX веках, следствием чего стала индустриализация, которая характеризовалась переходом от аграрной формы экономики к промышленному производству, результатом стал переход аграрного общества в индустриальное. Промышленная революция привела к бурному росту исторических городов, а также к появлению и стремительному развитию новых промышленных, что получило название – урбанизация. Урбанизация рассматривается как: 1) процесс сосредоточения населения, экономической и культурной жизни в городах; 2) распространение черт и особенностей городской жизни, напр., урбанизация сельской жизни [5, с. 318]. За период между 1800 и 1870 гг. доля населения, которое проживало в городах, возросла до 39 %. Быстрые темпы урбанизации XIX века были порождены промышленной революцией. В период с 1700 по 1900 гг. Манчестер, Бирмингем, Глазго и Ливерпуль превратились из небольших городков в гигантские промышленные города. В это время начинают расти и формироваться «мировые столицы» – это «считанные гигантские города всех зрелых цивилизаций, которые пренебрегают и обесценивают, как провинцию, материнский ландшафт своей культуры. Все теперь провинция – и село, и маленький город, и город большой, за исключением этих двух или трёх точек» [7, с. 100]. Стремительно развиваются промышленные города, Ф. Теннис говорит, что фабричный город – «центр науки и образования, которые во всех направлениях развиваются одновременно с торговлей и промышленностью» [6, с. 131].

Промышленная революция произошла в Великобритании в конце XVIII века, а в начале XIX приняла всеобъемлющий характер, очень быстро охватив страны

Европы и Америки. Английский историк и экономист А. Тойнби первым предложил целостную концепцию промышленной революции. В 1884 г. были изданы его «Лекции по промышленной революции в Англии» (в России эта работа была издана под названием «Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии» в 1898 г.). Стремительные темпы урбанизации, рост наёмных рабочих, которые еще вчера занимались крестьянским трудом, чрезвычайно обострили социальные проблемы. Пока города были относительно небольшими, житель города мог дополнительно вести личное хозяйство, обрабатывать огород, но с ростом города такие возможности уменьшались, а крестьянам с трудом приходилось приспосабливаться к реалиям городской жизни. Главным источникам пополнения рабочего класса стали обедневшие крестьяне, которые в поисках заработка переселялись в города. С 1880 по 1914 год 60 миллионов европейцев переселились из деревень в города, внутренняя миграция в XIX веке стала массовым явлением по всей Европе, в ряде стран к началу XX века городское население стало преобладающим.

Существенные изменения в обществе нашли отражение в литературе. Начиная с конца XVIII века, еще не в полной мере, осознанное ощущение противоречий буржуазной цивилизации находит свое выражение в обращении к теме города, городского пространства, в котором сосредоточился центр всех происходящих цивилизационных процессов. Одним из первых летописцев города считается Чарльз Диккенс, который родился в век наступившей индустриальной эпохи. На страницах произведений писателя мы встречаем Лондон георгианский – город периода детства Диккенса, а не викторианский город в котором жил автор в зрелые годы.

Лондон – основное пространство в произведениях Ч. Диккенса, именно здесь разворачиваются события, которые раскрывают тайны города и его жителей. Ч. Диккенс – основатель «городского текста» в английской литературе. Его произведения с точки зрения сегодняшней науки имеют историческую ценность, т.к. точно воспроизводят картину города того времени. Автор с особым мастерством передает «дух» английской столицы, которая в XIX веке являлась влиятельным центром мира, однако изображает ее не со стороны могущества и значимости, а с противоположной. Лондон в романе – город контрастов, где рядом с богатством и блеском существует бедность, грязь и нищета. Исследователь творчества Диккенса Х. Пирсон пишет по этому поводу: «Диккенс – это был сам Лондон. Он слился с городом воедино, он стал частицей каждого кирпичика, каждой капли скрепляющего раствора. Какому еще писателю обязан так какой-нибудь другой город? Это, после его юмора, самый ценный и самобытный вклад его в литературу. Он был величайшим поэтом улиц, набережных и площадей, однако в те времена эта уникальная особенность его творчества ускользнула от внимания критиков» [3, с. 118]. В романе «Приключения Оливера Твиста» Лондон выступает художественным образом, особенности и сущность которого раскрывается через восприятие главного героя романа – Оливера Твиста, ведь именно его глазами перед нами предстает текст Лондона (это архитектура, внутреннее убранство и пр.). Оливер возлагает надежды на: «Лондон !.. Величественный, огромный город!.. Никто – даже сам мистер Бамбл – никогда не сможет отыскать его там! Старики в работном доме говаривали, что ни один толковый парень не будет нуждаться, живя в Лондоне» [1, с. 43].

Для характеристики города Диккенс использует: людей, погоду и природу, архитектуру, описание внутренней обстановки, звуки и запахи. Топос Лондона в произведениях Диккенса не абстрактен, его архитектура создает текст, семиотическая структура которого представлена улицами, районами, площадями и

пр. Таким образом, целостность города в художественном произведении формируется на взаимосвязи топоса и локуса, а городской текст воспринимается как совокупность городских локусов, образа жизни и принципов изображения человека в топосе города. Как семиотическая память культуры, топос концентрирует непреходящие ценности общества, которые принадлежат человечеству и в тоже время проявляются в личном опыте.

Основные действия романа представлены локусами. Понятие локуса как отдельного места, к которому принадлежит герой, в литературоведение ввел Ю. Лотман. Он изучает функционирование термина «локус» в исследованиях о семиотике художественного пространства, где прослеживается мысль о тесной связи героя с определенным местом, локусом. В. Прокофьева полагает, что перспективным может быть исследование локусов и топосов художественной литературы в следующих направлениях.

1. Локусы / топосы национальные и интернациональные.
2. Локусы цивилизации и природные топосы.
3. Локусы реальные (исторические, наблюдаемые в действительности) и виртуальные (воображаемые, мыслимые, фантастические), а также использование писателем одного и того же локуса как реального и фантастического одновременно.
4. Локусы интертекстуальные.
5. Локус как концепт, формирующийся из «подлокусов» и представленный в художественном произведении в виде текстовой тематической группы или лексико-семантического поля.
6. Включение локуса / топоса в оппозиции.
7. Соотнесенность: «локус / топос – персонаж » [4, с. 93].

В романе выделяются локусы более 50 улиц, которым автор дает следующую характеристику «плохая и грязная, мрачная, вредная, сырая, тихая, но красивая улочка». Герой романа Оливер Твист, который оказался на улицах города ужасается: «Более гнусного и жалкого места он еще не видывал. Улица была очень узкая и грязная, а воздух насыщен зловонием» [1, с. 47]. Подобные описания встречаются на протяжении всего романа: «Спустились сумерки; в этих краях жил темный люд; не было поблизости никого, кто бы мог помочь. Минуту спустя его [Оливера] увлекли в лабиринт темных узких дворов, а если он и осмеливался изредка кричать, его заставляли идти так быстро, что слов нельзя было разобрать» [1, с. 89]. Запутаннейший лабиринт узких улиц и дворов символизирует лабиринт жизни, приключений, преступлений героев романа, Лондон, на самом деле – лабиринт в котором не каждый находит выход, Нэнси говорит Оливеру: «Ты ничего не можешь поделать. Я изо всех сил стараюсь тебе помочь, но это ни к чему не привело. Ты связан по рукам и ногам. Если удастся тебе когда-нибудь вырваться отсюда, то, во всяком случае, не сейчас» [1, с. 121]. Локусами в романе выступают и районы Лондона в которых процветает воровство, омерзительное общество в омерзительном вертепе – основная формулировка Диккенса, характеризующего жителей города и его отдельных районов. Негативное отношение у читателя вызывает локус района Фолли-Дитч: «Деревянные пристройки, нависающие над грязью и грозящие рухнуть в неё – что и случается с иными; закопченные стены и подгнивающие фундаменты; все отвратительные признаки нищеты, всякая гниль, грязь, отбросы, – вот что украшает берега Фолли-Дитч. У домов нет владельцев; двери выломлены. Те, что ищут приюта на Острове Джекоба, должны иметь основательные причины для поисков тайного убежища, либо они дошли до крайней нищеты» [1, с. 191]. Локусы

улиц, районов, домов, комнат являются характеристикой той части городского пространства, которое воплощает дно Лондона. Известно, что первоначальный замысел романа «Оливер Твист» был роман уголовный, поэтому локус трущоб, тюрьмы, практически дышат реальными, беспристрастными описаниями. В романе встречаем локус лондонской уголовной тюрьмы Ньюгейт, в которой проводит свои последние дни Феджин. Закоренелые преступники, беглые каторжники эксплуатируют мальчишек, прививая им своеобразную воровскую гордость, время от времени выдавая менее способных из своих учеников полиции; они же толкают на панель девушек, подобных Нэнси, раздираемых угрызениями совести и верностью своим возлюбленным.

Важное место в тексте города занимает локус трактира, передающий общий настрой людей: «Единственными заведениями, как будто преуспевающими в этом обреченном на гибель месте, были трактиры, и в них орали во всю глотку отпетые люди – ирландские подонки» [1, с. 47]. Локус рынка характеризуется описанием процесса торговли, общения людей, настроениями: «Был базарный день. Крестьяне, мясники, погонщики, разносчики, мальчишки, воры… смешались в толпу; отвратительный вой, то и дело доносившийся со всех концов рынка, и немытые, небритые жалкие и грязные люди, мечущиеся туда и сюда, – все это производило ошеломляющее, одуряющее впечатление» [1, с. 124, 125]. Писатель очень реально показывает жизнь рынка – визг свиней, толкотня и давка, которые являются вечными спутниками товарных мест. То, как он передает общую атмосферу, настрой людей, чувствуется в каждом слове, здесь можно выделить прием градации – усиление образа рынка. Анализ художественного текста романа Ч. Диккенса «Оливер Твист» позволяет отнести вышеперечисленные локусы к сюжетным, что является характерным для развития художественной прозы XIX века.

Заключение. Тема города становится ведущей в литературе XIX века, что связано с событиями промышленной революции, ставшей генератором стремительного развития научно-технического прогресса. Ч. Диккенс считается первым писателем, который масштабно представил городское пространство Лондона XIX века. Целостность городского текста в романе Ч. Диккенса «Оливер Твист» формируется взаимосвязью топоса и локуса. Опираясь на классификацию В. Прокофьевой в романе можно выделить следующие локусы: районы Лондона, улицы, площади, рынки, дома, комнаты, тюрьмы, которые в свою очередь сформировали лондонский текст произведения. Тема городского пространства в художественной прозе XIX века требует дальнейшего осмысления с точки зрения современных подходов литературоведения и станет предметом наших дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста / Чарльз Дикенс. – М. : Художественная литература, 1980. – 350 с.

2. Лотман Ю. Структура художественного текста / Юрий Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.

3. Пирсон Х. Диккенс / Хескет Пирсон. – М. : Молодая гвардия, 1963. – 512 с.

4. Прокофьева В. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы / В. Прокофьева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 11. – С. 87–94.

5. Современный словарь иностранных слов / Составители: О.И. Скопненко, Т.В. Цымбалюк. – К.: Доверие, 2006. – 789 с.

6. Теннис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Фердинанд Теннис ; пер. с нем. Д.В. Скляднева. – М.; СПб. : Фонд университет; Владимир Даль, 2002 – 450 с.

7. Шпенглер О. Закат Европы : [в 2 т.] / Освальд Шпенглер. – М. : Айрис-пресс, 2003. – Т.1. – 528 с.

Поступила в редакцию 02.03.2020 г.

STRUCTURE OF LONDON TEXT IN THE NOVEL «OLIVER TWIST» BY CH. DICKENS

V.G. Fomenko

The article analyzes the historical, and socioeconomic conditions of the rapid development of the theme of the city in the XIXth century British literature. London text structural features are considered. The interconnection of topos and locus in the novel «Oliver Twist» by Ch. Dickens is revealed.

Key words: city, space, city text, topos, locus, urbanization.

Фоменко Вера Григорьевна.
Доктор филологических наук, профессор.
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».
Заведующий кафедрой журналистики и медиакоммуникаций.
E-mail: arabeski-vera@mail.ru

Fomenko Vera Grigoryevna.
Doctor of Philology, Professor.
Lugansk National University named after Taras Shevchenko.
Head of the Department of Journalism and Media Communication.
E-mail: arabeski-vera@mail.ru

УДК 821.133.1

СТУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ

© 2020. *Т.Н. Глоба*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена рассмотрению проблемы фразеологической синонимии. Автор анализирует структурные особенности французских фразеологических оборотов на материале фразеологических синонимов литературного стиля. В исследовании произведена классификация литературных фразеологизмов по структурным характеристикам во французском языке.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические синонимы, литературные синонимы, фразеологический ряд, фразеологические варианты, предикативные, непредикативные, частично предикативные фразеологизмы.

Современный французский язык постоянно находится в процессе развития, соответственно подвергается изменениям. Фразеология – это особая отрасль языкознания, которая изучает устойчивые сочетания, называемые фразеологическими единицами или фразеологизмами [5, с. 5]. Фразеологизмы являются инструментом для обогащения языка, помогая точнее описать то или иное понятие, состояние, процесс, явление. Образование новых фразеологических единиц в языке расширяет его лексические границы. Таким образом, можно наблюдать появление лексических синонимов у уже существующих фразеологизмов.

Изучение проблем французской фразеологической синонимии вызывало интерес у многих российских (Н.Ф. Алефиренко, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, А.Г. Назарян, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Н.М. Шанский, Е.З. Ленец, Л.В. Мурадова), отечественных (Н.Е. Каика, Л.П. Кофанова) и зарубежных (Ш. Балли, П. Гиро, Э.И. Липшицене-Зибуцайте, Ж. Марузо, М. Ра, А. Рей, С. Шантро) лингвистов.

Несмотря на значительное количество зарубежных и отечественных исследований, посвящённых особенностям функционирования в речи французских фразеологических синонимов, данные формы лингвистических единиц остаются наиболее сложными для восприятия в процессе изучения отрывков из французской литературы разных временных периодов.

Актуальность статьи связана с непрерывной эволюцией французского языка, развитием его лексической системы, изучением функционирования её единиц в речи, выявлением особенностей их употребления, а также описанием различий и особенностей структурных типов фразеологических оборотов.

Объектом данной работы является явление фразеологической синонимии французского языка в произведениях современных французских писателей. **Предметом** исследования являются структурные особенности литературных фразеологических синонимов в произведениях французских писателей.

Целью исследования было выявление сути фразеологической синонимии во французском языке, а также структурных особенностей литературных фразеологических синонимов. Для этого были поставлены следующие **задачи**:

1. Дать определения основных понятий, используемых в данном исследовании: «фразеология», «фразеологическая единица», «фразеологическая синонимия».

2. Выделить структурные особенности французских фразеологических синонимов литературного стиля.

Для решения поставленных в работе задач были использованы следующие **методы**: описательный метод, сопоставительный метод, метод компонентного анализа, метод количественного анализа, исторический метод.

Материалом исследования послужили фразеологические синонимы, отобранные из произведений французских писателей: Роже Ваяна, Пьерра Гамарра, Мишеля де Сент-Пьерра, Эмиля Золя, Проспера Мериме, Андре Моруа, Ромена Роллана, Стендаля, Гюстава Флобера, Анатоля Франса, а также данные словарей «Le PetitRobert», «Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов» Л.П. Кофановой и Н.Е. Каики, лингвистический корпус фразеологических синонимов Э.И. Липшицене-Зибуцайте.

Часто именно фразеологизмы служат единственным лингвистическим инструментом для описания процессов, состояний, свойств, ситуаций. Образование фразеологических единиц исключает разногласия между мышлением и ограниченностью лексического фонда языка. Когда фразеологизмы имеют фразеологический синоним, они становятся различимы по стилистическим особенностям. Фразеологические единицы – это «устойчивые словосочетания, характеризующиеся постоянством лексического состава и осложненной семантикой» [10, с. 654]. Такие словосочетания встречаются в каждом языке, так что справедливо считать их одними из языковых универсалий.

Фразеологический оборот – это неделимое сочетание слов, которые выражают одно общее значение, то есть слова не рассматривают по отдельности как самостоятельные лексические единицы, как и нельзя рассматривать фразеологический оборот как сочетание нескольких лексических единиц. Всё фразеологическое выражение является одним членом предложения и реализуется в речи уже «в готовом виде» [2, с. 113].

Основываясь на трудах ученых-лингвистов, таких как Ш. Балли, А.Г. Назарян, В.В. Виноградов, чтобы отделить фразеологизм от любой другой языковой единицы, следует чётко выделить характерные признаки фразеологизмов:

- особое экспрессивно-образное значение, целостность фразеологической номинации;
- раздельнооформленность компонентного состава;
- специфическая воспроизводимость;
- особая (фразеологическая) устойчивость [1, с. 256].

Фразеологизмы следует отличать от отдельных слов и их свободных сочетаний, так как фразеологические единицы должны обладать такими признаками: воспроизводимость в готовом виде (фразеологизмы не создаются в свободном потоке речи и не образуются в процессе общения, то есть воспроизводятся в речи в виде готовых языковых единиц); устойчивость состава и структуры, то есть компоненты фразеологизмов связаны друг с другом и следуют в определенном порядке, их состав постоянный, положение и порядок слов, составляющих фразеологический оборот, не меняются; целостность значения; фразеологизмы выступают в качестве делимых сочетаний, компоненты которых понимаются говорящими как слова; наличие в составе двух или более ударных слов [9, с. 112−116].

В виду знаковой специфичности фразеологизмов-идиом, их можно считать микротекстом, в номинативное основание которых заложены все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во

фразеологизмах в виде «свёртки», готовой к употреблению как текст в тексте [8, с. 8]. Таким образом, тему фразеологического оборота формирует информация о так называемой объективной действительности, которая отображается в содержании денотативного аспекта фразеологических единиц.

Фразеологические синонимы – это высокоинформативный лингвистический источник, от умелого пользования которым зависит степень проникновения в систему иностранного языка. Область синонимии французских фразеологизмов мало исследована лингвистами. Во французском языке существует ряд фразеологических оборотов не только с экспрессивной интенцией, с целью придать речи большую выразительность, но и с аналитической точки зрения призванных наименовать понятия, чувства, явления, для которых не существует одного слова *faire peur, avoir faim* и т.п. Такие фразеологические единицы вступают в синонимические отношения друг с другом, обладая различной структурно-семантической характеристикой [6, с. 281].Но, учитывая, что слово в основном служит инструментом коммуникации и ему свойственна в большей степени назывная функция, для фразеологизмов больше характерны конкретизация и выразительность значения. Фразеологический оборот образуется из свободного словосочетания слов, которые вступают между собой как в грамматические, так и в семантические отношения. То есть, в целом такое выражение несёт смысловую нагрузку и может быть понято в определённом контексте, но большую значимость и широту употребления такой оборот приобретает исключительно как фразеологическая единица.

Необходимо отметить, что синонимы делятся на: абсолютные (полные) и относительные (частичные). Относительными (частичными) синонимами (квазисинонимы) называются такие лексические и фразеологические единицы, которые обладают семантико-стилистическими отличиями. Абсолютными (полными) синонимами называются лексические и фразеологические единицы, которые обладают тождественными значением, стилистической окраской. Абсолютные синонимы не имеют ни семантических, ни стилистических отличий [1, с. 219]. В ходе исследования мы рассматривали только абсолютные синонимы, так как изучали не отдельную фразеологическую единицу, а целый синонимический ряд в соответствии с функциональным стилем. Существует много фразеологических синонимов, которые различаются образностью или стилистическими особенностями, но им свойственна понятийная тождественность. Такие фразеологические обороты имеют общее значение как в языке, так и в речи. Синонимический ряд фразеологических оборотов предполагает такое свободное употребление и взаимозамену в речи при условии одинакового стилистического фона. Таким образом, взаимозаменяемость является критерием синонимичности французских фразеологизмов. Тем не менее, нельзя рассматривать фразеологические синонимы, как обороты, которые могут заменять друг друга. Их следует трактовать как обороты, уточняющие смысл понятия и отношение говорящего к нему.

Фразеологические синонимы, так же как и фразеологические варианты, должны рассматриваться в первую очередь на интралингвистическом уровне. Как правило, фразеологические синонимы тождественны по семантическому значению, по функциям в языке и, возможно, по грамматическому оформлению. Различие между синонимическими фразеологическими единицами состоит в сфере их употребления и в степени экспрессивности. Фразеологические варианты же соотносимы по смыслу, лексическому составу и стилистической характеристике и могут различаться по структурно-грамматическим признакам и функциям в языке (номинативной или

коммуникативной) [7, с. 24]. Вариантность – важнейший источник обогащения и обновления фразеологического фонда современного французского языка. Важно отметить, что фразеологические варианты не соответствуют понятию фразеологических синонимов. Основным признаком отличия фразеологических вариантов от фразеологических синонимов является единство образа, то есть фразеологические варианты всегда восходят к одному и тому же источнику [5, с. 225]. Следует рассматривать варианты фразеологической единицы как видоизменения этой единицы в границах языковой нормы. Эти видоизменения не нарушают семантическое значение фразеологической единицы. Например, вариантами являются следующие фразеологические единицы: *détourner qn de son chemin, écarter qn de son chemin, écarter qn de sa voie*‘сбить кого-либо с (правильного) пути’. Для сравнения возьмём синони мический ряд фразеологизмов с общим значением ‘быть смелым’: *avoir de l'estomac, n'avoir pas froid aux yeux, avoir du sang dans les veines.* Эти фразеологизмы связаны общей архисемой (*être courageux*), но каждый из них содержит ещё и присущую только ему дифференциальную сему. Таким образом, между фразеологическими синонимами существуют семантические, стилистические или семантико-стилистические различия, благодаря которым они не всегда способны взаимозаменяться. В свою очередь, фразеологические варианты являются более однородными с семантической точки зрения фразеологическими единицами, связанными общностью значения и способностью иметь смысловую замену.

Сфера применения литературных фразеологических синонимов очень широка. Такие фразеологические единицы являются основой для стилистической дифференциации фразеологизмов других функциональных стилей. Стоит отметить, что данные фразеологические обороты не лишены экспрессивности, так как литературный стиль − один из реально существующих стилей общенародного языка, употребляемый в действительном общении людей, а потому это стиль не лишённый эмоционально-экспрессивных и социальных элементов [7, с. 219]. Рассмотрим на конкретных примерах из произведений французской художественной литературы особенности употребления французских фразеологических синонимов литературного стиля. Например, фразеологические синонимы ***battre la campagne, battre le pavé* с общим значением ‘**бродить, шататься, слоняться’ относятся к литературно-разговорному стилю**. Фразеологический синоним данного ряда *battre le pavé* имеет более узкое значение ‘шататься, слоняться без дела’:**

La morte-saison arrêtait les affaires; plus de cinq mille employés de commerce, congédiés comme elle, battaient le pavé sans place. ‘Мёртвый сезон остановил торговлю; более пяти тысяч работников торговли, уволенных как она, слонялись без дела’ [22, с. 54].

Bonjour, monsieur Sylvestre Bonnard. Où donc alliez-vous, battant la campagne de votre pied léger, tandis que je vous attendais devant la gare avec mon cabriolet? ‘Здравствуйте, господин Сильвестр Боннар. Где же вы бродили в то время, как я ждала вас у вокзала в своем экипаже?’[11].

Au hazard, à l'aveuglette – как попало, на авось. Синонимы различаются лишь незначительными смысловыми оттенками и степенью экспрессивности. *Au hazard* – наугад, без разбора, кое-как. *À l'aveuglette*– наугад, не зная дела, отличается большей выразительностью благодаря своей прозрачной образности.

Il en savait la cause, les ponts détruits, les voies rafistolées, mais pourquoi tous ces arrêts absurdes, avec des cris dans la nuit, comme s'il eût fallu à chaque fois négocier le passage? Cette incohérence, ces retards, comme si l'on lançait les trains au hasard? [14,

с. 219]. *‘Он знал причину этого, разрушенные мосты, отремонтированные кое-как дороги, но для чего все эти абсурдные остановки, с ночными криками, как будто каждый раз необходимо было договариваться о переправе? Путаница, задержки, казалось, что поезда ехали наугад’.*

Vous, vous ne savez rien et vous parlez un peu à l’aveuglette [15, c. 186]. ‘Вы же ничего не знаете и говорите, не зная дела’.

Интерес современных лингвистов сосредоточен также вокруг сравнительных особенностей фразеологических единиц и свободных словосочетаний. Одной из главных таких особенностей является структура фразеологизмов, их состав, который и отличает их от других устойчивых выражений. Так, например, пословицы, поговорки и крылатые слова по своей семантике и синтаксической структуре отличаются от фразеологизмов, они имеют структуру предложения и не являются семантическими эквивалентами слов [3, с. 243]. Фразеологические единицы строятся по тем же грамматическим моделям, что и свободные словосочетания. В.Г. Гак выделяет фразеологические единицы, которые организуются по специфическим структурным моделям:

1) выражения, состоящие из глаголов и приглагольного объектного местоимения (*y voir clair, s’y connaître*);
2) выражения с каузативными глаголами faire и laisser (*se laisser faire, faire venir l’eau à son moulin*);
3) выражения, восходящие к абсолютным конструкциям (*les bras ouverts, bouche bée*);
4) выражения, имеющие структуру аналитических лексических единиц, в частности глагола с существительным без артикля (*faire eau, avoir vent*);
5) выражения с инфинитивными оборотами (*bête à pleurer, contes à dormer debout*);
6) выражения с глаголом avoir (*avoir la larme à l’oeil, avoir le dernier mot*).

Существуют различные классификации фразеологизмов по структурным характеристикам во французском языке. В данной работе за основу взята классификация русского языковеда А.Г. Назаряна, который выделял следующие структурные типы фразеологизмов: 1) непредикативные фразеологические единицы; 2) частично предикативные фразеологические единицы; 3) предикативные фразеологические единицы [5, с. 58−60].

Анализ структурных особенностей фразеологических синонимов был проведен в стилистической группе литературных синонимов, количество отобранных фразеологических единиц составило 559. Отобранные единицы образовали 203 синонимических ряда.

Непредикативные фразеологизмы делятся на две группы: а) одновершинные (состоящие из одного знаменательного и одного или более служебных слов); б) фраземы (состоящие из двух или более знаменательных слов и представляющие собой словосочетания с подчинительной, сочинительной или подчинительно-сочинительной связью компонентов) [5, с. 59].Так, например, синонимический ряд *depuis A jusqu'à Z, de la tête aux pieds* с общим значением ‘от начала до конца, целиком и полностью’ по своей структуре синонимы являются непредикативными, а именно – фраземами.

Il faudrait vous reprendre et vous changer depuis A jusqu’à Z pour vous amener à me comprendre [20]. ‘Вам стоило бы взять себя в руки и измениться от А до Я, чтобы Вы меня поняли’.

[…] elle pleignait son frère, ce jeanjean que sa femme peignait en jaune de la tête aux pieds [22, c. 351] '[…]она жалела своего брата, этого простофилю, которого жена облапошила с головы до ног.'

Синонимический ряд *en butte à, enproie à* с общим значением 'подвергаться чему-либо' содержит непредикативные фразеологические единицы, которые структурно являются одновершинными.

Et l'on t'y voit partout être en butte à ses traits [18, c. 51] 'Повсюду ты мишень его колючих стрел.'

…en sorte que nous sommes, que je suis en proie à l'amour des femmes [...][15, c. 213]. '…и таким образом, мы с вами подвержены любви к женщинам.'

Отличительной особенностью частично предикативных фразеологизмов является наличие прямого, косвенного или обстоятельственного дополнения или определения у ведущего компонента, который так же может быть выражен словосочетанием [5, с. 59]. Рассмотрим структуру частично предикативных фразеологических синонимов на примере синонимического ряда *bavarder (jaser, jacasser) comme une pie (une sigale, un merle, un perroquet), parler comme un moulin* с общим значением 'много говорить', которые несут в себе компаративный характер.

Elle bavardait comme une pie: il lui donna la replique avec entrain[19, c. 147]. 'Она трещала, как сорока: он шутливо ей отвечал.'

Ce garçon, grand et roux, parlait comme un moulin, en jetant autour de lui des regards malicieux[16, c. 152]. ' Этот парнишка, высокий и рыжий, тараторил без умолку, бросая озорные взгляды.'

Предикативные фразеологизмы имеют предикативную структуру и также делятся на две группы: 1) с замкнутой структурой (несут в себе законченную мысль); 2) с незамкнутой структурой (несут в себе незаконченную мысль, требуют распространения с помощью переменных слов) [5, с. 59].Так в синонимическом ряду *venir en aide (à qn), porter secours (venir au secours), prêter la main (à qn), donner un coup d'épaule (main) à qn, tendre la perche à qn, pousser à la roue, prêter main-forte à qn, faire la courte échelle* с общим значением 'помочь' члены ряда имеют предикативную замкнутую структуру, то есть несут в себе законченную мысль и не требуют дополнительного описания с помощью других знаменательных или служебных слов:

Ils arivaient tout juste de joindre les deux bouts […]. Christophe aurait pu, sans doute, s'adresser à Rodolphe, qui était plus que lui en état de venir en aide à Ernest [19, c 299]. 'Им приходилось буквально сводить концы с концами […]. Несомненно, Кристоф мог бы обратиться к Родольфу, который был способен помочь Эрнесту больше, чем он сам.'

Puis il resta là, tournant, ne sachant que dire. Félicité vient à son secours: –Tu as entendu parler de la belle conduite de ton père? reprit-elle[23, c. 136]. 'Он оставался на месте, поворачиваясь, не зная, что сказать. Фелисите пришла ему на помощь: –Ты слышал о подвиге отца?– заговорила она.'

[…] il lut un ordre en bonne forme, enjoignant de par le roi au capitaine Mergy de prêter main-forte à la garde bourgeoise [...][17, c. 93]. ' […] он прочел составленный по всей форме указ, именем короля обязывавший капитана Мержи оказать поддержку городскому ополчению […].'

Синонимический ряд предикативных фразеологических единиц *avoir (faire) confiance en (dans, à) qn, qch, avoir foi (dans) qn, qch* с общим значением 'верить в кого-либо, оказать доверие кому-либо' имеет незамкнутую структуру, следовательно, выражения требуют распространения с помощью переменных слов:

Pierre, au contraire, avait en lui une confiance absolue […] parce qu'il se flattait lui même en croyant au genie d'un fils qui était son vivant portrait [23, с 95]. 'Пьер, напротив, безгранично в него верил […], потому что он льстил самому себе, будучи уверенным в гениальности сына, который был его живым портретом.'

– Comme tu sais bien feindre l'indignation, dit-il. En qui pourrai-je jamais avoir foi?[21, с. 217]. 'Как хорошо ты умеешь изображать возмущение. Смогу ли я когда-нибудь доверять хоть кому-либо?'

Таким образом, структурный анализ проделанной работы показал, что большую часть выборки фразеологизмов литературного стиля составляют предикативные фразеологические единицы – 179 синонимических рядов (497 единиц), что составляет 89% всей выборки, непредикативные – 14 рядов (34 единицы) и 6 % выборки, частично предикативные – 10 рядов (28 единиц) 5 % выборки. Полученная количественная характеристика структурных особенностей французских фразеологизмов в синонимической области демонстрирует преобладание предикативных структур. Этот феномен связан с аналитическим строем французского языка, а именно с его предикативностью, так как во французском языке предикативность – это связь между содержанием фразы и объективной реальностью.

По причине аналитического характера французского языка глаголы *avoir* и *être*, часто употребляются во фразеологических выражениях и определяют структуру фразеологизма как предикативную. Данные глаголы сохраняют дополнительное лексическое значение, но подвергаются грамматическому обобщению, то есть функция глагола может быть названа связочной. Абстрактный характер значения французского глагола способствует многозначности вербальных фразеологических единиц, однако оставляет в стороне проблему полисемии фразеологических единиц других лексико-грамматических классов. Фразеологизмы не являются готовым предложением с привычной в грамматике французского языка полной предикативной связью. Однако, речь идёт о структуре второй предикации, которая соединяет элементы фразеологических конструкций синтагматической связью. Этим также объясняется частотность употребления предикативных фразеологизмов с замкнутой структурой, то есть фразеологизмов со смысловой завершённостью. Реализуются данные фразеологизмы во фразовом или сверхфразовом контексте путём их присоединения к переменным предложениям.

Констатируем, что текстовая природа придаёт фразеологизмам-идиомам статус особых языковых знаков и объясняет их приспособленность к функции характеризующей предикации: они служат для указания на факторы субъекта – на интенции говорящего или слушающего, которые и являются «вершинными» для значения фразеологизмов, а фактор объекта обозначения обеспечивает идентификацию того, что является поводом для проявления этих интенций. Таким образом, лингвистический контекст играет решающую роль в возникновении и эволюции языковых форм в процессе грамматикализации. Перспектива дальнейшего изучения вопросов фразеологической синонимии может заключаться в выявлении и описании структурных особенностей фразеологических оборотов французского языка в сравнении с другими языками.

СПИСОКЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс / Н.Ф. Алефиренко – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.

2. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

3. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 318 с.

4. Липшицене-Зибуцайте Э.И. Фразеологические синонимы французского языка. Пособие для студентов факультетов иностранных языков педагогических институтов / Э.И. Липшицене-Зибуцайте. – Л.:Просвещение, 1971. – 296 с.

5. Назарян А.Г.Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.

6. Немченко В.Н. Введение в языкознание: учебник для вузов / В.Н. Немченко. − М.: Дрофа, 2008. – 703 с.

7. Степанов Ю.С.Французская стилистика (в сравнении с русской) / Ю.С. Степанов. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. –360 с.

8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

9. Шанский Н.М. Лексика и фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. –М.: гос. Учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1957. – 167 с.

10. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред.В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.

11. Dictionnaire français-russe des idiomes. Available at: www. dic.academic.ru. (accessed: 26.12.2019).

12. Kaïka N.E. Le dictionnaire des Equivalents praséologiques russes-français / N.E Kaïka, L.P. Kofanova. – Donetsk: SARL «Yugo-Vostok, Ltd», 2005. – 548 p.

13. Rey A. Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française / A. Rey. – Paris, 2006. –2900 p.

14. Daix P. La rivière profonde / Pierre Daix. – P.: Rene Juillard, 1961. – 512 p.

15. De Saint-Pierre M.Les Ecrivains / Michel de Saint-Pierre. – P.: Calmann-Lévy, 1957. – 286 p.

16. Gamarra P. Le Père Simon / Pierre Gamarra. – P.: Gallimard, 2011. – 267 p.

17. Mérimée P. Chronique du règne de Charles IX / P. Mérimée. – P.: Editions Flammarion, 2007. – 296 p.

18. Molière Les Femmes savantes / Molière. – P.: Larousse Editions, 2006. – 121 p.

19. Rolland R. Jean-Christophe / Romain Rolland. – P.: Henry Holt, 2011. – 484 p.

20. Sand G. Lettres d'un voyageur. Available at: www. babelio.com/livres/Sand-Lettres-dun-voyageur / 102500. (accessed: 29.12.2019).

21. Vailland R. Beau Masque /Roger Vailland. – P.: Livre de Poche, 1970. – 444 p.

22. Zola E. Au bonheur des dames / Emile Zola. – M.: T8Rugram, 2018. – 562 p.

23. Zola E. L'Assommoir / Emile Zola. – P.: Livre de Poche, 1971. – 566 p.

24. Zola E. La Fortune des Rougon / Emile Zola. – P.: Librairie Générale Française, 2004. – 475 p.

Поступила в редакцию 16.01.2020 г.

STRUCTURAL FEATURES OF FRENCH LITERARY PHRASEOLOGICAL SYNONYMS

T. N. Globa

The article addresses the problem of phraseological synonymy. The author analyzes structural features of French phraseological turns on the material of phraseological synonyms of literary style. The study classifies the French literary phraseological units according to their structural characteristics.

Key words: phraseology, phraseological synonyms, literary synonyms, phraseological set, phraseological variants, predicative, non-predicative, partially predicative phraseological units.

Глоба Татьяна Николаевна.
Кандидат педагогических наук.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры романской филологии.
E-mail: tat-globa@yandex.ru

Globa Tatyana Nikolayevna.
Candidate of Pedagogical Sciences.
Donetsk National University.
Associate Professor of Romance Philology Department.
E-mail: tat-globa@yandex.ru

УДК 81’42

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЫРАЖЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО СМЫСЛА В ЖАНРАХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

© 2020. *Н.В. Гладкая*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются основные модели порождения смысла слов, словосочетаний, предложений, способных производить в речи комический эффект, а также коммуникативно-прагматический потенциал выражения комического смысла в наиболее продуктивных жанрах интернет-коммуникации. Наибольшим потенциалом для создания комического эффекта обладают те стилистические приемы (на разных уровнях языковой системы), механизм создания которых основывается на сопоставлении (одновременной реализации) противоположных, несопоставимых значений.

Ключевые слова: комическое, интернет-коммуникация, демотиватор, пресуппозиция, прагматический эффект, языковая игра.

Феномен комического является предметом изучения гуманитарных наук. Приоритетная роль среди них принадлежит, безусловно, философии и эстетике, в которых комическое рассматривается как одна из эстетических категорий, наряду с прекрасным, возвышенным, трагическим или героическим.

Комическое рассматривается как особая эстетическая форма критики, в основе которой лежит противопоставление высокого идеала несовершенной реальности. Вот как определяет комическое А.М. Макарян: «Комическое тоже жизнь, но не та, которую мы считаем прекрасной, возвышенной, героической, а такая, которая нежелательна, не соответствует идеалу, которая противоречит нашим представлениям о прекрасной жизни, эстетическим идеалам» [3, с. 34].

Юмор представляет собой определённое средство передачи информации, мыслей чувств, выступает средством социализации. В социальном взаимодействии совместное понимание юмора помогает устанавливать и поддерживать социальные отношения. Ввиду несовпадения культурного багажа и языковых картин мира коммуникантов часто возникают коммуникативные сбои и недопонимание. Поэтому предотвращение коммуникативных сбоев, вызванных непониманием юмора, имеет большое значение, как для лингвистики, так и для практики межкультурной коммуникации в целом. Мы можем рассматривать юмор как одно из лингвистических средств выражения эмоции радости в мультикультурной среде. При этом корректное понимание юмора предполагает у реципиентов достаточный интеллектуальный уровень.

Средства выражения комического подразделяются на невербальные (отклоняющиеся от нормы нелепые действия или предметы) и вербальные (фонетические, лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматические и графические приёмы).

Создание комического эффекта основано на игре со смыслом, отличающейся разнообразием типов, стратегий и правил, набор которых различен в зависимости от множества аспектов, в том числе культурной и социальной среды. Коммуникативная ситуация воспринимается как комическая тогда, когда с людьми внезапно «происходит нечто неприятное, чего они не ждали и что нарушает мирное течение их жизни» [5]. М. Рюмина определяет комическую ситуацию как «разрушение иллюзий субъекта-

наблюдателя по отношению к объекту» [6]. Неожиданность является главным аспектом при создании комической ситуации. Все компоненты коммуникативного акта взаимозависимы, поэтому изменение хотя бы одного из них обязательно влечет изменение других. Самой полной представляется девятикомпонентная теория Д. Хаймса: 1) роли адресанта и адресата; 2) категория «предмет речи» (топик); 3) обстоятельства (setting), т.е. место, время и другие значимые параметры; 4) канал общения; 5) код, т. е. язык, диалект, стиль общения; 6) форма сообщения (message form) определяет речевой жанр – беседа, спор, сказка и пр.; 7) событие (event) – природа коммуникативного события, в одном из жанров которого реализуется данная ситуация, например, любовное письмо – жанр письма; 8) ключ (key) – оценка эффективности речевого события; 9) цель (purpose) – категория, отражающая намерения участников речевой ситуации – то, что, по их мнению, должно было бы стать результатом данного речевого события [7]. Данная модель представляется наиболее уместной при анализе современных комических текстов.

Языковая игра может возникнуть в результате несоответствия иллокутивной силы речевого акта и перлокутивного эффекта: адресат по-своему истолковывает намерения говорящего и реагирует на них. Например, иллокутивная составляющая текстовой части изображения *«Люблю доставать людей»* (рис. 1) может быть корректно эксплицирована только при наличии соответствующей подписи. В основе каламбура лежит явление полисемии (*доставать* – «брать что-либо, находящееся на расстоянии или вне непосредственного доступа», перен., жарг. «сильно надоедать, доводить до озлобления или утомлять»).

Рис. 1

Рис. 2

Комическая ситуация может создаваться в случае, если в коммуникативном акте происходит неправильная идентификация референта участником общения*: Разговор в кафе: А чем ты занимаешься? – Делаю гироскопы. – Ой, а я не верю в гироскопы* (рис. 2).

Жанр демотиватора, как один из наиболее распространенных жанров интернет-дискурса, по своей природе ориентирован на смысловую неоднозначность. Самой распространенной смысловой неоднозначностью, по версии Л.В. Бабиной, является каламбур, когда вербальная и визуальная составляющая демотиватора обыгрывают разные значения одного и того же слова [1]. Следовательно, для достижения наибольшего успеха демотиватор должен содержать диссонанс между надписью,

бросающейся в глаза, и изображением. Спонтанному распространению подвержена та информация, которая не оставляет равнодушным пользователей по тем или иным причинам (острые социальные вопросы, политические проблемы, игра слов и проч.).

В демотиваторе *«Чистота и порядок»* (рис. 3) адресат может реализовывать метафорическое выражение «чистота и порядок», обозначающее отвлеченные понятия, соотнеся его с конкретными людьми, представителями определенных профессий (милиционер и дворник). Если рассматривать процесс построения данного высказывания с перспективы его автора, становится очевидным, что он основывается на содержании определенной пресуппозиции, преследуя следующую коммуникативную цель: достижение восприятия адресатом имплицитной информации как факта, общепризнанного и не требующего комментариев.

Рис. 3

Однако следует отметить, что разграничение пресуппозиций довольно нечеткое. Поэтому часто языковые явления относятся к различным типологическим структурам. Таким образом, в когнитивно-прагматическом плане демотиватор «*Чистота и порядок»* относится и к лингвистической пресуппозиции, которая опирается на знания, содержащиеся в самом языке, и к коннотативной пресуппозиции, которая связана с побочными значениями слов и выражений, и к коммуникативной, которая основывается на представлении говорящего о степени осведомленности адресата речи. То есть, для правильной интерпретации вербального компонента адресат должен хорошо владеть русским языком, понимать уместность данного высказывания и учитывать культурные особенности.

Для лингвистического подхода следует выделить сигналы юмористического в тексте, которые в зависимости от национально-специфических и индивидуальных особенностей адресата могут быть им опознаны и идентифицированы. В данном аспекте теория М. Минского о механизме порождения юмористического эффекта в отношении к фреймовой теории крайне важна и имеет большую «объяснительную силу для изучения механизмов становления юмора на основе лингвокогнитивного подхода» [4].

При создании юмористического фрейма используются две структуры: исходный фрейм (информация, появляющаяся в сознании первой) и юмористический фрейм (фрейм, заменяющий исходный). Юмористические фреймы могут ассоциироваться с

определенными сценариями. Сценарии представляют собой не только «зрительные, но и иные виды внутренних мысленных образов: межличностные процессы общения, стандартные сценарии поведения, предписываемые культурной, институциональные структуры» [2]. Так, в демотиваторе *«Стакан сока на ужин»* (рис. 4) совмещаются два фрейма-сценария: правильное питание (стакан сока) и плотный калорийный ужин. Визуальный компонент активизирует в сознании реципиента определенные стереотипные образы, характерные для представителей различных лингвокультур. Вербальный компонент демотиватора имеет определенное значение, но не обладает смысловой самостоятельностью вне соотнесения с изображением.

Рис. 4

Рис. 5

Возможность достижения желаемого комического эффекта в демотиваторе зависит от включенности адресата в определенный культурный контекст и требует от реципиента фоновых знаний. Изображение призвано вызвать определённые ассоциации у адресата, углубить концептуальное содержание текста. Автор использует игру на многозначности слов. Иконический компонент в демотиваторе *«Старинная головоломка»* (рис. 5) отсылает нас к одному из переносных значений слова *головоломка* – «холодное оружие ударно-раздробляющего действия (булава)», а вербальный компонент подразумевает прямое значение данного слова – «сложная, трудноразрешимая задача, загадка»; в когнитивно-прагматическом плане демотиватор относится и к лингвистической пресуппозиции, которая опирается на знания, содержащиеся в самом языке, и к коннотативной пресуппозиции, которая связана с побочными значениями слов и выражений, и к коммуникативной, которая основывается на представлении говорящего о степени осведомленности адресата речи. Возникновение комического смысла обусловлено особенностью индивидуального человеческого восприятия действительности и, как уже было сказано, культурным опытом и условиями.

Жанр демотиватора отличает высокая прагматическая функция, которая выражается на уровне пресуппозиций. Пресуппозиция не только способствует раскрытию имплицитного смысла высказываний или подтекста отдельных частей высказывания, но и сама пресуппозиция может основываться на знании имплицитного смысла предыдущего высказывания и подтекста предшествующих отрезков текста.

Важным компонентом при анализе языковых средств комического является применение ряда категорий прагматики. С точки зрения субъекта речи – это установка адресанта (писателя), косвенные смыслы, прагматическое значение высказывания;

прагматические пресуппозиции; отношение говорящего к тому, что он сообщает (в данном случае – насмешка, несерьезность и т. п.). С точки зрения адресата (реципиента) – важно исследовать интерпретации текста, в том числе и имплицитные смыслы. Для этого нужно учитывать контекст, прагматическую ситуацию и пресуппозиции, а также цели, с которыми адресант сознательно отступает от принятых норм общения.

Все вышеуказанное дает основания утверждать, что при изучении функционирования языкового комизма необходимо учитывать следующие аспекты: комическое входит в интенцию автора; интенция автора (замысел) раскрываются через выбор оттенка комического; комическое отражает отношение автора к предмету, собеседнику, явлению или самому себе. Автор креолизованного текста стремится оказать максимальное воздействие, так называемый прагматический эффект, на реципиента. Прагматический эффект реализуется в последующих комментариях реципиентов и смеховой реакции. Коммуникативно-прагматической заданностью на достижение комического эффекта обладают языковые единицы разных уровней (от фонетического до синтаксического).

Большинство приёмов комического создается благодаря лексическому значению слова, т.е. использованию слова в нехарактерном для него значении, соединении несовместимых понятий. Столкновение разных значений многозначных слов – один из самых распространённых приёмов создания комического эффекта, который лежит в основе каламбура. Достаточным комическим потенциалом обладает каламбурное словообразование, характеризующееся тем, что в слове происходит замена одной части на другую, сходную по звучанию с отрезком базового слова. К морфологическим средствам комического относятся различные нарушения грамматических норм русского языка (склонения, спряжения, согласования и др.).

Разрушение образного значения и актуализация прямого значения, которое у слова изначально отсутствовало, образует прием буквализации. Стоит отметить, что в креолизованных текстах буквализация возможна при взаимодействии иконической и текстовой составляющей текста. Изучение особенностей и реализации юмора помогает выявить культурные ценности, понять особенности менталитета народа, углубить знания о той или иной лингвокультуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабина Л.В. «Вторичные» тексты, вторичность и интертекстуальность // Онтология языка и его социокультурные аспекты / Л.В. Бабина. – М.: Ин-т языкознания, 1999. – С. 15–19.

2. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В.Н. Топоров. / В.З. Демьянков. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.

3. Макарян А.М. О сатире / А.М. Макарян. – М.: Сов. писатель, 1967.

4. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / М. Минский. – М.: Прогресс, 1988. – С. 281–309.

5. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1999. – 285 с.

6. Рюмина М.Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность / М.Т. Рюмина. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 320 с.

7. Hymes D. Models of the Interaction of Language and Social Life / D. Hymes // Directions in Sociolinguis-tics: the Ethnography of Communication. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. – P. 35–71.

Поступила в редакцию 29.02.2020 г.

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC POTENTIAL OF EXPRESSING COMIC MEANING IN THE GENRES OF INTERNET COMMUNICATION

N.V. Gladkaya

The article discusses the main models of generating the meaning of words, phrases, sentences, used to produce a comic effect in speech, as well as the communicative-pragmatic potential for expressing comic meaning in the most productive genres of Internet communication. The greatest potential for creating a comic effect is typical of different language levels stylistic devices, based on juxtaposition of opposite, incomparable meanings.

Key words: comic, Internet communication, demotivator, presupposition, pragmatic effect, language play.

Гладкая Наталия Витальевна.
Кандидат филологических наук.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.
Candidate of Philology.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of the Russian Language.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

УДК 81`23

НАРРАТИВ КАК ИНСТРУМЕНТ СУГГЕСТИВНОЙ ПСИХОКОРРЕКЦИИИ – ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2020. *М.Г. Евсеева*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена вопросам использования суггестивного потенциала нарратива в практике психологической коррекции в целом и психологической коррекции межличностных отношений в коллективе в частности.

Ключевые слова: нарратив, языковой образ, суггестия, психологическая коррекция.

Данная публикация посвящена вопросам, неоднозначным уже в самой своей природе и поражающим контрастом повсеместности, и даже универсальности практического использования излагаемых здесь закономерностей и, как минимум, интеллектуальной настороженности вполне профессиональной аудитории, едва ли не рефлекторно сопутствующей изложению тех же закономерностей. В самом деле, очевидно, что, желая передать другим людям свои мысли, мы формулируем их при помощи естественного языка. При этом, давно замечено, что одна и та же мысль, будучи выражена по-разному, обладает различной силой воздействия. В одном случае она может оставить адресата равнодушным, а в другом – подвигнуть к активным действиям. Язык общения, помимо явного смыслового содержания, способен переносить и скрытые импульсы воздействия, изучаемого специальными науками.

Иными словами, практически всякий текст – «вместилище» некоторого количества передаваемых мыслей – может быть сугубо информативным. Это, кстати, обычно требует специальных усилий от его автора или составителя: выражать свои мысли абсолютно сухо, не эмоционально – такое же особое и при необходимости развиваемое умение, как и способность художников слова создавать яркие, эмоционально насыщенные описания.

И, наряду с этим, тот же самый по смысловому наполнению текст можно целенаправленно сделать эмоционально-информативным, грамотно насытив его определенной лексикой. Можно также изначально составить определенным образом эмоционально окрашенный текст, содержащий определенный объем информации.

И можно, наконец, создать текст, состоящий практически из «сплошных эмоций» и наполняемый индивидуальными, субъективными, ситуативными оттенками смысла при каждом новом чтении или каждым новым читателем. Понятно, что в таких текстах функция передачи «концентрированной» эмоциональности частично или полностью переносится с крупных языковых единиц – словосочетаний, предложений, фразовых единств, текста в целом – на более мелкие – слова, отдельные слоги, звуки. Примеры таких текстов хорошо известны филологам, знакомым с суггестивной поэзией и звукописью «серебряного века».

Таким образом, мы подошли к ключевому понятию данной работы – суггестивности языковых единиц.

Суггестия (от лат. Suggestio – внушение, намек) – процесс воздействия на психическую сферу человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, с отсутствием целенаправленного активного его понимания, развернутого логического анализа и

оценки в соотношении с прошлым опытом и данным состоянием субъекта (К.И. Платонов, В.Н. Мясищев и др.).

Содержанию сознания, усвоенному по механизму суггестии, в дальнейшем присущ навязчивый характер; оно с трудом поддается осмыслению и коррекции, представляя собой совокупность «внушенных установок» (Д.Н. Узнадзе, И.Т. Бжалава). Суггестия является компонентом обычного человеческого общения, но может выступать и как специально организованный вид коммуникации, предполагающий некритическое восприятие сообщаемой информации и противоположный убеждению (Б.Д. Парыгин, Ю.А. Шерковин). Внушение осуществляется в форме гетеросуггестии (воздействия со стороны) и аутосуггестии (самовнушения). Объектом гетеросуггестии (суггерендом) может быть как отдельный человек, так и группа, социальный слой и т.д. (феномен массовой суггестии); источником суггестии (суггестором) – индивид, группа, средства массовой информации. Суггестия, производимая группой, является одним из факторов конформности.

Аутосуггестия предполагает объединение в одном лице суггестора и суггеренда. Суггестия достигается вербальными (слова, интонация) и невербальными (мимика, жесты, действия другого человека, окружающая обстановка) средствами. Механизм суггестии широко используется религией с целью воздействия на верующих.

По методам реализации суггестия подразделяется на прямую (императивную) и косвенную, а также на преднамеренную и непреднамеренную. Прямая преднамеренная суггестия заключается в использовании суггестором специальных «словесных формул», которые внедряются в психическую сферу суггеренда и становятся активными элементами его сознания и поведения. Содержание косвенной суггестии включено в сообщаемую информацию в скрытом, замаскированном виде и характеризуется неосознанностью, незаметностью, непроизвольностью его усвоения. Косвенная суггестия может быть как преднамеренной, так и непреднамеренной. По критерию состояния суггеренда различают: суггестию в бодрствующем состоянии, суггестию в гипнозе, суггестию в естественном сне, постгипнотическую суггестию. (реализуемую после выхода из гипноза).

Эффективность суггестии определяется:

1) свойствами суггестора (социальный статус, обаяние, волевое, интеллектуальное, характерологическое превосходство);

2) особенностями суггеренда (степень внушаемости);

3) отношениями, складывающимися между ними (доверие, авторитетность);

4) способом конструирования сообщения (уровень аргументированности, характер сочетания логических и эмоциональных компонентов, подкрепление другими воздействиями).

На суггестии отчасти основано воздействие некоторых средств массовой коммуникации, рекламы, моды, обычаев, формирование веры. Суггестия широко применяется в медицине для коррекции психического и соматического состояния больного (психотерапия); в педагогике делаются попытки использования суггестии в процессе обучения – так называемая суггестопедия (Г.К. Лозанов); в экспериментальной психологии суггестия иногда служит приемом для направленного изменения эмоционального состояния, мотивации, установок.

В «пограничной сфере» лингвистики и психологии сегодня закрепилось понимание суггестивности как потенциала несознаваемого или не вполне осознаваемого эмоционально-смыслового воздействия, целенаправленного внушения. Любопытно, что английское suggest означает «предложить». То есть, суггестивные единицы языка – все, «от мала до велика», от звука до текста – отнюдь не настаивают

на определенном понимании себя, на восприятии себя, окрашенном определенными эмоциями, – они лишь предлагают. Но это почему-то, пользуясь одним современным заимствованным клише, «предложения, от которых трудно отказаться».

Из сказанного понятно, что заведомо суггестивным можно считать всякий сюжетно структурированный художественный текст.

Практическая часть публикации представляет собой авторскую сказкотерапевтическую разработку в русле концепции, очерченной И. Вачковым [1], Т. Зинкевич-Евстигнеевой [3], Р. Ткач [6] и рядом других сказкотерапевтов, позиционирующих сказкотерапию как объектно универсальный метод коррекционной работы с детьми различных возрастов и взрослыми.

Вожак[1]

– Простите меня, – сказал волк-вожак, низко опустив тяжелую голову и глядя в землю у своих лап. – Я не раз говорил вам, что нельзя бросать тех, кто нуждается в вашей помощи, как бы ни было тяжело от этого вам самим. Но сегодня я вас покину.

Стая молодых волков слушала и не понимала. Вожак старше всех в стае, но он еще не старик и, слава Духам Леса, не собирается уходить за Радугу. И он – единственный взрослый в стае. Защитник, учитель, почти отец для них всех. Почему же он бросает их, которым он так нужен? Почему уходит, раз сам говорит, что так нельзя? И что они будут делать без него? Невысказанные вопросы светились в их настороженных желтых глазах: у каждого – на свой лад, но у всех – об одном. И Вожак ответил.

– Я ухожу потому, что сейчас далеко отсюда есть тот, кому я нужен больше, чем вам. Мы вместе не одну луну, и успели стать друг другу почти родными. Но вы помните, что я родом из другого, очень дальнего леса. Там осталась моя мама. Ей уже очень много лун, и вчера я узнал, что она стала слаба и не может охотиться. Я – ее единственный сын, и я должен быть с ней.

Взрослый волк обвел взглядом молодых и тяжело вздохнул, однако больше не опускал глаз. Он видел, что стая понимает его, но отпускать не хочет, а хочет еще что-то ему сказать.

– Вожак, – потупился молодой волк с белой проточиной на лбу. – Но кто же будет учить нас дальше? Ведь мы еще многого не знаем и сами не узнаем.

– Кто подскажет, как выжить следующей зимой? – Подал голос тихий, серьезный волчонок, обычно мало говоривший, но много думавший.

– И кто защитит нас, если однажды ночью стаю отыщут медведи или охотники? – Робко произнесла маленькая волчица с глазами цвета летнего неба.

– Я знаю, что вам нужен кто-то, кто сможет меня заменить, – медленно и спокойно проговорил взрослый волк, мысленно прося Духов Леса об одном: только бы сейчас не начался жалобный скулеж о том, как стая его любит, и как им не нужен никто другой. – Да, сможет. Потому что это я у мамы один, а взрослых волков, способных стать хорошими Вожаками, под луной много.

Стая молчала – не скулила, но и не верила.

– И всегда было много, – с расстановкой продолжил Вожак. – У меня самого был не один учитель, именно поэтому я смог учить вас.

Стая по-прежнему молчала.

– Завтра к вечеру, – пообещал взрослый волк, – я доберусь до родного леса и попрошу своего старого друга отправиться к вам и стать вашим Вожаком. Думаю, он

[1] Сюжет истории безотносителен к реальной иерархии реальных представителей животного мира.

мне не откажет. Он умный и сильный, он будет учить и защищать вас не хуже меня, а может быть, даже лучше. И еще он очень добрый, хотя при первом взгляде на него этого не скажешь.

Волчьи законы суровы: младшие могут думать и чувствовать что угодно, но перечить старшим они не могут. Волчата отпустили взрослого волка и стали с опаской ждать нового Вожака.

И он пришел – на третий день, как и обещал их прежний наставник. Он оказался и в самом деле большим и сильным. Но назвать волка с такой свирепой мордой добрым действительно мог бы разве что полный несмышленыш, а не испугаться его мог только слепой. Потому что не только морда пришлого выглядела на редкость устрашающей, его густая и слишком косматая для волка шерсть была чернее самой непроглядной осенней ночи, а глаза в темноте отсвечивали красным. Не захочешь – испугаешься.

Волчата, конечно, давно знали, что волки иногда рождаются и черными, и почти белыми, как утренний летний туман, и даже густо-рыжими, почти красными, и все это не делает их менее волками, чем их обычные серые собратья. Но одно дело – знать, и совсем другое – столкнуться живьем с тем, чего никогда прежде не видел.

Стая встретила нового Вожака тем же, чем проводила прежнего – молчанием. Ведь волчьи законы суровы, и жизнь в лесу тоже сурова. У стаи молодых волков должен быть Вожак, и Вожака нужно слушаться. Они слушались и молчали. И молча боялись, хотя новый Вожак ни разу не проявил по отношению к ним настоящей злобы, был справедлив, терпелив и действительно очень умен. Но кто их знает, этих больших и черных – вдруг, за непослушание они сразу кусают, не предупредив? А может, и загрызть способны, и ничего им за это не бывает, ведь они такие огромные и сильные, что их побаиваются даже взрослые серые волки.

В самом деле, побаиваются. Когда на празднике Середины Лета, где собираются все молодые стаи леса, чтобы состязаться в умениях и ловкости, взрослый волк-судья хотел незаслуженно объявить победителями другую стаю, черный Вожак тут же оказался рядом и, медленно подняв страшную голову, посмотрел на судью. Просто посмотрел, даже не рычал, но справедливость была немедленно восстановлена.

– Спокойно. Я – за вас, – сказал он стае таким ровным голосом, будто мгновением раньше и не собирался никого разорвать. – Продолжайте состязание. Я в вас верю.

– Вы – за нас, – тихо, но твердо проговорил белолобый волчонок. – Но не с нами. – И тут же отошел подальше.

А маленькая синеглазая волчица лишь грустно вздохнула.

Осень подкралась незаметно и дала о себе знать пожелтевшими и покрасневшими листьями, поникшей и пожухлой травой и ночными холодами. В одну из таких ночей едва успевшие задремать после вечерней охоты молодые волки сами не поняли, что их разбудило – присущее их роду чутье опасности, или сама опасность. А опасность и не притворялась тихой и незначительной, потому что была громадным медведем. Она ломала ветки на своем пути, ревела и пахла соответственно. Летом медведи волкам не страшны, но осенью, перед тем, как залечь в зимнюю спячку, взрослый медведь торопится поскорее нагулять жир, которого ему должно хватить до весны, и не пренебрегает никакой едой, в том числе и молодыми волками.

Каждый в стае понимал, что, окажись он в медвежьей пасти, и не спасет уже никто и ничто, потому что с перекушенным хребтом волки не живут. И каждый старался спасти себя и, если получится, помочь другим. Но овраг, где они заночевали, был слишком узким, а его склоны, нависавшие слева и справа, слишком крутыми, почти отвесными. Луна еще не добралась до середины неба, и под одним из склонов лежала густая тень. В ней можно

было попытаться укрыться, но не с их серыми шкурами, и не в такую лунную ночь. Сзади путь к отступлению преграждали колючие, непролазные кусты, а впереди был медведь. Кто-то скреб лапами по склизкой глине склонов и, едва поднявшись, тут же снова сползал на дно, кто-то пятился к кустам, понимая, что застрять в них, среди острых длинных шипов – тоже беда, и еще вопрос, какая беда страшнее. Кто-то скулил, кто-то рычал, кто-то молчал, а Вожак… Вожака в овраге не было.

В какой-то момент на кромке оврага, с подветренной стороны, на самом краю медвежьего зрения, почудилось какое-то движение. Только почудилось, там никого нет, это камни у края оврага и комья глины с поникшей травой, черные в собственной тени, а движение – тени деревьев, тоже черные.

Синеглазая волчица зажмурилась, сжалась в отчаянный комок и подалась вперед. Если медведь получит добычу, он ведь уйдет… А она самая слабая, ей точно не спастись. Пусть съест ее и оставит остальных. Но тихий волчонок удержал ее, цыкнул и выразительно посмотрел вверх.

От кромки оврага оторвалась бесшумная черная молния, сверкнули глаза-угли. Медведь сначала не увидел, потом не понял, а миг спустя он уже не ревел – вопил как дикий кот, укушенный целым стадом диких блох одновременно. Вопил и катался по дну оврага, пытаясь стряхнуть с загривка черную напасть, внезапную и жуткую.

Колючие кусты оказались не такими уж и непролазными, медведь это доказал. Вожак не стал его преследовать. Зачем? Ведь волки не едят медвежатину, даже осенью. Оглушительный хруст веток и заполошный рев оглашали темень осенней ночи еще очень долго, овраг был длинным.

Белолобый волчонок тихо, потупившись, подошел к Вожаку, сделав над собой усилие, поднял голову и посмотрел в жуткие красные глаза.

– Спасибо, что вы с нами.

– С вами, с вами, – проворчал черный, и вдруг как-то совсем не жутко растянул углы пасти и почти по-собачьи высунул большой теплый язык.

Предлагаемый текст предназначен для работы с ситуацией неприятия группой нового формального лидера, в силу объективных причин сменившего того, к кому группа успела привыкнуть в период первичного становления межличностных отношений в новообразованном коллективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вачков И.В. Сказкотерапия. Развитие самосознания через психологическую сказку / И.В. Вачков. – М.: Ось-89, 2007. – 144 с.

2. Гребенщикова Л.Г. Основы куклотерапии. Галерея кукол / Л.Г. Гребенщикова. – СПб.: Речь, 2007. – 80 с.

3. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Формы и методы работы со сказками / Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева. – СПб.: Речь, 2008. – 240 с.

4. Киселева М.Б. Арт-терапия в работе с детьми: Руководство для детских психологов, педагогов, врачей и специалистов, работающих с детьми / М.Б. Киселева. – СПб.: Речь, 2006. – 160 с.

5. Притчи, сказки, метафоры в развитии ребенка. – СПб.: Речь, 2007. – 296 с.

6. Ткач Р.М. Сказкотерапия детских проблем / Р.М. Ткач. – СПб.: Речь; М.: Сфера, 2008. – 118 с.

7. Чех Е.В. Я сегодня злюсь. Расскажи мне сказку / Е.В. Чех. – СПб.: Речь; М.: Сфера, 2009. – 144 с.

8. Пезешкиан Н. Торговец и попугай: восточные истории и психотерапия / Н. Пезешкиан. – М.: Институт позитивной психотерапии, 2006. – 160 с.

Поступила в редакцию 22.02.2020 г.

PRACTICAL ASPECT OF NARRATIVE AS A TOOL OF SUGESTIVE PSYCHOSORRECTION

M.G. Yevseeva

The article deals with the suggestive potential of narrative in the practice of psychological correction in general and psychological correction of interpersonal relations in a team in particular.

Key words: narrative, language image, suggestion, psychological correction.

Евсеева Марина Геннадиевна.
Кандидат филологических наук.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: yevseeva.m@gmail.com

Yevseeva Marina Gennadievna.
Candidate of Philology.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Russian Language Department.
E-mail: yevseeva.m@gmail.com

УДК 81'367.320

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СИНКРЕТИЗМА И ОМОНИМИИ: ФОРМАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© 2020. Ю.Ю. Наливайко
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Статья посвящена анализу лингвистических исследований таких явлений, как синкретизм, омонимия, полисемия в синхроническом и диахроническом аспектах. Рассматриваются особенности организации и реализации в структуре предложения системы полифункциональных грамматических форм парадигмы «полисемия – синкретизм – омонимия». Выделяются основные дифференцирующие параметры явлений синкретизма и омонимии на формальном, функциональном и семантическом уровнях. Эмпирическим материалом исследования послужили тексты публицистического дискурса из микроблогов профессиональных журналистов интернет-площадки Twitter как наиболее репрезентативные.

Ключевые слова: полифункциональная грамматическая форма, полисемия, синкретизм, функциональные омонимы, переходность.

1. Введение. Периодически возникающий интерес к синкретизму в разные периоды развития лингвистики объясняется сложной природой явления и требует комплексного изучения в грамматическом, лексико-семантическом и деривационном аспектах на всех уровнях языковой системы. Проблемы, связанные с ассиметричным дуализмом словоформ, стали предметом дискуссий, демонстрируя новые перспективы в изучении синкретизма, контаминации, полисемии, омонимии и диффузности [5; 12; 14; 17].

Язык – явление динамичное, что проявляется в его унификации и в способности выходить за рамки изученного, направлять лингвистов на поиски новых реализаций плана выражения. В результате поэтапного процесса утраты параллелизма двух планов (содержания и выражения) возникает омонимия или полисемия (при одном плане выражения и двух планах содержания), а также синонимия (при одном плане содержания и двух планах выражения).

Эмпирическую базу исследования составили тексты региональных журналистов-блогеров, размещённые на интернет-площадке Twitter и демонстрирующие мобильность языковых явлений. Условиями анализируемой микроблогинговой социальной сети ограничен объём сообщения, поэтому представляются показательными выводы относительно демонстрации синкретизма и компрессии как общих тенденций современного русского языка на уровне синтаксических конструкций. Например: *Единственной проблемой Twitter-аккаунта стал сам* ***механизм*** (какой? чего?) ***поиска*** [отглагольное имя существительное демонстрирует компрессию смысла] (какого? чего?) ***статистики*** (https://twitter.com/VRSoloviev/with_replies). Авторы информационных заметок – профессиональные журналисты – для экономии языковых средств и точности передачи информации используют сжатые синтаксические конструкции без кавычек, напр.: *ядерные амбиции, зимний и летний электорал (избиратель)* и под.

Для всестороннего осмысления единиц синкретического типа, а именно членов предложения, необходимо учитывать специфику организации системы

полифункциональных грамматических форм парадигмы «полисемия – синкретизм – омонимия», поскольку недостаточная изученность характеристик и границ синкретизма приводит к смешению переходности, омонимии и нейтрализации. Дифференциация синкретизма и омонимии может осложняться недостаточным вниманием к грамматическому аспекту и отсутствием системного подхода, опирающегося на чёткие принципы их разграничения. Именно потому, что синкретические и омонимические формы наделены одинаковой связью с единицами синтаксического уровня, происходит объединение явлений омонимии и синкретизма в парадигматике при непоследовательном разграничении единиц разных уровней. При изучении взаимосвязи омонимии и синкретизма словоформ с единицами морфологического уровня подобное неразграничение не наблюдается, поскольку на уровне морфологии такие формы имеют разную связь с другими конструктивными единицами этого уровня.

В парадигме «многозначность – синкретизм – омонимия» явление синкретизма выступает родовым общеуровневым, соотносимым с грамматической и лексической омонимией как видовыми понятиями. Отличие синкретизма от омонимии и полисемии является отличием потенциального знака от актуализированного. Это явления разных уровней, хотя причиной появления всех трёх являются процессы, происходящие при универсализации языка. Поиски структурных и семантических дифференцирующих параметров синкретизма и омонимии стали предметом рассмотрения в статье.

Актуальность исследования связана с неоднозначностью определения в современных исследованиях переходных структур, выявление статуса которых позволит определить дифференцирующие параметры родового понятия синкретизма и его видовой реализации – омонимии.

Цель статьи – исследовать особенности соотношения синкретизма и омонимии как явлений одной группы переходных структур, определив на формальном, функциональном и семантическом уровнях их отличительные черты. Реализация поставленной цели даст возможность расширить представление о специфике второстепенных членов предложения синкретического типа и сделает прозрачнее методику разграничения явлений синкретизма и омонимии в контексте предложения как основной коммуникативной единицы.

Поставленная цель предусматривает реализацию таких **задач**:

– определить типологию взаимосвязи синкретизма и омонимии;

– выделить критерии разграничения явлений синонимии и омонимии по формальным и содержательным принципам.

2. К вопросу о принципах разграничения синкретизма и омонимии: формально-грамматический и семантико-синтаксический аспекты. Вопрос происхождения синкретических форм долгое время остаётся дискуссионным (на уровне грамматики). Появление у одной грамматической формы двух лексических значений связывают с синтезом грамматических категорий на этапе возникновения формы или наоборот – симбиоз грамматической формы объясняют объединением разных в прошлом элементов в одной форме.

Термин «синкретизм» начали использовать в научном обороте при анализе грамматических явлений под влиянием методологической концепции структурализма. Последовательно в своих трудах термин использует Л. Ельмслев [11] и некоторые исследователи фонологии разных школ. В грамматике синкретизмом считается объединение в одной форме двух и более значений, которые находят в большинстве тождественных фактов языковой системы разное выражение. Проблеме синкретизма в системе частей речи посвящено много монографий и статей. Так, В.В. Бабайцева при

анализе взаимодействия частей речи выделяет «зоны синкретизма», «категориальную гибридность» отдельных слов [4, с 37]. Подобные взгляды отражают, с одной стороны, такое известное явление, которое вполне обоснованно можно назвать межкатегориальной омонимией слов, совпадающих по материальному выражению, но отличных по частеречной принадлежности, с другой – категориальной синкретичностью отдельных слов.

В современной лингвистике существует несколько различных точек зрения на соотношение синкретизма и сопряжённых с ним явлений, которые условно можно разделить на три направления. Одни учёные включают синкретизм в грамматическую омонимию (И.В. Высоцкая [10]), другие – в многозначность и полифункциональность грамматической формы (В.В. Виноградов [9]), третьи отождествляют синкретизм с нейтрализацией (М.Я. Блох [6], А. Мартине [24]). Параллельно с приведёнными взглядами синкретизм рассматривается также как понятие парадигматики языка и связывается с необратимыми системными изменениями в процессе развития языка (Л. Ельмслев [11]). В.В. Бабайцева [2; 3; 4; 5] и З.В. Валюсинская [8] считают контаминацию и диффузность явлениями, относящимися к синтагматике языка и к «живым» процессам, которые сопровождают использование полифункциональных единиц в речи.

Термин «синкретизм» используется в исследованиях по морфологии в связи с явлением падежного синкретизма, а также в работах, посвящённых переходным явлениям в грамматике современного языка (В.И. Фурашов [17], Л.Д. Чеснокова [22], И.В. Высоцкая [10]). Наличием явления синхронной переходности в морфологии О.С. Ахманова [1] объясняет возникновение функциональных омонимов. В.В. Бабайцева определяет функциональные омонимы как «этимологически родственные слова, совпадающие по звучанию и относящиеся к разным частям речи» [2, с. 14]. На основе различных синтаксических функций исследователь предлагает использовать термин «омокомплекс», объединяющий ряд функциональных омонимов с синкретическими чертами. Таким образом, морфологический синкретизм исследуется в связи с неоднозначностью структурно-семантических особенностей частей речи и неопределённостью морфологического статуса некоторых слов в различных синтаксических условиях.

Морфологический синкретизм тесно связан с синкретизмом членов предложения, что подтверждает мысль об универсальном характере явлений переходности, присущих всем уровням языковой системы. Образование комбинированного компонента из простого всегда сопровождается выделением в отдельную словоформу части содержания, присущего исходному.

Синкретизм и переходность. Анализ дефиниций явлений переходности и синкретизма даёт возможность утверждать, что синкретизм является следствием и проявлением процессов переходности, а также эти два явления пребывают в причинно-следственной связи, причём синкретические единицы могут рассматриваться в границах теории переходности.

Синкретизм и полисемия. Взаимодействие понятийных сфер терминов «синкретизм» и «полисемия» проявляется уже на уровне дефиниций. Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой даёт следующее определение полисемии: «наличие у одного слова (в единице выражения, которая характеризуется всеми формальными признаками слова) нескольких связанных между собой значений, возникающих в результате видоизменения и развития первичного значения слова» [1]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре содержится такое определение термина «синкретизм»: «объединение (синтез) дифференцирующих структурных и

семантических признаков единиц языка (определённых разрядов слов, значений, предложений, членов предложения и др.), которые противопоставляются одна другой в системе языка и связаны явлениями переходности» [13]. Сходство в определениях терминов даёт формальные основания квалифицировать эти понятия как явления одной группы, которые проявляются в полифункциональности грамматической формы, а синкретизм считать грамматической многозначностью (полифункциональностью) грамматичекой формы. Следовательно, синкретизм является составной частью полисемии, его конкретной реализацией, которая в то же время имеет способность реализовываться в языке как самостоятельное средство языковой экономии.

Синкретизм и полифункциональность. Последняя рассматривается как способность словоформы выступать в роли разных частей речи в определённых синтаксических условиях или проявлять разные синтаксические функции; явление синкретизма является реализацией двух и более морфолого-синтаксических функций в одной словоформе в определённом контексте.

Л. Ельмслев рассматривает синкретизм в двух плоскостях: 1) синкретизм в парадигматике; 2) синкретизм в синтагматике, который проявляется только при учёте контекста [11], напр.: *приглашение друга = друг пригласил* или *друга пригласили*. Различие между этими двумя видами синкретизма можно связать с особенностями реализации структур в тексте: в первом случае синкретическая форма воспринимается только в одном значении, во втором – синкретизм возникает в определённых условиях, а именно – в позиции при отглагольном имени существительном. Первое явление может быть интерпретировано как омоформия. Во втором случае скрытая многозначность сохраняется за счёт отглагольного имени существительного, в семантической структуре которого объединяются компоненты предметности и процессуальности, что позволяет словоформе реализовывать атрибутивные и объектные отношения с зависимым компонентом.

При выделении дифференцирующих параметров синкретизма и омонимии важную роль играет выяснение причин возникновения этих явлений. Поскольку омонимия – это формальное совпадение разных языковых единиц, значения которых не связаны, можно говорить о том, то исследуемое явление объединяет разные номинатемы. И.П. Сусов выделяет несколько причин возникновения омонимов: 1) совпадение экспонентов слов, разных в прошлом по звучанию; 2) разные пути возникновения слов; 3) образование омонимичных слов одной деривационной модели в разное время; 4) параллельное функционирование в языке исконно русского и заимствованного слова; 5) заимствование слов из разных источников; 6) разложение полисемии слова [16].

При функционировании синкретической словоформы в структуре предложения проявляется вторичная синтаксическая функция словоформы, в которой категориальное и синтаксическое значения не совпадают. Функционирование словоформы во вторичной функции может иметь два следствия: во-первых, оно может привести к изменению категориального значения словоформы, что свидетельствует о её переходе в другую часть речи; во-вторых, оно может обусловливать качественные изменения синтаксических функций – появление новых синкретических функций.

Синкретизм конструкций возникает в результате того, что во вторичной функции соприкасаются два значения, которые не совпадают, – категориальное значение и синтаксическое; эти значения взаимодействуют, и возникает новое – синкретическое синтаксическое значение. Синкретизм может касаться и формы, в результате чего появляются неморфологизированные члены предложения.

Для обоснованного разграничения омонимии и синкретизма эмпирическим материалом послужили 1300 конструкций, рассмотренные в сопоставительном аспекте. Проведённый анализ позволил выяснить, какие признаки превалируют: тождественные над дифференцирующими или наоборот – дифференцирующие над тождественными. Одинаковое внимание уделялось как семантическим, так и формальным факторам, напр.: ***Закон*** (о ком? какой?) ***о блогерах*** [конструкция синкретического типа со значением признака] *поможет сократить уровень оскорблений и заставит людей внимательно относиться к своим словам* (https://twitter.com/tina_kandelaki). При выделении дифференцирующих признаков исследуемых явлений учитывалось несколько параметров, поскольку функциональные омонимы возникают только при таких синтаксических условиях, как определённая синтаксическая функция и порядок слов в предложении, соотнесённость с другими словами, характер связи между членами предложения, эллипсис определяемого слова.

3. Выводы. Омонимия – совпадение двух разных лексических или вариантов грамматических значений в одной форме – рассматривается как видовая разновидность синкретизма, и на этой основе выделяются такие дифференцирующие параметры этих двух явлений.

1. Словоформы, между которыми существуют явные омонимические отношения, соотносятся с явлениями окружающей действительности изолированно одна от другой, поэтому между ними не существует ассоциативной понятийно-семантической связи, свойственной словоформам синкретического типа. Понятийно-тематическая соотнесённость слов-омонимов различная, поскольку реализация в тексте одного слова из омонимичных исключает использование другого [утверждение верно для текстов книжных стилей].

Журналисты-блогеры находят в омонимии источник яркой эмоциональности. При омонимии между словами устанавливается лишь звуковое тождество, а смысловые ассоциации отсутствуют, поэтому столкновение омонимов всегда неожиданно, что создает стилистические возможности для их обыгрывания. Кроме того, употребление омонимов в одной фразе придает речи экспрессию (*«Фунт сахара и фунт стерлингов»* [заголовок статьи]).

Следовательно, можно говорить об омонимических конструкциях, если отсутствуют отношения семантической мотивированности. Своеобразие омонимических структур состоит в общей деривационной и семантической истории, однако синхронично они не имеют активных деривационных и семантических связей. Конструкции синкретического типа объединены деривационными отношениями и имеют общие семы. Все случаи, когда конструкцией одновременно реализуются два и более значения, квалифицируем как синтагматическую полисемию, проявлением которой на уровне предложения является синкретизм.

2. Омонимия проявляется в совпадении в одном элементе выражения двух и более элементов различного категориального содержания. Элементы одной грамматической категории связаны между собой, поскольку находятся в оппозиции (имеют общую основу противопоставления – общее грамматическое значение категории). Следовательно, омонимия в микропарадигме (внутреннекатегориальная омонимия) невозможна (существует только межкатегориальная омонимия). Разграничение внутреннекатегориальных и межкатегориальных форм как синкретических и омонимических, совпадающих в плане выражения, не противоречит положению о различном характере внутреннекатегориальной и межкатегориальной связях форм. Это утверждение обосновывается тем, что формы в микропарадигме объединены общим

для них грамматическим значением, а межкатегориальные формы как члены разных грамматических категорий имеют соответственно разное обобщённое значение.

3. Синкретизм является лингвистическим явлением с более широкой системной соотнесённостью, чем омонимия. Если для констатирования омонимии достаточно установить отношения хотя бы с двумя языковыми единицами на основе идентичности плана выражения и отличия в плане содержания, то для констатирования явления синкретизма необходимо соотнести анализируемую форму со всей подсистемой, в состав которой входит синкретическая форма. Так, например, при синкретизме глагольных форм невозможно разграничение отдельных противопоставлений в парадигмах, которые отличаются в других частях глагольной системы. Следовательно, первоочередное значение имеет определение частеречной принадлежности анализируемой словоформы и слова, с которым она коррелирует.

Представляется целесообразным в дальнейшем классифицировать формальную реализацию структур синкретического типа, основываясь на материале твитов известных журналистов. Так, выделяются три группы структур: конструкции без предлогов (принадлежности, признака, отношения к количеству, отношения целого к части, признака по уподоблению), напр.: *Недолгий взлёт сменился длительным периодом* ***гонений и забвения*** [признак] (https://twitter.com/VRSoloviev) устойчивые субстантивированные словосочетания, напр.: *Каждый экспонат подсвечен лампой с* ***белым абажюром*** (https://twitter.com/tina_kandelaki) и словосочетания с предлогами (с, для, из, от, около, возле, напротив), напр.: *В номинации «режиссёр драмы» выстроился ряд* ***из десятка с лишним претендентов*** (**https://twitter.com/tina_kandelaki**), *Режиссёр Нина Чусова и художник Ксения Перетрухина придумали строгое и вместе с тем авангардное зрелище* ***в чёрно-белых тонах*** (https://twitter.com/tina_kandelaki).

4. Синкретизм – это один из случаев неразграничения в одних структурах системы того, что разграничивается в других структурах этой же системы. В случае же омонимии две и более словоформы, тождественные на формально-грамматическом уровне, различаются двумя и более неоднородными граммемами в плане содержания. То есть омонимия состоит в совпадении в одном элементе выражения двух и более элементов разного категориального содержания.

Следовательно, для омонимии характерно тождество формального проявления. Синкретичным конструкциям также присуща общность формального выражения, но формальным носителем синкретизма является словоформа, а не морфема.

5. Явление синкретизма можно констатировать при условии совпадения морфем, образующих словоформы, которые не принадлежат одной парадигме. В этом случае омонимы не связаны между собой и не влияют на характер морфологической системы.

Для синкретизма характерно совпадение в разных разрядах одного и того же парадигматического ряда. В отличие от омонимии, синкретизм объединяет словоформы, которые существенно влияют на морфологическую систему, провоцируют изменения в ней.

Омонимия констатируется при случайном или нерегулярном совпадении форм в парадигме, в отличие от синкретизма.

6. При омонимии словоформа используется в первичной функции. Если словоформа проявляет вторичную функцию, но при этом не происходит транспозиционных изменений, можно говорить о синтаксической омонимии, при которой «одинаковые с формально-грамматической стороны синтаксические конструкции реализуют разные синтаксические значения и могут исполнять в

предложении разные функции» [21, с. 196]. Синкретическая конструкция проявляет только вторичную синтаксическую функцию.

Появление синкретических форм свидетельствует о тенденции устранения в языке системной избыточности, возникающей с усовершенствованием синтаксических средств, при котором одно значение выражается и морфологическими средствами, и средствами других языковых уровней. Отдельного изучения требует межпарадигматическая омонимия. Опираясь на системный подход к языковым явлениям и выделенные дифференцирующие параметры, можно констатировать, что сходство синкретизма и омонимии только внешнее, поскольку речь идёт о разных языковых явлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 2004. – 576 с.
2. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе / В.В. Бабайцева. – Воронеж, 1967.
3. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе / В.В. Бабайцева. – Л., 1969.
4. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1988. – 155 с.
5. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка / В.В. Бабайцева. – М., 2000.
6. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. – М.: Высшая школа, 2004. – 39 с.
7. Боярская Е.Л. Взаимодействие когнитивных, семантических и прагматических аспектов явления полисемии / Е.Л. Боярская // Проблемы семантики и прагматики: Сб. науч. тр. / Калинингр. ун-т. – Калининград, 1996. – 11 с.
8. Валюсинская З.В. Синтаксис текста / З.В. Валюсинская. – М., 1979
9. Виноградов В.В. Русский язык / В.В. Виноградов // Глава I. Введение в грамматическое учение о слове. – М., 1972. – С. 9-45.
10. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка / И.В. Высоцкая. – М., 2006.
11. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка (1953) / Пер. с англ. / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 264-389.
12. Колесникова Т.В. К вопросу о выделении видов синкретизма / Т.В. Колесникова // Гуманитарные исследования – 2009. – № 3. – С. 47-50.
13. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 736 с.
14. Радутная О.А. Синкретизм и полисемия как категории формально-содержательной языковой ассиметрии / О.А. Радутная // Семантика языковых единиц: докл. V Международн. конф. – М., 1996. – Т. 1. – С. 35-36.
15. Сусов И.П. Введение в языкознание / И.П. Сусов. – М.: Восток-Запад, 2006. – 382 с.
16. Сусов И.П. Семантическая структура предложения / И.П. Сусов. – Тула: Изд-во Тульского пед. ин-та им. Л.Н. Толстого, 1973. –142 с.
17. Фурашов В.И. О синкретизме и смежных явлениях / В.И. Фурашов // Грамматические категории и единицы: Сб. науч. ст. к 75-летию А.Б. Копелиовича. – Владимир, 2004. – С. 166-181.
18. Холодилова Л.Е. О термине «синкретизм» в языке и речи / Л.Е. Холодилова // Вопросы терминологии. – Нижний Новгород, 1993. – С. 127-133.
19. Чесноков П.В. Синкретизм статистический и динамический / П.В. Чесноков // Сб. ст. научно-методического семинара TEXTUS. – Ставрополь, 2005. – С. 27-30.
20. Чеснокова Л.Д. Явления синкретизма в сфере членов предложения / Л.Д. Чеснокова // Явления синкретизма в синтаксисе русского языка. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского педагогического института, 1992. – 127 с.
21. Чеснокова Л.Д. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах: Учеб. пособие по спецкурсу / Л.Д. Чеснокова. – Таганрог: ТГПИ, 1996. – 210 с.
22. Чеснокова Л. Д. Синкретизм в сфере членов предложения / Л.Д. Чеснокова // Филологические науки. – 1988. – № 4. – С. 41 – 47.
23. Штайн К.Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка / К.Э. Штайн // Сб. ст. научно-методического семинара TEXTUS. – Ставрополь, 2005. – С. 26.

24. Cruse D.A. Meaning in Language: An Introduction to Semantics and Pragmatics / D.A. Cruse. – Oxford University Press, 2000. – 424 pp.
25. Martinet A. A functional view of language / A. Martinet. – Oxford, 1962.

Поступила в редакцию 28.02.2020 г.

TO THE QUESTION OF THE PRINCIPLES OF DIFFERENTIATION OF SYNCRETISM AND OMONOMY: FORMAL-GRAMMATIC AND SEMANTIC-SYNTACTIC ASPECTS

Iu.Iu. Nalyvaiko

The article is devoted to the analysis of linguistic research of such phenomena as syncretism, homonymy, polysemy in the synchronous and diachronic aspects. The features of organization and implementation in the structure of the sentence of the system of multifunctional grammatical forms of the paradigm «polysemy - syncretism – homonymy» are reviewed. The main differentiating parameters of the phenomena of syncretism and homonymy at the formal, functional and semantic levels are highlighted. The empirical material of the study was grounded on the texts of the journalistic discourse from the microblogging of professional journalists of the Twitter website as the most representative.

Keywords: multifunctional grammatical form, polysemy, syncretism, functional homonyms, transitivity.

Наливайко Юлия Юрьевна.
Кандидат филологических наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры журналистики.
E-mail: nalivaykopoy@mail.ru.

Nalyvaiko Iulia Iurievna.
Candidate of Philology
State educational institution of higher professional education «Donetsk National University»
Associate Professor of the Department of Journalism.
E-mail: nalivaykopoy@mail.ru.

.

УДК 378.1

ЭФФЕКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

© 2020. Б.Г. Солдатов[1], ***Н.В. Солдатова***[2]
[1]*ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»*
[2]*ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Ростовский филиал;*
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

В статье рассматривается актуальная проблема – изучение процесса профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в контексте формирования навыков правовой культуры. Авторами статьи исследованы основные требования к содержанию практического занятия в рамках дисциплин «Иностранный язык», «Иностранный язык в сфере юриспруденции» как средству формирования правовой культуры студентов. Авторы статьи уделяют особое внимание ролевым играм, информационным и тестовым технологиям, которые являются современными обучающими технологиями, способствующими развитию творческого потенциала студентов в процессе формирования правовой культуры.

Ключевые слова: правовая культура, ролевые игры, моделирование ситуаций, профессиональные ситуации, речевое поведение, компьютерные технологии.

Введение. Общекультурная ситуация, глобальность процессов, происходящих в нашей стране на современном этапе, разрушение многих традиционных представлений о взаимоотношениях между людьми, выдвигает на первый план необходимость формирования навыков правовой культуры будущих специалистов в области юриспруденции. Правовая культура формируется под влиянием понятий о правовых и моральных устоях в сознании каждого человека, именно правовая культура даёт нам представление о реальном положении дел в обществе.

В педагогической науке сложились теоретические предпосылки для разработки вопроса об эффективных технологиях формирования правовой культуры в процессе изучения иностранного языка, к числу которых относятся:

- теоретико-методологические основы понятия «правовая культура» (С.С. Алексеев, И.А. Ильин, К.В. Хвостова, В.В. Юдин);
- методологические подходы к исследовательской и практической деятельности в процессе изучения иностранного языка с целью формирования правовой культуры (И.В. Абакумов, Л.Ю. Образцова);
- правовое образование и воспитание в контексте культуры (А.С. Запесоцкий, Е.В. Лукашева);
- разработка технологических подходов и вариативных технологий образования.

Создание концепций и направлений в методике и педагогике, поиск разнообразных приемов работы, наличие существующих программ и пособий открывают новые возможности теоретического и практического решения многих проблем, стоящих перед преподавателями вузов при решении проблемы формировании навыков правовой культуры студентов. Одной из них является формирование навыков рационального речевого поведения [1, с. 134].

Основная часть. Обращение к этой проблеме требует рассмотрения следующих вопросов: познакомить студентов с определением «правовая культура» на

иностранном языке, её основными понятиями на современном этапе; уделить особое внимание теории аргументации, логике в устном выступлении, подготовке речей разных жанров; создать представление об особенностях делового общения с носителями иностранного языка; сформировать навыки эффективного речевого поведения в профессионально значимых ситуациях, научить студентов проводить анализ и самоанализ речевого поведения на иностранном языке.

Проведение занятий по дисциплинам «Иностранный язык» и «Иностранный язык в сфере юриспруденции» для студентов юридических специальностей предполагает использование такой традиционной формы работы, как практическое занятие, в процессе которого создаются условия свободной дискуссии, судебного процесса, различных ситуаций делового общения.

Работа, направленная на формирование навыков правовой культуры, связанных с профессиональной деятельностью, открывает большие возможности в использовании разноплановых заданий творческого и проблемного характера, учитывающих специфику юридического факультета и создают ситуации, в которых может оказаться специалист в ходе осуществления должностных обязанностей [7, с. 123].

В рамках коммуникативного подхода значительное внимание уделяется обучению реальному общению на изучаемом языке, и, в этой связи, использованию ролевых игр как приему, обеспечивающему коммуникативную направленность обучения. Для того чтобы ролевая игра могла рассматриваться в коммуникативном аспекте, должны быть соблюдены следующие условия:

1) студенты должны сосредоточиться не столько на правильности высказывания, сколько на «передаче смысла»;

2) студенты должны «вжиться» в роль, иначе не произойдет «передачи смысла»;

3) общение между студентами возникает в ходе игры, не задается преподавателем [3].

Ролевые игры можно классифицировать в зависимости от уровня контроля преподавателем коммуникативной деятельности студентов. Чем меньше контроль, тем выше уровень самостоятельности и творческой активности студентов. Это можно представить на схеме:

КОНТРОЛЬ ↑ Инсценировка выученных диалогов
Тренировочные упражнения в контексте
Диалоги с использованием ролевых карточек
Ролевые игры

ТВОРЧЕСТВО ↓ Импровизации

Особое значение для формирования правовой культуры студентов имеют ролевые игры в форме дискуссии и моделирование ситуации.

Обсуждаться может реальная или вымышленная ситуация (проблема). Предполагается, что участники ролевой игры знают информацию о проблеме, но их взгляды на проблему отличаются. Подобная ролевая игра включает неречевую деятельность, разные умения, владение различными уровнями и языковыми стилями:

1) ознакомление с информацией, которая необходима для проведения игры (чтение);

2) обсуждение проблемы в небольших группах;

3) представление своей точки зрения;

4) публикация статьи в газете, например, о прошедшем судебном заседании.

Моделирование используется не только в обучении иностранным языкам, но и в других областях. Моделирование следует применять для работы на продвинутом уровне, так как включает тот реалистичный контекст использования иностранного языка, который необходим студентам. Примером может служить создание ситуации по разрешению проблемы, с которой будущие юристы могут столкнуться в своей профессиональной деятельности. Каждый студент получает определённую роль и вырабатывает свое собственное отношение к проблеме и стратегию поведения в зависимости от ситуации [4, с. 200].

Основная задача ролевой игры – придать изучаемому языку эмоциональный аспект и уделять особое внимание контекстной структуре. Контекст игры должен быть гораздо шире, чем «ситуация» из учебника, которая сводится лишь к описанию обстановки. Контекст ролевой игры предполагает использование определенных средств иностранного языка для того чтобы обеспечить неразрывную связь между ситуацией и ролью. В нашей повседневной жизни мы принимаем на себя множество социальных ролей, и в каждой действуем по-разному. Для каждой роли существует общепринятое, адекватное поведение: это – часть нашего воспитания и социокультурного опыта. В процессе социализации мы учимся не только тому, что сказать в данной ситуации, но и как действовать в соответствии с социальной ролью, то есть как вести себя адекватно ситуации общения.

Большинство тех, кто изучает иностранный язык, должны учиться с самого начала общепринятым нормам, ролям, коммуникативному поведению, принятым в изучаемом языке. Устное общение включает, помимо вербального общения (как основного компонента), ещё и целый ряд других черт (жесты, мимика, паузы), имеющих определенное контекстуальное значение [2, с. 12].

Как правило, преподаватель не участвует в ролевой игре. В случае, если он всё же принимает в ней участие, он не должен выбирать главную роль, так как в ходе игры нет необходимости ничего организовывать. Ролевая игра, которая хорошо подготовлена, проводится в соответствии с определённым планом, а преподаватель играет роль стороннего наблюдателя, он анализирует поведение участников игры и допускаемые ими ошибки.

Так как ролевая игра дает студентам возможность самостоятельно выбирать языковые и экстралингвистические средства, естественно, что студенты могут допускать ошибки. Наиболее типичные ошибки следует разобрать после проведения игры. Подводя итоги игры, не следует акцентировать внимание исключительно на ошибках, учитывая, что было их допущено определённое количество. Очень важно уделить внимание тому, что, в целом, игра прошла успешно, цель достигнута. Это поможет сформировать положительное отношение студентов к ролевой игре, повысит их мотивацию. С другой стороны, предоставив студентам свободу в выборе языковых средств, преподаватель может увидеть, насколько понят и усвоен материал, насколько успешно они могут применять его на практике, как сформированы навыки правовой культуры. Мы проводим следующие ролевые игры в рамках дисциплины «Иностранный язык»: «Профессиональная этика юриста», «Конфликт интересов». В рамках дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции» нами проводятся такие ролевые игры, как: «Подача иска в суд», «Заключение гражданско-правового договора».

Большое значение в решении поставленной проблемы имеет изучение и анализ опубликованных речей известных государственных деятелей, юристов прошлого и настоящего. Подобные занятия помогают понять, как выстраиваются речи в

зависимости от жанра и определенной речевой ситуации, наглядно демонстрируют, какие англоязычные риторические средства используются для достижения поставленной цели, какое влияние они оказывают на исход дела.

Основное место в реализации поставленной задачи формирования навыков правовой культуры и эффективного речевого поведения должно отводиться работе над подготовкой выступлений и составлением «риторических эскизов» будущей речи. Произнесение самостоятельно подготовленных студентами речей на английском языке и их последующий анализ – одна из основных форм работы. Для учебных выступлений может быть использован широкий диапазон тем: афоризмы, высказывания известных философов, ученых, юристов, политиков [5, с. 99].

Формирование аргументированных умений также является одним из важнейших составляющих в развитии навыков правовой культуры будущих специалистов. Упражнения, способствующие решению этой задачи, требуют при доказательстве той или иной точки зрения подбирать языковые средства для убеждения собеседника или оппонента, располагать их по степени значимости, согласно законам логики и в соответствии с коммуникативной задачей говорящего. Для проведения учебных дискуссий могут быть предложены темы правового и нравственного характера.

С интересом относятся студенты к заданиям, выполняя которые необходимо: избегать манипуляций со стороны собеседника (оппонента); продемонстрировать умение задавать вопросы и, проанализировав информацию с точки зрения содержания и с точки зрения использования собеседниками невербальных средств общения, решить поставленную задачу.

Эффективной формой работы в процессе обучения иностранному языку на юридическом факультете является проведение учебных «процессов». Так как одним из основных направлений при формировании правовой культуры студентов является идея творческого начала, студенты хотели бы опираться на произведения русской и зарубежной литературы. Для организации подобных занятий необходимо использовать как материалы конкретных уголовных и гражданских дел, так и фрагменты литературных произведений, ставящих дискуссионные проблемы или описывающие судебные прения.

Следует отметить, что при подготовке и проведении подобных «процессов» студенты проявляют заинтересованность в исходе «дела»; они используют полученные на лекционных занятиях знания и, опираясь на семейный, гражданский и уголовный кодексы, выносят приговор на основе того доказательного материала, который представили стороны. Подготовленные выступления участников нестандартны и интересны. Особое значение имеет то, что студенты при проведении учебных процессов одновременно участвуют в подготовке обвинительных и защитительных речей по одному и тому же делу, в связи с этим становится очевидной взаимосвязь, взаимообусловленность речевых жанров судебных прений.

На практических занятиях в качестве учебного материала могут быть использованы кинофрагменты, демонстрирующие судебные прения на иностранном языке, либо ставящие острые социальные проблемы, видеозаписи телепередач правового и публицистического характера, содержащие информацию о преступлениях и указывающие на итог процесса по рассматриваемому делу. В связи с этим встает вопрос об оснащенности аудиторий техническими средствами, использование которых позволяет отрабатывать отдельные коммуникативные навыки, способствует эффективной организации анализа и самоанализа речевого поведения.

В процессе изучения иностранного языка формы компьютерных технологий можно классифицировать следующим образом:

1. В соответствии с требованиями ФГОС студентам-юристам необходимо предоставить доступ к фондам библиотек и материалам мультимедиа. Следовательно, студенты изучают юридические базы информационных справочных систем и разнообразные источники информации в сети Интернет.

Кроме того, в процессе преподавания иностранного языка у студентов-юристов мы развиваем умение работать с информационно-справочными системами, которое способствует успешному овладению студентами изучаемой дисциплины, минимизации затрат на поиск материала в области юриспруденции на иностранном языке. Современному специалисту важно уметь ориентироваться в потоках информации и владеть навыками её получения, обработки и использования, применяя современные технологии. В том случае, если выпускник овладел методами поиска необходимой правовой информации, у него появляется больше шансов устроиться по специальности по сравнению с другими претендентами на должность.

Процесс информатизации правоохранительных органов идет в рамках общефедеральных программ. В структурах арбитражных судов, судов общей юрисдикции создаются отделы, которые систематизируют российское законодательство и осуществляют информационное обеспечение судей. В целях создания необходимых условий для формирования общей концепции правовой политики, разработки программ законопроектных работ и правового обеспечения осуществляемых реформ в России существует единообразный банк данных правовой информации. Специалисту в области права важно научиться работать с правовыми информационными ресурсами на русском и английском языках.

2. Мы пришли к выводу, что деловые игры с применением информационных технологий способствуют моделированию учебного процесса. Так, например, в деловой игре «Авторское право», ситуацию нарушения авторских прав можно смоделировать с помощью определённой компьютерной программы, которая помогает освоить понятия, связанные с авторским правом и техникой защиты прав интеллектуальной собственности. Раздел программы, включающий изучение законодательства в области защиты прав интеллектуальной собственности является сложным, поэтому отработка понятийного аппарата в форме деловой игры способствует освоению студентами данного материала. Студенты могут легко выявить нарушителя и предпринять действия, направленного на восстановление авторского права, привлечение к ответственности и предоставление рекомендации в отношении эффективного правового поведения [6, с. 91].

3. Как мы убедились, при соответствующем техническом обеспечении студентов заочной дистанционной форм обучения компьютерные учебники или комплексы, которые содержат контрольные вопросы и тесты по каждой теме, а также необходимые задания, способствуют результативной подготовке обучаемых и повышению мотивации к изучению дисциплин «Иностранный язык» и «Иностранный язык в сфере юриспруденции». Это является актуальным для форм обучения, где взаимодействие преподавателя и студентов минимально, а объём самостоятельной работы достаточно большой.

4. Технологии тестирования, используемые нами в учебном процессе с целью контроля знаний студентов-юристов, позволяют минимизировать субъективизм при оценивании, уменьшить затраты времени. Технология тестирования в форме текущего контроля широко применяется нами для оценивания полученных знаний перед экзаменационной сессией, с целью ликвидации задолженностей, а также для определения уровня остаточных знаний студентов. Кроме того, тестирование применяется при

проведении юридических олимпиад на английском языке и некоторых формах самостоятельной работы студентов. Используемые в учебном процессе компьютерные программы повышают продуктивность тестирования: задания становятся вариативными, устанавливаются временные ограничения для ответов на вопросы, у студентов появляется возможность оперативно узнать свои результаты по тесту.

Заключение. Таким образом, процесс формирования навыков правовой культуры и рационального речевого поведения, актуального для профессиональной деятельности студентов юридических специальностей, может быть организован по-разному. Данная организация работы способствует гармоничному развитию коммуникативной грамотности и, соответственно, правовой культуры выпускников вузов, профессиональная деятельность которых непосредственно связана с активной речевой практикой. Владение навыками коммуникации, знание норм правовой культуры, ориентация в выборе средств коммуникации – всё это позволяет осваивать ролевой репертуар в рамках профессии юриста.

В соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов высшего в учебном процессе целесообразно использовать ролевые и деловые игры, которые основаны на принципах моделирования ситуации реальной профессиональной деятельности, совместной деятельности, диалогического общения. В итоге студенты приобретают навыки профессиональной культуры и умения оперировать терминами на языке специальности. Качество приобретённых студентами навыков и умений зависит от внедрённых в учебный процесс образовательных педагогических технологий, которые позволяют повысить интерес студентов к дисциплинам «Иностранный язык», «Иностранный язык в сфере юриспруденции» и специальности юриста в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдусаламов Р.А. Развитие юридического образования в условиях информационного общества и сетевого взаимодействия / Р.А. Абдусаламов, Л.В. Магдилова // Мир науки, культуры и образования. – 2018. – № 6 (73). – С. 133–135.

2. Бадылевич А.А. Современные тенденции при обучении профессионально-ориентированному иностранному языку / А.А. Бадылевич // Профессионально ориентированный иностранный язык: от обучения к эффективной коммуникации : сборник научных статей / редкол.: О.П. Дмитриева (отв. ред.), Е.С. Сидельникова ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2018. – С. 11–14.

3. Журбенко Н.Л. Использование современных педагогических технологий для повышения эффективности обучения иностранным языкам в неязыковых вузах / Н.Л. Журбенко // Интернет-журнал «Мир науки». – 2018. – № 2. – Т.6. Режим доступа: https://mir nauki.com/PDF/50PDMN218.pdf

4. Магденко С.А. Пути формирования мотивационно-ценностных установок студентов-будущих юристов при изучении иностранного языка / С.А. Магденко // Мир науки, культуры и образования. – 2018. – № 4 (71). – С. 199–201.

5. Радькова С.А. Метод кейсов как технология профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов-юристов / С.А. Редькова // Профессионально ориентированный иностранный язык: от обучения к эффективной коммуникации : сборник научных статей / редкол.: О.П. Дмитриева (отв. ред.), Е.С. Сидельникова ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2018. – С. 98–101.

6. Солдатов Б.Г. К вопросу о роли гуманитарных дисциплин в подготовке специалистов правового профиля / Б.Г. Солдатов // Философия права. – 2016. – № 6 (79). – С. 89–94.

7. Солдатова Н.В. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов-юристов: профессионально-прикладной компонент / Н.В. Солдатова // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 2 (81). – С. 120–125.

Поступила в редакцию 02.03.2020 г.

EFFECTIVE TECHNOLOGIES OF FORMING LAW STUDENTS' LEGAL CULTURE IN THE FOREIGN LANGUAGE AQUISITION PROCESS

B.G. Soldatov, N.V. Soldatova

The article deals with the topical problem of studying the profession-oriented foreign language teaching process in the context of legal culture skills developing. The authors of the article researched the main requirements to the practical lesson in the disciplines “Foreign language” and “Foreign language in the field of law” content as a means of students’ legal culture forming. Emphasizing the importance of new learning technologies as a means of creative potential developing and students’ legal culture forming, the authors of the article pay a special attention to role-plays, information and test technologies.

Key words: legal culture, role-plays, situation modeling, professional situations, speech behaviour, computer technologies.

Солдатов Борис Георгиевич.
Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет».
Доцент кафедры «Мировые языки и культуры».
E-mail: bsoldatov@rambler.ru

Солдатова Наталья Викторовна.
Кандидат филологических наук, доцент.
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Ростовский филиал.
Доцент кафедры иностранных языков.
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций.
E-mail: bsoldatov@rambler.ru

Soldatov Boris Georgiyevich.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Don State Technical University.
World Languages and Cultures Department, Associate Professor.
E-mail: bsoldatov@rambler.ru

Soldatova Natalia Victorovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Russian Customs Academy, Rostov Branch.
Foreign Languages Department, Associate Professor.
South Russian Management Institute – Russian Academy of National Economy and Public Administration Branch
Foreign Languages and Speech Communications Department, Associate Professor
E-mail: bsoldatov@rambler.ru

УДК 82.0:130.2

ВОПРОС ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОГО ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ АСПЕКТЕ

© 2020. ***Н.В. Скляр, А.В. Лаврухина***
ГОУ ВПО ««Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье рассматривается процесс зарождения культуры в доисторический период и формирования первой модели культурного человека в эпоху Античности, описаны и выделены основные детерминанты трансформации моделей культурного человека в эпохи Средневековья и Возрождения.

***Ключевые слова*:** культура, культурный человек, модель, образ, литература.

Проблема определения концепции человека в контексте культуры является одной из актуальных не только для философии и культурологии, но и для когнитивной лингвистики и лингвистики в целом. Понятие «культурный человек» формируется в сознании путем оценки моделей поведения, ценностных ориентиров индивида и их соответствия сложившимся в обществе этическим и культурным нормам. Именно такой подход превалировал на протяжении веков и в сфере научного знания. Ввиду того, что ценности и идеалы общества варьируются под влиянием исторических, социальных, экономических факторов, научно оправданным видится комплексное рассмотрение понятия культурного человека, формирующегося под влиянием культуры и представлений о человеческом идеале в различные эпохи становления философского и культурологического знания. В этом заключается актуальность нашей статьи.

Целью предлагаемой работы – рассмотрение процесса зарождения и трансформации понятия «культурный человек» на значимых этапах исторического развития для построения модели культурного человека с дальнейшей ее трансляцией в литературных произведениях определенного периода.

Культурный человек – это представитель своей эпохи, который при взаимодействии с обществом проявляет единодушие и дружелюбность. Эта личность обладает ценными моральными качествами, такими как религиозность, благородство, честность; у культурного человека развита способность к аналитическому, логическому, творческому мышлению, его внутренний мир многогранен и открыт к новым знаниям, сохранению красоты и целостности окружающего мира. История знает величайших деятелей искусства, философов, мыслителей, чьи работы оказывали влияние на мировоззрение многих поколений и актуальны и по сей день. Примером таких выдающихся личностей могут служить античные мыслители и творцы искусства – это Сократ, Аристотель, а в эпоху Просвещения – Дж. Локк, Вольтер, Г.Э. Лессинг, А.Н. Радищев. Современный культурный человек – это прежде всего свободная личность, часть гуманистического общества, ориентированного на сохранение мира и гармонии, саморазвития и осознания собственной уникальности в поликультурном мире.

Начальные представления о человеке культурном могли зародиться не ранее самой культуры. Модели культурного человека всегда определялись не только относительно социально-культурных идей, но зависели от развития производства, экономического уклада государств, и, следовательно, от развития научной мысли и реализации ее плодов. По этому поводу Х. Ортега-и-Гассет пишет: «…человек эпохи

Эйнштейна способен на большую точность и большую свободу духа, чем человек эпохи Ньютона» [8, с. 70].

Кроме того, любая модель культурного человека является отражением самосознания человека. Но оно на протяжении истории, меняясь в своих отдельных характеристиках и способах восприятия, не всегда менялось сущностно, существенно [2, с. 7]. Культура является определенной системой ценностей и норм, которая формирует у человека определенные ценностные ориентации. Ценности, в свою очередь, определяют общую стратегическую регуляцию поведения человека. Каждая культурная ценность предстаёт как желательный, конкретный вид поведения [3, с. 284]. Именно поэтому, несмотря на социальные, культурные, экономические различия в каждой эпохе развития общества, можно проследить сходные черты, наполняющие образ культурного человека каждого времени, что свидетельствует об их универсальности и неизменности.

Говоря о человеке как о представителе социума, нельзя не рассмотреть основные характеристики общества в каждый период его развития. Необходимо также представить поэтапное описание представления о культуре и человеческом идеале, начиная с зарождения времен и до современности.

Обратимся к первобытной культуре, одной из характерных черт которой является направленность на стимулирование сущностных сил человека, так как жизнь первобытного человека была ориентирована на коллектив. Следует отметить синкретизм, т.е. слияние личности и сообщества, общины, что объясняется низкой продуктивностью труда. Общинный строй и коллективные формы труда обеспечивали возможность противостоять грозной природе и диким зверям.

Если понимать под обществом лишь совокупность индивидов, которые взаимодействуют между собой, то пришлось бы признать наличие общества у животных. Однако именно наличие культуры отличает общество от любого объединения животных особей. Так, уже в первобытные времена можно проследить зарождение культуры, ведь уже тогда для человеческого общества было характерно обуздание животных инстинктов, регуляция отношений между полами, регламентация распределения пищи. Примитивные первобытные инстинкты подавлялись в пользу общественно-приемлемых норм, что и свидетельствует о первых проявлениях культурного поведения в первобытном обществе. Социальная активность первобытных людей в наибольшей мере регулировалась культурными обычаями, которые нельзя было нарушать.

Что касается духовности первобытного общества, эмоциональный и рациональный факторы являли собой единое целое. Результатом духовного развития человека в древнейшие времена стало устное народное творчество дописьменного периода, как продукт духовной деятельности, который демонстрирует неразрывную взаимосвязь реальности и фантазии, человека и природы, личного и коллективного. Здесь речь идёт о зарождении самой культуры, а характерные принципы поведения культурного человека были обусловлены только соблюдением неписаных законов первобытного общества.

В отличие от принципов первобытной культуры, древневосточная культура характеризуется четким разделением и противопоставлением ее различных сфер. В эпоху первых цивилизаций, например, Египта, государств Междуречья, культурные принципы были направлены на воспитание и формирование современной на то время личности, соответствующей социально-экономическим условиям того времени.

В связи с социальным фактором характерной чертой эпохи являлось подавление человеческой субъектности и личности как таковой. Тем не менее, в то время, как

проявления человеческой активности и индивидуальности всячески нивелировались, наблюдается особое внимание к глубине духовной составляющей, не характерное ни для каких других культур того времени [4, с. 91]. Однако речь идет не об индивидуальности человека, но о внутренней духовной работе человеческой сущности. Внешняя личностная свобода всячески подавлялась, а глубина духовного воспитания формировалась под влиянием религии и философии. В этом и состоит главная особенность культуры данного типа.

Стремление к познанию мироустройства повлекло за собой создание мифа. Главными действующими лицами в мифах стали сверхъестественные существа пантеона древних египтян, в который включены боги, богини, обожествлённые понятия, чудовища и др. Одни боги были почитаемы и уважаемы, люди просили помощи и надеялись на их защиту; другие же, напротив, вселяли страх. В то же время жители Древнего Египта считались наиболее приближенными к божественному идеалу, так как считалось, что боги проживали среди людей, а цари были их прямыми потомками, заботящимися о своем народе [4, с. 96]. Поэтому наиболее близким к культурному идеалу можно было назвать египтянина, принадлежавшего к царскому роду, имеющего, согласно верованиям этого времени, божественное происхождение.

В эпоху античности существовало кардинально иное понимание образа человека в контексте культуры. Для этого понимания значима идея О. Шпенглера о телесности как о ведущем принципе греческой культуры. Он утверждает, что античный человек, независимо от сферы его деятельности, обладает чувством формы, поскольку лишь вещественная форма является «чувственным, наличным, осязаемым, измеримым, исчисляемым». Античные скульпторы стремились как можно точнее передать ту красоту, которую видели в человеке: «Обратится ли античный человек к художественному выражению своего чувства формы, он стремится придать человеческому телу в танце, в борьбе, в мраморе и бронзе то положение, при котором поверхности и контуры полнее всего осуществляют меру и смысл» [11, с. 144]. Более того, отечественный философ и культуролог А.Ф. Лосев полагает, что даже античное представление о душе имеет телесную сущность, и «греческие боги сконструированы не иначе, как именно тела, как здоровые, прекрасные и вечные тела» [6, с. 16], что все античное мировоззрение формировалось на идее «вещизма», отмечая отражение «телесности» в построении искусства, науки, религии, философии, и всей общественно-политической жизни» [6, с. 18]. Так, античный человек, каким его видели скульпторы, был тогда физически красив, когда обладал крепким здоровьем, атлетическим телосложением и правильными чертами лица.

При этом, понятие красоты отличалось многообразием и индивидуальностью, а идеализированный внешний облик человеческого тела не вступал в конфликт с красотой душевной. Известно, что в эпоху античности образования в Древней Греции охватывало те сферы культуры, как поэзия, музыка, танцы, науки и творчество в целом. Таким образом, культурный человек, по канонам античности, должен быть красив и телом, и духом. Такая гармония телесного и духовного получила определение «калокагатия», что означало объединение таких понятий как καλός (прекрасный) и ἀγαθός (добрый) и было определено как «нравственная красота» [9, с. 407–409].

Древнегреческий писатель Гомер создал классические поэмы, которые дают представление о культурном развитии общества того времени. «Илиада» и «Одиссея», древнейшие памятники греческого творчества, дают особенно четкое понимание греческих религиозных представлений, носивших антропоморфический характер. Так, мы наблюдаем, что конкретные образы преобладают над абстрактными, и даже в

количественном соотношении человекоподобные божества, мифические создания и герои преобладают над богами абстрактного значения.

Само понятие «культура» берет начало в философии Древнего Рима. Впервые в своих сочинениях к нему в 1 до н.э. обратился римский мыслитель Цицерон. Проводя параллель с культивированием земли, он учил человека культивировать душу и разум, чтобы не скатиться к варварству. Варварство для него вступает в противоречие с культурой, Римская республика же являлась для него «государством культуры», которое он противопоставляет варварскому обществу древних германцев.

Цицерон связывает понятие культурны не только лишь с получением образования, культурной и научной деятельностью. Истинное значение приобретает культура для него в особом римско-республиканском строе жизни, где духовное развитие человека и интересы государства находятся в противоречивом и неразрывном единстве [7, с. 5–32]. Культурный человек, по мнению Цицерона, – это обладатель культурной души как личного качества, которое свидетельствует о высокой степени духовного развития, о его способности к самопознанию, обладанию логических и творческих умственных способностей. Ораторское искусство, в свою очередь, являлось для него показателем уровня культуры и образованности человека. А умение логически выстроить свою мысль и аргументировать ее, убеждая оппонента в истинности своей позиции, свидетельствовало об овладении навыками оратора, и, следовательно, об обладании высоким уровнем культуры.

Главенствующей силой в античности стало понятие судьбы как силы, ведущей и подавляющей человека [13, с. 138–139]. Именно в мифах представление о фатальности судьбы получает полную реализацию. Так, человек в мифе наделен силой и умом, а жизнь героя предстает в античных мифах в виде некоего пути-подвига. Фактическим объектом жертвоприношения является сама судьба, воплощаемая в мифологии в лице различных божеств олимпийского пантеона, либо сверхъестественных существ. Например, в мифе о Тесее он предстает в образе Минотавра в Лабиринте, в мифе о царе Эдипе – в образе Сфинкса. Так показан земной путь человека, неизбежно приводящий к встрече со смертью.

В связи с этим, античный человек осмысливался преимущественно лишь как объект воздействия сил судьбы и рока, зачастую неспособный противостоять им. Таким образом, в этот период возникает первая в истории модель культурного человека. Идеалом человека античности становится человек-атлет, человек, наделенный добродетелями. Античный культурный человек стал первым образом, построенным на принципе гармони тела и духа, но так и не получившим полного воплощения, в силу неспособности противостоять фатальности судьбы как в частном понимании (неизбежность определенных событий в жизни), так и в общем (неизбежность смерти).

На следующем этапе развития общества меняется и представление о человеке, как о неотъемлемой части европейской культуры Средневековья. Во времена противопоставления божественной души греховному телу развивается аскетизм. В связи с главенствующим принципом аскетизма происходит культивирование объектной составляющей человеческой сущности, греховная оболочка подвергается истязаниям. Разум же, в свою очередь, является источником сомнения, он подрывает священную веру, а значит, и сам греховен.

Что касается формирования человеческого идеала, то определяющим является восприятие Бога как идеального образа. Очевидно стремление к достижению идеала в обеих эпохах. Античный идеал, например, в учении Платона состоял в возможности приближения человека к «миру идей», а также в конфуцианском в возможности

достижения совершенства через воспитание «благородного мужа»; тогда как надмирный идеал в образе самого Бога в эпоху Средневековья был недостижимым и представал главным «свидетелем» человеческого несовершенства [12, с. 115].

Сословный характер средневекового общества предопределил и другую немаловажную особенность – различие представлений об идеале и об идеальном человеке у представителей различных слоев общества. В связи с этим, стали характерны дифференциация и разделение модели культурного человека, в основном по сословному признаку.

Так, модель человек-рабочий предусматривает безусловное подчинение церкви и господину, набожность и кротость, смирение перед своим положением в обществе. Культура, в данном случае, выражается в следовании религиозным представлениям о ничтожности и греховности телесной оболочки, что находило яркое выражение в понятии аскетизма. С другой стороны, представление о человеческом идеале не ограничивалось религиозностью. Крестьяне, живущие в бедности и лишенные всяческих благ, придавали большое значение моральным качествам, таким как доброта и благородство.

Реализацию такой модели можно проследить в образах художественной литературы этой эпохи. Например, благородный Робин Гуд, народный герой Англии, и его воинство воплощают в себе именно такие качества. Первые баллады о Робин Гуде записаны в XV веке. В балладе легко проследить сочувствие народа к лесным стрелкам, ушедшим в лес в результате притеснений. Так, впервые в европейской культуре, нравственным ориентиром стал человек неблагородного происхождения.

Человек-воин – идеальный образ доблестного и храброго воина, обученного тонкостям военного мастерства и мастерству охоты. Охота считалась вторым после войны занятием, достойным рыцаря. Идеальный рыцарь должен был обладать множеством духовных достоинств, внимание уделялось также одежде, украшению, телосложению.

Существовала и специальная литература, так, получили рассвет жанры рыцарского романа и рыцарской лирики. Поэтические произведения трубадуров посвящались рыцарскому героизму, а ведущей темой стала куртуазная любовь.

Главный образ рыцарского романа – идеальный герой, стремящийся к славе, совершающий чудесные подвиги ради своей дамы сердца. Типовыми образами героя-воина стали образы Персиваля, Ланселота и других персонажей из легенд о короле Артуре, воспевающие подлинное рыцарство, высокие этические идеалы.

Среди представителей высшего сословия выделяется модель человек-обладатель власти. Для культурного человека высших сословий предусматривалось не только лишь обладание высокой степенью религиозности, но и возможность получения образования. Несмотря на то, что образование в эпоху средневековья носило сугубо религиозный характер, оно все же оставалось привилегией, доступной лишь для вышестоящих представителей общества.

В литературе пример такой модели представлен в «Песне о Роланде», а именно в образе Карла Великого. В рыцарском романе образ короля переосмыслен: здесь он воплощает идеал правителя. Карл Великий – это реальная историческая личность, в отличие от короля Артура. Его образ в произведении отличается жизненной мудростью и рассудительностью, опытом и исключительным умом. В поэме также описана уникальная способность Карла Великого, взаимосвязь с богом, ставящая его на уровень сверхчеловека, превознося над всеми остальными людьми. Исполняя всевышнюю волю, Карл приводит язычников к христианской вере и под руководством божественной силы осуществляет свои боевые походы.

Следующая модель культурного человека соответствовала эпохе формирования европейской культуры. Ее культурный феномен – гуманистическая модель человека эпохи Возрождения. Само понятие гуманизма берет начало от латинского «studia humanitatis» и возникло в результате интерпретации трудов Цицерона самими гуманистами и понималось ими как «ревностное изучение всего, что составляет целостность человеческого духа» [1, с. 210]. Выражая в понятии «Humanitatis» единство природы человеческой сущности, гуманисты вкладывали с его смысл широкое значение, считая обязательным наличие доброго нрава, стремления к познанию, саморазвитию и самосовершенствованию. Такое видение человека предполагало разноплановое саморазвитие во всех сферах жизни, активную политическую и социальную вовлеченность, культурный человек Возрождения обладал высоким уровнем образования и глубокими нравственными принципами. Так, была сформирована новая модель культурного человека – человек-гуманист.

Принципы гуманизма выходят на передний план в системе ценностей эпохи Возрождения. Приведшая к культурному застою христианская идеология прошлой эпохи по отношению к человеку вызвала волну протеста среди ведущих деятелей культуры. Гуманисты не отрицали необходимость веры, тем не менее, постепенно развивается критика Церкви как социального института.

Общество заявило о своем стремлении преодолеть наследие Средневековья и возродить ценности и идеалы античности. Так, теоцентрическая система средневекового мировоззрения сменяется антропоцентрической, где центром мироздания становится сам человек. Существование Бога не оспаривалось, однако Бог являлся высшей силой, давшей начало всем вещам, а человек – центром мира, самостоятельно и осознанно выбирающим свой путь [10, с. 68]. Человек получает свободу в своей деятельности и стремлениях, перед ним больше не существует рамок, ограничивающих его самосовершенствование. О взаимосвязи культуры и чувства свободы говорит немецкий философ И.Г. Фихте. В своих трудах «К исправлению суждений публики о Французской революции» он утверждает, что «культура – это тренировка всех сил на пути к достижению полной свободы, полной независимости от всего, чем Мы сами не являемся. Я все более в этом убеждаюсь» [14, с. 24]. Иными словами, владеть культурой означает быть свободным для понимания самого себя и реализации себя.

На рубеже XIII и XIV веков в европейской литературе весомое место занимает фигура «последнего поэта Средневековья и первого поэта Нового времени» – Данте. Его «Божественная комедия» раскрывает сюжет о путешествии в потусторонний мир, представления об устройстве мира, символика, сложные богословские аллегории. Именно в ней прослеживается новая для эпохи Возрождения концепция культурного человека – человека свободного, стремящегося к познанию, способного самостоятельно выбирать свою судьбу. На пути осознания собственного места в жизни культурный человек проявляет тенденцию к саморазвитию, самоанализу, нравственному преображению, искуплению своей греховности. «Поэт решил показать весь путь греховного человечества, чтобы указать людям такой путь искупления греховной природы человека, который соответствовал бы величию и достоинству человека, – это путь к Богу. Но именно он является философским, этическим, эстетическим, поэтическим, гражданским, а не только теологическим обоснованием принципов нового гуманизма» [3, с. 144].

Взяв за основу известную культурологическую аксиому «человек – творец и творение культуры», можем утверждать, что именно в эпоху Возрождения в литературе

впервые был представлен комплексный образ культурного человека. Таким образом, Данте не просто создал поэму эпохи, отражающую широкий синтез средневековой культуры и онтологию мира, но и сам, являясь объектом влияния исторических и социальных факторов, воплотил в герое своего произведения собственный образ – образ писателя – культурного человека эпохи Возрождения.

Несомненно, культура эпохи Возрождения стала основой для формирования мировоззрения и картины мира культуры Нового времени в Европе. Тем не менее, в структуре человеческих стремлений и ценностей наблюдались внутренние противоречия. Так, повсеместное внимание к всестороннему развитию личности граничит с эгоцентричностью, а в желании добиваться желаемого человек оказывается слишком близко к границе моральных ценностей.

Кризис гуманизма находит особенно яркое выражение в творчестве Шекспира. Иллюзия гармонии человека и окружающего его мира сменялась гамлетовским вопросом «Быть или не быть» и выводом о том, что мир болен, а «Ромео и Джульетта» служит ярким проявлением трагизма позднего Возрождения.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что история зарождения и развития модели культурного человека восходит к доисторическому периоду, где наблюдаются первые тенденции к зарождению культуры. В те времена она была обусловлена в основном социальными факторами, такими как разделение труда, дифференциация первобытного общества, соблюдение племенных правил и обычаев. Однако на этом этапе еще нельзя говорить о появлении модели культурного человека. Первая модель была выделена лишь в эпоху античности. Антропоцентризм этой эпохи, гармония души и тела, внимание к телесной составляющей человеческой сущности породило первую модель культурного человека – человек-атлет.

На следующем этапе исторического развития наблюдаются коренные изменения в системе ценностей и, соответственно, в сфере культуры. В эпоху Средневековья наблюдается четкое расслоение общества по социальному фактору, а также, в религиозной сфере – теоцентрическое мировоззрение. В связи с этим, мы выделили несколько моделей культурного человека, а именно: человек-рабочий, человек-воин, человек-обладатель власти.

На новом этапе развития общества наблюдается возрождение интереса к человеческой личности, тенденция к саморазвитию не просто в физическом понимании, но особенно в сфере науки и культуры. Так, эпоха Возрождения породила новую модель культурного человека – человек-гуманист. Согласно гуманистическим ценностям культурный человек эпохи проявляет интерес к образованию, наукам, саморазвитию во всех сферах, осознает свои возможности и стремится к свободе слова и действия.

Перспективным также видится рассмотрение и описание моделей культурного человека в эпоху Нового и Новейшего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахутин А.В. Европа – форум мира / А.В. Ахутин. – Киев: Дух і літера, 2007. – 307 с.

2. Бабошина Е.Б. Развитие модели культурного человека в истории образования / Е.Б. Бабошина // Образование и наука. – 2003. – №4. – С. 7–21.

3. Карпушин В.А. Некоторые аспекты философской концепции личности у Данте / В.А. Карпушин // Дантовские чтения. – М., 1968. – С. 134–145.

4. Лаврентьева М.Ю. К вопросу о древнеегипетских драматических текстах и представлениях / М.Ю. Лаврентьева // История и культура древнего и раннехристианского Египта. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.Э. Матье и М.А. Коростовцева. – М., 2001. – С. 89–99.

5. Ленец А.В. Культура лжи в современном дискурсе / А.В. Ленец // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы VIII Международной научной конференции. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – С. 283–286.

6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А.Ф. Лосев. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 880 с.

7. Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения / Марк Туллий Цицерон. – М.: Художественная литература, 1975. – 456 с.

8. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Радуга, 1991. – 639 с.

9. Солопова М.А. Калокагатия / М.А. Солопова // Античная философия: Энциклопедический словарь. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – С. 407–409.

10. Тарасов А.Н. Философский анализ развития религии в континууме европейской культуры в периоды социокультурной трансформации / А.Н. Тарасов // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5. – С. 65–71.

11. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – 592 с.

12. Ястребицкая А.Л. Человек, каким его представляло Средневековье / А.Л. Ястребицкая // Средневековая Европа глазами современников и историков. Книга для чтения. Часть III. Средневековый человек и его мир. Серия «Всемирная история и культура глазами современников и историков». – М.: Интерпракс, 1994. – 400 с.

13. Drijvers Han J.W. Conceptions of the Person in late Antiquity and Early Christianity / Han J.W. Drijvers // *Concepts of Person in Religion and Thought* / Hans G. Kippenberg, Yme B. Kuiper, Andy F. Sanders, Walter de Gruyter (eds.). – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1990. – P. 137–157.

14. Fichte J.G. Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über die Französische Revolution. Danzig: Verlag Ferdinand Troschel, 1793. – 121 p.

Поступила в редакцию 20.01.2020 г.

HISTORICAL AND LITERARY ASPECTS OF FORMING A MODEL OF A CULTURED PERSON

N.V. Sklyar, A.V. Lavrukhina

The article deals with the process of the origin of culture in the prehistoric period. The formation of the first model of a cultural person in the era of Antiquity is considered. The main determiners in the transformation of models of a cultural person in the Middle Ages and Renaissance are highlighted and described.

Скляр Наталья Владимировна.
Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».
Заведующий кафедрой романо-германской филологии.
E-mail: nataliesskljar@mail.ru

Лаврухина Анастасия Витальевна.
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».
Преподаватель кафедры романо-германской филологии.
E-mail: lavruhinaanastasiya@yandex.ru

Sklyar Natalya Vladimirovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Lugansk National University named after Taras Shevchenko.
Head of Romance and Germanic Philology Department.
E-mail: nataliesskljar@mail.ru

Lavrukhina Anastasiya Vitaliivna.
Lugansk National University named after Taras Shevchenko.
Lecturer of Romance and Germanic Philology Department.
E-mail: lavruhinaanastasiya@yandex.ru

УДК 811.221.18’271.2

ЭЛЕМЕНТЫ РИТУАЛЬНОСТИ И ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА В БИЛИНГВАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

© 2020. *И.Д. Бекоева*
ГАОУ ВПО «Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова»

В данной статье рассматриваются этнолингвокультурные особенности югоосетинской политической коммуникации. На материале выступлений политиков Республики Южная Осетия выявляются и исследуются признаки ритуальности, отражающие политическую, историческую и религиозную картины мира южных осетин. Политическая коммуникация воспроизводит социальные и политические традиции, религиозные, морально-этические представления и паттерны.

Ключевые слова: билингвизм, политическая коммуникация, ритуальность, обрядовая лексика, переключение кодов.

1. Введение. Данное исследование выполнено в русле теории политического дискурса, социолингвистического анализа политического дискурса, лингвокультурологии и посвящено анализу этнолингвоспецифики югоосетинской политической коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью югоосетинской политической коммуникации, в которой отчетливо прослеживаются признаки ритуальности и обрядовости, реализующиеся в наиболее значимых коммуникативных ситуациях. Активные разработки в данном направлении проводятся югоосетинскими учеными И.Д. Бекоевой и В.П. Джиоевой с 2015 г. Ритуальность и обрядовость политического дискурса предполагает включенность символических действий, фиксированность последовательности действий и сопровождающих эти действия формул и обрядовой лексики, анализ и интерпретация которых позволяет выявить ценностные лингвокультурные доминанты, характеризующие югоосетинский политический дискурс. Цель исследования – выявить ритуальные особенности югоосетинской политической коммуникации. В задачи исследования, определяемые целью, входило проанализировать обрядовую лексику в речи участников политической коммуникации.

Эмпирическим материалом исследования послужили устные выступления политических деятелей Южной Осетии, представителей Российской политической элиты, переведенные в скрипты. Проанализировано 1542 выпуска информационной передачи ГТРК ИР (общей продолжительностью 77 часов) под названием *Абон* «Сегодня», выходящей на двух языках – осетинском и русском.

Ритуальные признаки политического дискурса исследуются в работах О.В. Гайковой [2003], В.И. Карасика [2002], А.П. Чудинова [2006], А.Б. Халатян [2011], Е.И. Шейгал [2006].

2. Ритуальные характеристики политической коммуникации. Коллективная (общая) память является неотъемлемым условием существования любого общества [2, с. 11]. Алгоритмы поведения человека соответствуют нормам выработанным обществом на протяжении многих лет. Нормы в свою очередь, представлены совокупностью особых типовых программ или стереотипов поведения [21, с. 264].

Элемент ритуальности проявляется практически во всех разновидностях дискурсов, выделяемых на основании социолингвистических критериев [12, с. 1].

Ритуальность в дискурсе может быть выражена через следование правилам речевого общения, предписывающих соблюдение языковой нормы, использование набора клишированных фраз (включая обрядовую лексику), рекуррентность языковых единиц, реализацию персонального дейксиса, подчеркивающего статусное распределение ролей участников коммуникации.

Ритуальный дискурс представлен устными и письменными текстами (торжественные речи, приветствия, поздравления, благодарности, протоколы, присяги и т.д. [12, с. 5].

Закрепленная традицией последовательность символически значимых действий понимается В.И. Карасиком как ритуал. Ритуал фиксирует константные признаки представителей определенной общности – этноса, конфессии, любой группы, осознающей свою идентичность [13, с. 275]. Компонентом ритуала является ритуальное действие, которое, имея особую символическую импликацию, подтверждает корреляцию ритуальной ситуации и сакрального образца. Ритуал предполагает сюжетность организации действия, реализуя которую, участники коммуникации подтверждают свой индекс принадлежности.

Основу ритуального действия составляют значимые для определенной группы или общества события. Признаками ритуала признаны: цикличность, повторяемость, определенные темпоральные границы [13, с. 397–409].

В представлении Н.И. Толстого ритуал – это некий культурный текст, элементы которого относятся к разным кодам: акциональному (последовательное выполнение неких ритуальных действий), вербальному (формулы и клише), персональному (осуществление действия конкретным участником или обращенность действия к конкретным участникам), предметному (использование в действии ритуальных предметов), локативному (приуроченность ритуального действия к значимым элементам внутреннего и внешнего пространства), темпоральному (соотнесенность действия к определенному времени)т и т.д. [19, с. 167].

Ритуал соотносится с такими понятиями как «обычай», «обряд», считающимися основными формами передачи традиционной культуры, определяемой как групповой опыт, выраженный в социально организованных стереотипах. Опыт, аккумулирующийся и воспроизводящийся в различных человеческих коллективах посредством «пространственно-временной трансмиссии» [17, с. 80]. Под обычаем следует понимать некие стереотипизированные формы поведения, обусловленные деятельностью и имеющие практическое значение. Ритуал в отличие от обычая предполагает исключительно формы поведения, являющиеся знаковыми [1, с. 98]. Обычай – это стереотипный способ поведения, который воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и для их членов являющийся привычным [9].

Обряд определяется как «традиционные действия, сопровождающие важные моменты жизни человеческого коллектива» [БЭС, 2000].

3. Ритуал и элементы обрядовости в жизни осетин. Мировосприятие осетин носит двойственный характер, ибо сочетает элементы языческого и христианского верований. В обрядовой жизни тесно переплетаются пласты духовной культуры с материальной [7].

Ритуальное поведение в культуре горцев занимает значительное место, гораздо более важное, чем это могло быть трактовано сохранением пережитков мистического

отношения к миру. Традиционное мышление осетин и логика менталитета требует следования порядку, который уходит корнями в далекое прошлое. Необходимо исполнение всех обрядов и ритуалов, дабы не нарушить мировой порядок, отражающий картину мира осетин [8, с. 95]

Обрядовость определяла всю жизнь осетин, обряд регламентировал совокупность различных форм жизнедеятельности, называясь *фæтк* «правило, обычай, порядок» [14, с. 320]

Лексема *æгъдау,* переводящаяся на русский язык также как «обычай, обряд», имеет более широкое значение, подразумевая семейные и культовые традиции. В соответствии с традиционными верованиями осетин, вербализация ритуального действия через заклинания считалась эффективным способом влияния на высшие силы, на духов. Считалось, что при точном соблюдении порядка слов и действий ангелы (зæддæ) и духи (дауджытæ) обязательно исполнят желаемое.

Так называемые *арфæтæ* «заклинания» со временем трансформировались в молитвы *куывдтытæ*. По мнению Е.Б. Бесоловой, заклинание *арфæ* и молитва *куывд*, проходят две стадии трансформации: 1) форма прошения; 2) благодарность, славословие [8, с. 95]. Обращаясь к высшим силам, осетины апеллировали не только к высшему божеству в сонме осетинских богов – *Хуыцаутты Хуыцау* (Бог Богов), но и иным представителям общеосетинского религиозного пантеона. С течением времени появляются ритуализированные формулы речевого поведения, в частности благопожелания, которые, являясь компонентом молитвы, выражают эмоционально-оценочное отношение участников ритуального действия к конкретной, фиксированной в традиционном представлении, ситуации [8, с. 98].

4. Обрядовая лексика в политических ритуальных действиях. Политическая коммуникация, отражая паттерны культуры и поведения южных осетин, характеризуется воспроизведением элементов обрядности. Например, одним из наиболее частотных жанров политического действия в югоосетинской политической коммуникации является встреча гостей, прибывших в республику с официальными визитами. На правила универсального протокола накладываются ритуальные действия, вербализуемые посредством обрядовой лексики. Этноспецифическая составляющая протокола предписывает встречать гостей по осетинскому обычаю чашей пива и осетинскими пирогами.

Характерной чертой традиционной культуры осетин является гостеприимство, предписывающее достойно встретить гостя. Напитки были непременным элементом застолья и встречи гостя, которому подносился рог с аракой или чаша с пивом. Гостю нельзя было отказываться от напитка, хозяев это могло обидеть [3, с. 83]. Далее чаша передавалась по кругу, и каждый гость обязан был произнести слова молитвы или благодарности. Напитки *ронг, æлутон, бæгæны* (разновидности пива), *сæн* (вино) считались сакральными в жизни предков осетин – скифов и алан. Подношение чаши с пивом и потребление хмельных напитков связано исключительно с ритуальными действиями и олицетворяет символическую связь членов общности с высшими силами через посредничество старших по иерархии членов данного коллектива.

Старший *хистæр* произносил молитву за Великого Бога (*Хуцыцау, Дунескæнæг*), держа чашу с пивом в руках, и благословлял то дело, ради которого все собрались. Все присутствующие должны были поддерживать произносимый тост криками *Оммен Хуыцау*! Господи, аминь! [3, с. 50].

Политическая коммуникация в силу всеобщей билингвальности южных осетин осуществляется двухканально на осетинском и русском языках, имеющих равные

статусы в соответствии со статьей Конституции РЮО, закрепляющей данные языки как государственные.

В следующем текстовом фрагменте передан полилог, участниками которого являются политики Южной Осетии и представители политической элиты РФ, приглашенные на открытие нескольких значимых социальных объектов, построенных в рамках Инвестпрограммы, в частности, роддома, детского сада и здания для налоговой службы. Президент Республики Южная Осетия-Государства Алания А.И. Бибилов, держа в руках деревянную ритуальную чашу с пивом, обращается по-русски к Всевышнему с молитвой о том, чтобы в новом роддоме рождалось много детей, и чтобы все они были счастливы. Молитва Президента поддерживается традиционными криками *Оммен, Хуыцау*! Аминь, Всевышний. Переключаясь на осетинский язык, А.И. Бибилов дублирует ритуальное обращение к Богу средствами первичной для него языковой системы.

Президент: *Дай Бог, чтобы в этом роддоме рождались тысячи и тысячи детей, и чтобы все эти дети были счастливы* (крики *Оммен,* Аминь*, Дай Бог*) *и чтобы они жили в дружбе и взаимопонимании.* ***Амонджын бæстыхай фæуæт*** «Да будет это место счастливым» [18]. (Здесь и далее перевод с осетинского И.Д. Бекоевой).

Поддерживая ритуальность политического действия, представитель РФ Игорь Кошин вербализует благопожелание, органично включенное в этноспецифическую семантику коммуникативной ситуации.

Игорь Кошин: *Будущее Республики начинается здесь. Чтобы всегда здесь был слышен <…> первый детский крик <…>. Чтобы были счастливы мамы, чтобы папы ждали с цветами, чтобы был мир* [18].

Следующий фрагмент (открытие детского сада) повторяет коммуникативную ситуацию, которая также включает в себя предметную ритуальность – это почетная чаша с пивом, которую первым берет старший по возрасту или социальному статусу. Он произносит первый тост, который, по сути, имеет молитвенную семантику, поскольку обращен вначале к Великому Богу, а затем к Уастырджи – наиболее значимому среди осетинских божеств. Затем чаша передается по кругу гостям, которые должны в своих благопожеланиях закрепить эмоциональный посыл старшего по иерархии участника коммуникации.

Президент. ***Дунескæнæг*** *уыцы амонд радтæт æмæ дзы цы сабитæ хъомыл кæной, цы сабитæ цæуой ардæм, уыдон сомбон сæ цард цы саразой, амонджын цы уой уыцы амонд* ***Дунескæнæг*** *сын балæвар кæнæт. Æцы бæстыхæйттæ иуылддæр Уæрæсейы фæрцы сты æмæ нын алы хатт дæр уыцы рæсугъддзинад, уыцы ахастытæ цы уой кæцытæ Ирыстоны размæ кæнынц æмæ кæндзысты уыцы амонд Дунескæнæг радтæт <…>.* Дай Бог (досл. Сотворивший Мир), чтобы дети, которые будут воспитываться здесь, будут приходить сюда, смогли построить свою жизнь и были счастливы. Пусть Господь Бог им в этом поможет. Все эти здания построены благодаря России, и дай Бог, пусть будет эта красота, пусть все, что способствует развитию Осетии, благодаря чему она движется вперед <…> [20].

Далее чаша передается двум гостям, которые высказывают благопожелания в адрес принимающей стороны. Оперируя понятиями осетинской обрядовости, *арфæтæ* (молитвы), высказанные *Хистæр* (старшим) и обращенные к главному божеству в пантеоне осетинских Богов, переходят в благопожелания.

Гость 1: *<…> чтобы здесь выросло не одно поколение будущего Южной Осетии, строителей Южной Осетии. Всего вам самого, самого доброго* [20].

Гость 2: *<…> даже солнце вышло, погода радует. Побольше бы таких замечательных дней в нашей жизни* [20]. Гость, имея представления об обрядовости,

присущей югоосетинской коммуникации, упоминает солнце, понимая какую важную смысловую нагрузку несет этот символ, солярная символика в целом для осетин. То, что солнце выглянуло, имеет импликацию благословения высших сил.

Анализ текстового фрагмента (открытие здания налоговой службы РЮО-ГА) показывает, что элементы ритуального сценария воспроизводятся аналогично похожим коммуникативным ситуациям: 1) приход гостей; 2) встречающая сторона преподносит главному из гостей традиционную чашу с осетинским пивом и угощает тремя традиционными осетинскими пирогами; 3) гость берет чашу, произносит молитву богу, затем благопожелания в адрес принимающей стороны, делает глоток и передает чашу по кругу другим гостям, с тем, чтобы и они произнесли благопожелания в адрес хозяев.

Важно отметить, что чаша с пивом подается только мужчинам мужчинами, а ритуальные три пирога, символизирующие темпоральную троичность бытия (прошлое, настоящее, будущее), три уровня Мироздания (небесное, земное, подземное), подаются, как правило, женщинами [22]. Облигаторным элементом ритуального сценария является последовательность тостов. Первый тост, по семантике своей являющийся более молитвой, чем тостом, обращен к Богу (*Иунæг Стыр Кадджын Хуыцау, æмбал кæмæн нæй* Единый Большой Великий Бог, равного которому нет, *Дунескæнæг (Творец, Создатель), Дунесфæлдисæг* Создатель, сотворивший мир). Фраза «*нашла свое постоянное место*» – пример лексической интерференции. Говорящий, являясь носителем осетино-русского билингвизма, калькирует осетинские выражения *бынат арын* обретать, находить место и *бынат кæнын* обосновываться, контаминируя их на русском языке.

<…> налоговая служба ***нашла свое постоянное место****, и я уверен, что все сотрудники налоговой службы нашей будут работать <…> первое – в комфортных, хороших условиях и второе – будут работать на увеличение бюджета Республики Южная Осетия. Я желаю хорошей работы, всем тем сотрудникам, которые здесь будут работать <…>* [20]. Как видно из приведенного фрагмента, последовательность «молитва-благопожелания» выдержана в дискурсе данного участника коммуникации.

В свою очередь, гость, представитель РФ, не являясь носителем осетино-русского билингвизма, но зная лингвокультурные особенности, отличающие югоосетинскую политическую коммуникацию, калькирует типичное осетинское благопожелание *фарн ацы хæдзары* благополучия этому дому, где *фарн* понимается как благополучие, процветание, мир, обилие, благоденствие, а *хæдзар* – дом, жилище, помещение, здание. ***Благополучия этому дому****, от всех сотрудников, которые будут работать в этом доме, будет зависеть благополучие республики* [20].

Следующий текстовый фрагмент (встреча премьер-министра ЮО Э.Г. Пухаева с жителями Знаурского района РЮО-ГА) дублирует сценарий и обрядовость проанализированных выше скриптов политических ритуальных действий.

Старший представитель жителей Знаурского района, держа в руках почетную чашу, возносит молитву-обращение к Уастырджи. После молитвы он произносит благопожелания в адрес присутствующих, моля Бога благословить все их начинания. Затем он передает чашу старшему (по статусу) представителю гостей, предоставляя ему слово.

Корреспондент: *Гостей знаурцы* (жители Знаурского района прим. наше) *встречали тремя осетинскими пирогами и чашей осетинского пива.*

Хистæр **старший представитель встречающей стороны**: *Мæнæ Уастырджийы фарсмæ æрбалæууыд стæм. <…> Куыд дзæбæх рбауад стæм афтæ нæ хъуддæгтæ дзæбæхæй ауаддзæм.* Мы верим в Уастырджи (досл. мы встали рядом с Уастырджи,

главное божество в сонме осетинских богов, покровитель мужчин и путников прим. наше). <…> Как мы все благополучно сюда добрались, вот так же благополучно пусть и пойдут наши дела [11].

В ответном слове, старший представитель гостей, просит у Бога благодати для хозяев. Важно отметить последовательность упоминания высших сил, покровительствующих осетинам. В первую очередь упоминается *Стыр Хуыцау* Главный Бог, затем *Уастырджи* Уастырджи – наиболее значимый небожитель, посредник между Богом и людьми, покровитель мужчин и путников.

Гость: *Арфæгонд ут* ***Стыр Хуыцауæй***! *Арфæгонд ут. мæнæ цы бынат мбæлæм,* ***Уастырджийæ***! *Бæрæгбоны хорзæх уæ уæт*! *<…> Арфæ кæнын чысылæй стырæй, нтыстытæ уын уæт <…>* О, *Хуыцауу, кæм дæ.* Да благословит вас Большой Бог! Да благословит вас Уастырджи здесь, на том месте, где мы встречаемся. С праздником вас! <…> Поздравляю всех от мала до велика, успехов и достижений вам! О, Боже, где ты! [11]!

Лексема *арфæ* актуализируется в проанализированных фрагментах в значениях: молитва, поздравление, благословение, благопожелание. Значимость иерархической соотнесенности участников коммуникации реализуется в последовательности предоставляемого участнику выступления, в акцентировании возрастной стратификации и субординативности, традиционных для осетинского общества (*Хистæр* старший; *чысылæй стырæй* от мала до велика).

5. Выводы. Типичными признаками югоосетинской политической коммуникации являются ритуальность, реализуемая через фиксированность сценария политического события, иерархическая соотнесенность участников политической коммуникации. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев (96 %) такое политическое событие как встреча гостей проходит в соответствии с установленным этноспецифическим ритуалом, который накладывается на универсальный сценарий протокола политических встреч.

Ритуальность югоосетинской политической коммуникации служит подтверждением индекса этнической и социальной принадлежности, способствует жесткой фиксации субординации участников коммуникации и обосновывает сложившуюся систему моральных и культурных ценностей. Обрядовые действия, такие, как, например, манипуляция с почетной чашей осетинского пива осуществляются старшими *Хистæр* по статусу (гостевая сторона) или по возрасту (принимающая сторона) представителями.

Обрядовая лексика (обращения к Богу, благопожелания и молитвы) сопровождает ритуальные политические действия, маркируя, таким образом, значимость политического события.

Персональный дейксис политических событий вербализуется через упоминание высших сил, которые должны благословить начинания людей *Иунæг Стыр Кадджын Хуыцау* Единый Большой Великий Бог, *Дунескæнæг (Творец, Создатель), Дунесфæлдисæг* Создатель, сотворивший мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция / С.А. Арутюнов. – Режим доступа: http:/www.journal.iea.ras.ru/archive/1980s/1981/no2/1981_2_097_Arutiunov.pdf С.97–99 (дата обращения: 04.02.2020).

2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.

3. Бедоева И.А. Традиционные хмельные напитки осетин (XIX-XX вв.) / И.А. Бедоева. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и ОРСО-Алания, 2014. – 176 с.

4. Бекоева И.Д. Ролевая структура предвыборной коммуникации / И.Д. Бекоева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Выпуск XVI. – Владикавказ, 2018. – № 3. – С. 26–32.

5. Бекоева И.Д. Этноспецифические признаки предвыборной политической коммуникации / И.Д. Бекоева // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация. Сборник материалов международной научной конференции. – Екатеринбург, 2018. – С. 25–28.

6. Бекоева И.Д. Вербализация персонального дейксиса в реализации комбинированных стратегий и тактик предвыборной политической коммуникации. Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот / И.Д. Бекоева // Материалы международной научной конференции по политической коммуникации. – Екатеринбург, 2019. – С. 38–40.

7. Бесолова Е.Б. Лингвистическая реконструкция духовной культуры осетин на материале ритуальной лексики / Е.Б. Бесолова – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/lingvisticheskaya-rekonstruktsiya-dukhovnoi-kultury-osetin-na-materiale-ritualnoi-leksiki (дата обращения: 27.01.20).

8. Бесолова Е.Б. Язык фольклора: специфика мышления и концептуализации символов / Е.Б. Бесолова. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – 176 с.

9. Большой энциклопедический словарь – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/217294/ОБРЯД (дата обращения: 27.01.20).

10. Гайкова О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: на материале английского языка: дис.…канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / О.В. Гайкова. – Волгоград, 2003. – 210 с.

11. Жители Знаурского района отметили два юбилея. – Режим доступа: https://www.instagram.com/p/B5dKZT-notJ/?igshid=tu72bebyj531 (дата обращения: 27.01.20).

12. Извекова М.Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: автореф. дисс. канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / М.Г. Извекова. – Волгоград, 2006. – 204 с.

13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

14. Касаев А.М. Осетино-русский словарь / А.М. Касаев // Ирон-уырыссыг дзырдуат. – Владикавказ: СОИГИ, 1993. – 384 с.

15. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/2037 (дата обращения: 27.01.20).

16. Конституционный Закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Республики Южная Осетия». – Режим доступа: https://www.cominf.org/node/1166520412 (дата обращения: 22.12.2019).

17. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции / Э.С. Маркарян – Режим доступа: http:/www.journal.iea.ras.ru/archive/1980s/1981/no2/1981_2_078_Markarian (дата обращения: 27.01.20).

18. Сегодня состоялось открытие нового родильного дома. – Режим доступа: https://www.instagram.com/tv/B6dsTISnvZ2/?igshid=hl7xsbq1tdpw (дата обращения: 27.01.20).

19. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

20. Торжественное открытие нескольких социально значимых объектов. – Режим доступа: https://www.instagram.com/tv/B6df2BmHo2S/?igshid=6jdvcm7qnkxh (дата обращения: 27.01.20).

21. Триль Ю.Н. Ритуал В традиционной культуре / Ю.Н. Триль – Режим доступа: https://www.cyberleninka.ru/article/n/ritual-v-traditsionnoy-kulture (дата обращения: 27.01.20).

22. Традиционная вера или миропонимание осетин. – Режим доступа: http//www.osinform.org/39294-tradicionnaya-vera-ili-miroponimanie-osetin.html (дата обращения: 10.02.2020).

23. Халатян А.Б. Предвыборный дискурс: жанровое своеобразие и специфика речевого воплощения (на материале текстов предвыборных кампаний 2008 года в России и США). 10.02.19. – Теория языка. Диссертация на соискание ученой степени канд. фил. Наук / А.Б. Халатян. – Ставрополь, 2011. – 268 с.

24. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.

25. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

Поступила в редакцию 20.02.2020 г.

ELEMENTS OF RITUALITY AND THE RITE LANGUAGE IN BILINGUAL POLITICAL COMMUNICATION

I.D. Bekoeva

The article deals with ethnolinguocultural peculiarities of the South-Ossetian political communication. The analysis of the South-Ossetian politicians' speeches reveals rituality inherent in the South Ossetia political discourse reflecting political, historical and religious models the world of the South Ossetians. Political communication reproduces social and political traditions, religious, moral, ethical views and patterns.

Key words: bilingualism, political communication, rituality, rite language, code switching.

Бекоева Ирина Давидовна.
И.о. доцента кафедры английского языка.
ГАОУ ВПО «Юго-Осетинский государственный университет им. А.А.Тибилова».
E-mail: irina.beckoeva@yandex.ru

Bekoeva Irina Davidovna
Associate Professor of the English Language Department.
South Ossetia State University
named after A.A. Tibilov.
E-mail: irina.beckoeva@yandex.ru

УДК 81'373.215

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ ГИДРОНИМОВ ЛУГАНЩИНЫ

© 2020. ***Ю.П. Брайловская***
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. В. Даля»

В статье рассматриваются особенности классификации гидронимов Луганщины с целью установления общих признаков семантики собственных и общих названий водных объектов.

Ключевые слова: гидронимика, гидроним, топонимика, ономастика, семантика.

Предлагаемая работа посвящена описанию гидронимной системы Луганщины. **Актуальность** исследования обусловлена тем, что гидронимы Луганщины детально не рассматривались как система, имеющая лингвокультурную природу. Водные объекты имеют особую значимость для населения. Разносторонняя номинация гидронимов отражает аспекты этой значимости, поэтому всестороннее изучение водных объектов в различных аспектах, выявление социолингвистических факторов, которыми обусловлены номинации водных объектов, способствуют более полному и качественному описанию, отраженной в них истории формирования лингвокультуры родного края.

Объектом исследования являются водные объекты Луганской области.

Предмет исследования – формы репрезентации в гидронимии края историко-культурной семантики.

Цель исследования заключается в анализе гидронимов Луганщины с точки зрения отражения в них особенностей восприятия водных объектов в лингвокультуре региона. Цель исследования предполагает решение следующих **задач:**

- описать систему наименований гидрообъектов;
- установить основные типы наименований в связи с типами объектов.

Современная наука уделяет особое внимание вопросам топонимики – разделу ономастики, который изучает топонимы (разряд онимов, имя собственное, обозначающее собственное название пространственного объекта на Земле) [9]. Определенную часть топонимов составляют гидронимы. Гидронимы (от греч. hydros — вода) – собственные названия объектов гидрографии: морей, рек, озер, колодцев, водохранилищ, каналов и т.п. [7]. Совокупность названий водных объектов называется гидронимией [6]. Она включает названия ряда мало похожих друг на друга объектов, которые характеризуются наличием в них воды: озёра, реки, ручьи, источники, колодцы, водопады, водохранилища. Различие в качестве этих объектов позволяет реке и находящемуся на ней водопаду или озеру не иметь одинаковых номинаций (р. Северский Донец → озеро Большое) (СВ). Гидронимия в сфере топонимики является одним из наиболее достоверных источников лингвистической и историко-этнографической информации [2, 113]. Для лингвиста – это наиболее древняя памятка языка, с помощью которой прослеживаются определенные диахронические изменения однообразных названий, структурная адаптация разнообразных генетических названий на почве славянских языков [3, с. 3]. Каждое отдельное топонимическое пространство имеет свои специфические особенности, из которых выявляются соответствующие топонимические универсалии (лексико-семантические группы слов). Такие группы дают возможность выявить физико-географические характеристики местности,

получить определенные сведения о занятиях населения, прямо или опосредованно отраженные в семантике топонимов, а также позволяют выяснить основные принципы топонимической номинации.

В состав гидронимов входят четыре основных группы:

а) лимнонимы (греч. Limne – озеро) – названия озер, под которыми понимаются водоем, образовавшийся на поверхности суши в природном углублении [9] (например, озера Большое (СЛ), Лебедтное (Луг.).

в) потамонимы (греч. Potamos – река) – названия рек, под которыми понимают водные потоки, текущие постоянно или большую часть времени года по поверхности суши, питающиеся стоком атмосферных осадков со своего водосбора в разработанных ими долинах (например, реки Лугань, Ольховка (Луг), Комышеваха, Северский Донец (СВ)) [6].

г) гелонимы (греч. Helos – болото) – названия болот, заболоченных местностей, под которыми понимается участок ландшафта, характеризующийся избыточным увлажнением, влаголюбивым живым напочвенным покровом (например, Жабьи болота (Луг)) [6].

Изучением гидронимов Луганска и Луганской области занимались в процессе исследования топонимов такие ученые, как Высоцкий В.И. («Исторические аспекты топонимов Луганщины», Шевцова В.А. («Топонимия Луганщины»), Франко З.Т. («Граматична будова гідронімів »).

Так как гидронимика является частью топонимики, можно предположить, что общие принципы анализа гидронимов подпадают под систему принципов анализа топонимов, хоть и имеют свои особенности.

Говоря о характере анализа и классификации топонимического материала, Н.В. Подольская предлагает 2 вида классификаций. До лингвистического анализа материала в основу классификации должен быть положен признак самого объекта. В первичной классификации выделяются две основные группы: названия, относящиеся к естественным природным образованиям, и названия, относящиеся к населенным пунктам.

Дальнейший анализ материала и его классификация, по мнению Н. В. Подольской, должны быть осуществлены собственно лингвистическими средствами. Это, в первую очередь, анализ структуры топонима, так как именно структура – это то, что исследователь имеет перед собой непосредственно. В результате такого анализа гидронимы можно распределить на структурно-морфологические группы. Обосновывая правомерность этого подхода, Н.В. Подольская пишет: «Такая структурная классификация очень важна, так как она позволяет выявить характерные для каждой территории типы топонимов и дает возможность соответствующего дальнейшего подхода к материалу и его анализу» [2].

В связи с целями нашего исследования на первом уровне анализа мы выделяем три основных типа объектов:

1) гидрообъекты, которые не привязаны к городу, например Орловые пруды (Лут.), название от фамилии собственников, которые проживали на территории п. Васильевка; пруд Жуковский (РВ) → бассейн реки Миус. Свое название пруд Жуковский получил от фамилии помещика, который когда-то жил на этой территории;

2) гидрообъекты, которые находятся в городе и за его границами, например реки Лугань (название гидронима в одних источниках происходит от слова «луг»: река имеет широкую луговую пойму [1]), Луганчик (внутренняя форма гидронима Луганчик связано с названием реки Лугань, мотивирующим гидронимов послужило имя существительное Лугань+ суффикс чик – Луганчик), Ольховка (название связано с

названием местной флоры, а именно свое наименование река получила от названия дерева – ольхи, вид данного дерева растет по ее берегам [4]);

3) гидрообъекты, находящиеся в городской черте:

1) река Лугань →ручей Ваушинский (находится на территории Луганского высшего военного авиационного училища штурманов название от населенного пункта (ВВАУШ), мотивирующим гидронима послужили: аббревиатура ВВАУШ с усечением основы «вауш» + суффикс инск(ий) → Ваушинский) → болото Залесное (Луг.) (находится за территорией восточных кварталов города Луганска, официального обозначения на карте не имеет. Местные жители называют его «Залесным», т.к. находится далеко за лесополосой);

2) река Ровенек (свободные казаки в 1708 г, спасаясь от царского гнева, пошли в малозаселённые земли так называемого «Дикого поля». Некоторые из них поселились в живописном месте, где протекала небольшая река, которую назвали именем покинутого родного местечка, - Ровенек) → пруд «Больничный» (недалеко от пруда находится больница) (Рв.)

3) водохранилище Ломоватское (от название шахты «Ломоватская») → пруд Холодный (название от температуры воды) (Ст.).

Необходимо отметить следующие закономерности: в городских наименованиях больше названий, которые характеризуют их месторасположение или близлежащие объекты, качество воды, а в названиях гидронимов, которые находятся за чертой города, преобладают наименования, связанные с именами местных жителей, проживавших там когда-то.

Соответственно, важно определить уточнить далее принципы собственно лингвистического описания для определения источников языковой и этнографической информации.

Один из путей собственно лингвистического описания предлагает Е.М. Черняховская. Это следующие схемы классификации:

1) по лексико-семантической структуре как средству вскрытия топонимообразовательного исторического процесса (например, река Северский Донец связано с географическим положением, а именно с расположением истоков. Это главная река нашего края, давшая название и играющая значительную роль в ее экономике. На языке скифов и аланов, некогда кочевавших по нашим степям, слово «дон» означает – текущая вода, река [4, с. 528]. Мотивирующим гидронима послужили: имя существительное Дон + уменьшительный суффикс –ец → Донец + прилагательное северский → Северский Донец)

2) по типу лексической или морфолого-словообразовательной топонимической деривации (например, река Луганчик: мотивирующим гидронимов послужило имя существительное Луг + ань+ суффикс чик → Луганчик).

Отмечая обоснованность каждой из этих классификаций в научном и методическом аспектах, Е. М. Черняховская акцентирует внимание на лингвокультурной составляющей описания структуры имен собственных – географических названий, т. к. «все собственные названия, с одной стороны, свидетельствуют об общем процессе и тенденциях развития каждого языка, как в прошлом, так и на современном этапе и, с другой, – им свойственны свои собственные закономерности развития, своя словообразовательная специфика» [4]. (Любимовка (РВ) – от наименования: «любимая дочь»: словообразовательная цепочка (люб – любим – любим-овк(а); суффиксальный способ образования существительного от основы прилагательного, восходящего к страдательному причастию настоящего времени).

А.В. Суперанская выделяет непосредственные топонимы, отражающие какие-либо черты, присущие объектам, и опосредованные, т. е. не дающие никакой географической характеристики объектов (например, мотивирующим гидронима послужило имя существительные (субстантивированное существительное) Ольховая + суффикс -к- → Ольховка). По степени номинации А. В. Суперанская делит топонимы на первичные, происходящие непосредственно от имен нарицательных, и непервичные, восходящие к другим собственным именам. Сочетая эти две характеристики, автор получает 4 типа названий, каждый из которых обладает своими отличительными особенностями и присваивается определенным категориям объектов (например, река Юськина – от прозвища казака Юхима (Юськи) – образовано по модели притяжательных прилагательных (Антр); р. Таловая – флоронемичного происхождения, образовано от названия растения тальник (тал-). Образовано слово Таловая по модели имен прилагательных: еловый, сосновый и т.д., затем произошел переход в имена существительные (субстантивация) (Сверд).

В заключение А.В. Суперанская отмечает, что подход к материалу, методы его изучения и глубина охвата будут различными в зависимости от принадлежности названий к определенным языкам, территориям, хронологическим отрезкам и т. д. Предложенный исследователем принцип классификации ономастического материала представляется нам наиболее исчерпывающим. Он позволяет выделить классификацию в связи с мотивированностью номинации и примыкающую к ней этимологическую классификацию.

В поддержку приведенной точки зрения уместно привести утверждение Н.В. Подольской о том, что «нельзя при языковом анализе топонимов уделять внимание какой-то одной стороне или преимущественно одной. Анализ топонима должен быть всесторонним и филигранным. От этого зависит качество классификации, верность этимологии, возможность правильного распределения топонимов по хронологическим слоям» [2].

Вместе с тем общим недостатком рассмотренных классификационных схем является, по словам Э.М. Мурзаева, «невозможность уложить в прокрустово ложе той или иной классификации все разнообразие миллионов географических названий. В хронологическом аспекте любая топонимическая система и архаична, и современна. В хронологическом она неповторима и обнаруживает черты сходства, так как основные отправные положения номинации и географических объектов оказываются одними и теми же или очень близкими во всем мире» [3].

Разделяя мнение о том, что создание единой классификации для всех географических названий какой-либо территории вряд ли возможно, считаем целесообразным провести исследование топонимов по двум направлениям. А именно - взяв за основу классификации гидронимов принципы словообразования и семантической морфологии. (При этом остальные принципы классифицирования включаются в систему как внутриположенные элементы, например названия, характеризующие знаковую специфику ландшафта (река Ломоватка, находится вне города, наименование реки от местности, по которой она течет) (Ст.) → водохранилище Ломоватское (от названия реки) → пруд Холодный (на дне пруда есть большое количество источников, из которых бьет холодная вода).

В работах отечественных учёных сложилась практика классифицирования топонимов, которые подразделяются на группы по мотивированности номинации. Наиболее емкой является классификация Н.К. Фролова. Он предложил классификацию славянского топонимического пространства, выделив десять тематических групп,

включающих то или иное количество мотивационных типов онимов и их систем: 1) названия, характеризующие знаковую специфику ландшафта; 2) наименования, отражающие объекты материальной и духовной культуры; 3) посессивные названия; 4) названия-ориентиры; 5) названия, характеризующие особые черты объекта (очертание, цвет, грунт и т.д.); 6) фитографические названия; 7) зоографические названия; 8) мемориальные названия; 9) окказиональные названия; 10) этимологически непрозрачные названия [4, с. 18].

Данную классификацию можно применить и к гидронимам Луганщины, так как обилие и разнообразие славянских гидронимов позволяют систематизировать и классифицировать их по происхождению, лексико-семантическому и словообразовательному принципам.

Предлагаем классифицировать гидронимы Луганщины по следующим девяти основным тематическим группам:

1) названия, характеризующие знаковую специфику ландшафта (пруды – Каменка (на дне камни), Краснянка (дно глиняное, поэтому цвет воды имеет красноватый оттенок), река Белая (дно реки из меловых пород);

2) наименования, отражающие объекты материальной и духовной культуры (пруд Свяченый (на праздники воду освящают церковнослужители), Церковный (неподалеку от пруда находится церковь).

3) посессивные (притяжательные) названия (пруды – Тарасово (от имени Тарас), Больничный (неподалеку от пруда находится больница), Крюковский (на краю улицы, которая имеет название крюк), Севериновский (от имени Северин), Софиевский (от имени София), Зирчанский (от фамилии Зирчанский); реки Лизина (от имени Лиза); Юськина (от прозвища казака Юхима (Юськи).

4) названия-ориентиры (пруды Центр села, Плотина, Водокачка);

5) названия, характеризующие особые физические особенности черты объекта (пруды Золотой (цвет воды), Гнилой (от качества воды), Куцая гора (рядом находятся небольшие возвышенности без характерной растительности), Желтые воды (от цвета воды); реки – Сухая (летом пересыхает).

6) фитографические названия (реки – Березовая (неподалеку от реки находится березовый бор), Камышеваха (местами на берегах реки растет камыш), Таловая (флоронемичного происхождения, образовано от названия растения тальник (тал-). Ореховая (на берегах растут деревья орехи); Лугань (протекает через луг); пруд – Зеленый гай (находится в живописном месте, где много зелени);

7) зоографические названия (пруды – Гусятник (неподалеку занимаются фермерским хозяйством), Утиный (размешен возле инкубатора);

8) окказиональные названия (пруд Воняковка (Воняк+а – Воняк+ суффикс овка), Птахопойка (Птах +о+ пой+ка);

9) этимологически непрозрачные названия, например река Таловая – флоронемичного происхождения, образовано от названия растения тальник (тал-).

В процессе анализа нам представилась возможность установить, что все названия водных объектов можно классифицировать, как такие, которые находятся в городской черте и за ее пределами. В процессе анализа было выделено следующие тематические группы: названия, характеризующие знаковую специфику ландшафта, наименования, отражающие объекты материальной и духовной культуры, посессивные названия, названия-ориентиры, названия, характеризующие особые физические особенности черты объекта, фитографические названия, зоографические названия, этимологически непрозрачные названия.

Таким образом, система классификация гидрообъектов по их особенностям номинации отвечает природе исследуемого материала, из чего можно сделать вывод, что названия водных объектов были мотивированы собственно гидронимическими названиями и названиями-апеллятивами со значениями сфер флоры, фауны, а также связаны с территорией их расположения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы / В.И. Абаев. – Москва, 1965.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – Москва, 1978. – 200 с.
3. Смолицкая Г.П. Из гидронимии среднего Поочья / Г.П. Смолицкая – Киев, 1971. – С. 117.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Москва, 1986. – Т. 1 – 573 с.
5. Франко З.Т. Граматична будова українських гідронімів / З.Т. Франко. – Киев, 1979. – 188 с.
6. Шевцова В.А. Топонімія Луганщини: Матеріали до спецкурсу / В.А. Шевцова. – Луганськ, 2000. – 74 с.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

7. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://bse.slovaronline.com
8. Ономастика [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/
9. Свободная энциклопедия Википедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Луг. – Луганск
Лут. – Лутугинский район
Р. – г. Ровеньки
С. – г. Стаханов
Сверд – г. Свердловск
СЛ – Славяносербский район

Поступила в редакцию 31.12.2019 г.

PRINCIPLES OF CLASSIFICATION OF LUHANSK REGION HYDRONYMS

Ju.P. Brajlovskaya

The article deals with classification of the hydronyms of Luhansk region. The classification is aimed at establishing common semantic features of proper and common names of water objects.

***Key words**:* hydronimics, hydronym, toponymy, onomastics, semantics.

Брайловская Юлия Павловна.
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет им. В. Даля».
Аспирант кафедры славянской филологии.
E-mail: brajlovskaya@mail.ru

Brajlovskaya Juliya Pavlovna.
Lugansk National University named after Vladimir Dahl.
Post-graduate student of Slavonic Philology Department.
E-mail: brajlovskaya@mail.ru

УДК 81'27:81'374

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОЛИТИКА–БИЛИНГВА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© 2020. *В.П. Джиоева*
Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова

Данная работа представляет собой изучение особенностей речевого портрета политического лидера в современном цифровом пространстве. Политическая коммуникация в эру развитых цифровых технологий носит интерактивный характер. Специфическими чертами интерактивной югоосетинской политической коммуникации являются: переключение языковых кодов; использование моно- и билингвальных коммуникативных стратегий, реализуемых при помощи разнообразных лексико-грамматических средств; когнитивные метафоры.

***Ключевые слова**:* цифровое пространство, переключение кодов, когнитивная метафора, речевой портрет.

Введение. Массовая коммуникация в современном мире претерпевает серьезные изменения под влиянием цифровых технологий. Эти изменения приводят к трансформации современной политической коммуникации. В основе процесса модификации политической коммуникации лежит такое явление, как дигитализация или цифровизация. Этот процесс предполагает трансформацию содержания политической коммуникации, как устной, так и письменной, в цифровой формат, привычный для современных компьютеров. Дигитализация представляет собой описание объекта, образа или аудио-визуального сигнала в виде дискретных форм этого сигнала при помощи различного оборудования [9]. В процессе цифровизации содержание коммуникации легко передается через любой электронный носитель. Интернет становится особой информационной и коммуникационной средой. В этой среде медийные продукты способны преодолевать любые преграды в силу специфики своего формата. Внедрение передовых цифровых технологий в процесс управления организацией медийных средств и политической коммуникацией привел к невиданному технологическому прогрессу в средствах массовой информации в течение последних нескольких десятилетий.

Данное исследование выполнено в русле когнитивно-дискурсивного направления лингвистики. В рамках дискурсивного анализа осуществляется определение и выявление особенностей осуществления коммуникации в конкретном контексте, что оказывает влияние на выбор языковых средств. Когнитивная лингвистика занимается конструированием когнитивных моделей, схем и фреймов (Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Л.О. Чернейко, Р. Лангакер, Л. Талми, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Н.Ф. Алефиренко, М.В. Никитин, А.А. Кибрик). В настоящей статье изучается коммуникация лидера государства и представителя политического института с гражданами государства. Антропоцентрический подход в лингвистике предполагает анализ влияния языковых средств на поведение и интеллект человека, взаимосвязи между языком и обществом, усиления роли человеческого фактора в языке.

Изучение проблем политического дискурса базируется на вопросах общей теории дискурса, разработанной зарубежными (J. Baudrillard, G. Brown, T.A. van Dijk, P. Sériot, M. Stubbs, G. Yule) и российскими лингвистами (Э.В. Будаев, В.Н. Базылев, В.З. Демьянков, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов).

Анализом особенностей интернет-коммуникации занимались такие исследователи, как: О.Б. Максимова, Е.Н. Галичкина, А.Б. Кутузов, М.Б. Бергельсон, М. Кастельс, К.В. Душенко, Н.И. Клушина и др. Политическую коммуникацию в виртуальной среде рассматривали: О.Н. Морозова, В.В. Пашинская, П.Н. Карпов, Е.И. Горошко, Л.В. Павлова и др.

Политика – публичная сфера, и любой процесс, происходящий в этой сфере, характеризуется особым наполнением. Политическая коммуникация в РЮО постепенно трансформировалась в силу технологического прогресса. Дигитализация приводит к реорганизации в сфере политики: происходит переосмысление позиций различных субъектов политики и их взаимоотношения. В процессе цифровизации меняются взаимоотношения «политический лидер – гражданин страны», превращая обмен информацией между ними в равноправное общение [11, с. 79–83].

Интернет служит не только одним из средств массовой информации, но и основой для формирования интерактивной модели политической коммуникации между представителем политической элиты и рядовыми гражданами: любой гражданин имеет возможность задать вопрос политику напрямую, вне зависимости от того, депутат это, член правительства или президент страны [3, с. 73–74]. Рано или поздно гражданин свой ответ получит непосредственно от политика. Это обозначает прямое включение граждан страны в процесс принятия политических решений путем высказывания своего видения политической ситуации в стране.

Цель данной статьи – выявить и описать особенности конструирования речевого портрета политического лидера (президента Республики Южная Осетия (далее РЮО)) в цифровом пространстве. *Задачи* исследования – для раскрытия некоторых ключевых аспектов речевого портрета президента РЮО собрать и проанализировать материал периодических печатных изданий, информационных интернет-ресурсов, социальных сетей и он-лайн сервисов. В этом контексте также проводится исследование специфических характеристик интерактивной модели коммуникации между политиками и гражданами страны.

Дигитализация. Участники интернет-коммуникации образуют совершенно новую социокультурную реальность, в которой происходит сокращение звеньев в речевой цепи за счет увеличения количества единиц в языковой системе, использование параграфемных средств коммуникации (варьирование шрифта, изобилие и варьирование пунктуационных знаков и т.д.), что продиктовано характеристиками условий интеракции в форме диалога или полилога с возможностью выразить индивидуальную ментальность каждого из его участников.

Во время Чемпионата Европы по футболу после получения новостей о победе югоосетинской команды президент РЮО сделал публикацию на своей странице в социальной сети Facebook:

*Сегодня болели за наших**!!!***
*Хорошая игра и **Ее Величество фортуна** была за нами**!!!))***
*Счет 2:1, Наша Победа**!!!))***
[https://www.facebook.com/skifruo/posts/1198224967017183].

В приведенном примере президент отождествляет себя со всеми болельщиками футбольной команды и демонстрирует близость к народу Осетии. Употребление олицетворения «*Ее Величество фортуна»* делает речь политика более выразительной. Речь дополнена особым использованием пунктуационных знаков, характерным для интернет-коммуникации.

Политик принимает активное участие в жизни общества, в судьбе каждого члена общества. Успех молодых талантливых людей поддерживается политиком очень эмоционально – использованием сочетания различных знаков препинания и иных символов клавиатуры для выражения отношения к данному событию:

*Еще одна приятная новость**!!!)***

*Наши дети выиграли первые матчи по шахматам в Ханты-Мансийске на 5-х Всемирных Играх соотечественников**!)***

*Наши поздравления**!)***

*Приятно**!)***

*Очень**!)*** [https://www.facebook.com/skifruo/posts/1198713436968336].

Приведенный фрагмент демонстрирует **стратегию единения** с народом РЮО в политическом дискурсе президента, реализуемую посредством тактики солидаризации с молодым поколением.

Будучи интерактивным политиком, А.И. Бибилов делится с гражданами страны не только деятельностью на политическом поприще, но и некоторыми личными переживаниями, личными фотографиями. Политик опубликовал фотографию, полученную от бывших сослуживцев в память о временах, когда он только начинал военную карьеру, и подписал ее, используя нестандартные комбинации знаков препинания и пробелов для придания эмоциональности высказыванию:

*Поприветствовали из девяностых годов**!!!))***

*Будучи курсантом, проходил стажировку на должности командира взвода у вновь поступивших курсантов**!)***

*Нашли, ведь, передали**!)***

*Многие из них с большими звёздами уже**!)***

*Спасибо**!!)***

*Приятно очень**!)*** [https://www.facebook.com/skifruo/posts/1202443606595319].

Пользователи Сети начали добавлять комментарии и получали ответ от президента:

Пользователь 1: *У вас, Анатолий Ильич, тоже не маленькие звезды**!!!** Вы лучше и выше всех звезд**!!!** **Нæниз у дæ мæгуыр æмæ фæллад адæмæн,шæмæй сæ размæ кæнай шарды**!!!**Сæрыстыр дæ дæн мæ** земляк* «Желаю Вам здоровья, чтобы стоять на страже интересов Вашего бедного, измученного народа !!! Горжусь Вами, мой земляк»*!!!*

Пользователь 2: *Анатолий Ильич тот, который в середине в усах – это вы?*

А.Б.: *Да, он самый**!))***

Пользователь 2: *Прямо по центру**?))***

А.Б.: *Именно**!))***

Пользователь 3:*Темная шевелюра бросается в глаза.*

А.Б.: *Да**!)))***

Пользователь 3:*Гордимся очень**!!!***

А.Б.: *Спасибо**!)***

Пользователь 4: *Ильич, а какой факультет?*

А.Б.: ***Инж!))*** [https://www.facebook.com/skifruo/posts/1202443606595319].

В рассмотренном фрагменте примечательно переключение кодов русского и осетинского языков в речи одного из пользователей Сети. Президент, вступая в полилог с пользователями Сети, прибегает к особой пунктуации, а также редуцированной форме лексемы *«инженер»*.

А.И. Бибилов всегда готов общаться напрямую с гражданами и решать их насущные проблемы. Обсуждая вопрос распределения квартир из многоквартирных

домов, построенных в рамках государственной программы по обеспечению жильем нуждающихся слоев населения, политик изъявляет желание разобраться в вопросах, вызывающих опасения граждан, напрямую. Для выражения отношения к собеседнику и передачи информации о своем социальном статусе политик прибегает к присущему его сетевой коммуникации особому раскладу знаков препинания:

Пользователь: *Ни при одной власти мои жизненные условия не улучшились**...**везде ходила,обращалась даже в **личку** Президенту...но он даже не прочитал.*
*И даже вот сейчас в списке раздачи квартир такие,у которых по 2 квартиры**..** если я их знаю,то они не знают,да?*

А.Б.: *Кто в списке с двумя домами?*

Я же прошу помочь нам, чтобы провели честное распределение!

Если Вы нуждаетесь, то получите, учитывая Ваш порядковый номер! **OksanaLalieva,** *очень буду рад**!)***

*Спасибо**!)*** [https://www.facebook.com/skifruo/posts/1197858413720505].

Интерактивный характер политической коммуникации в республике и в дискурсе президента, в частности, проявляется в дискуссиях на просторах интернета. Один из югоосетинских политологов, активный пользователь соцсетей, просит руководство республики разрешить проблему водоснабжения:

Дорогая моя власть. Обращаюсь к тебе с неописуемым чувством страшного раздражения и злости! <....>Почему нет воды????!!!!! Я каждый день пребываю в стрессе. До каких пор эта пытка продолжится? Ни одного внятного объяснения я ещё не услышала!!! Кто должен ответить за это безобразие???

Президент отвечает на обращение пользователя:

Дина Алборова*, поэтому и делаем водовод Ванат-Цхинвал!*

Это называется решение проблемы!

Ваше возмущение абсолютно понятное, это вина власти, что до сих пор, особенно за последние два года, власть не смогла решить эту проблему!

Но в этом году она решится!

Спасибо за понимание и терпение!

Власть тоже живет в этом городе, в этих же условиях, в том числе и их семьи, равно

как и Ваши! [https://www.facebook.com/skifruo/posts/1186375478202132].

Следует выделить готовность политика выслушать недовольство граждан и отнестись с пониманием к их проблемам. Оратор использует восклицательный знак для передачи паралингвистических составляющих интеракции в Сети, таких как интонация и темп речи, с целью выделения значимой информации. Примечательно также употребление преимущественно простых предложений и обращения.

А.И. Бибилов всегда поддерживает связь с согражданами и с готовностью участвует в их жизни, реализуя коммуникативную стратегию единения с народом путем открытого диалога в социальных сетях. К примеру, политик поздравил молодую певицу, студентку Государственного университета, с победой в международном песенном конкурсе:

Поздравляю нашу Любу Джиоеву с Победой!!!))
Ты умничка и ты молодец!!!))
Гордимся!!!))

Студентка благодарит президента, с использованием эмотиконов, присущих языку интернет-коммуникации:

Спасибо, Анатолий Ильич!
Это все благодаря нашему великому, сплочённому народу) работали , как команда ⍰

P.s особенно ЮОГУ ❤

Мы гордимся тобой, моя хорошая!!!))
[https://www.facebook.com/skifruo/posts/1188855364620810].

Когда весь мир был в скорби из-за случившегося в Соборе Парижской Богоматери, президент РЮО сделал публикацию на своей странице на Facebook. Оратор реализует эмоции путем употребления эмоционально окрашенных слов и выражений и оборотов, несущих значимостные характеристики «*до боли обожгло сердца», «принадлежность к общечеловеческой цивилизации», «памятнику мирового масштаба»:*

Пламя горящего собора Парижской Богоматери ***до боли обожгло сердца*** *всех людей, ощущающих свою* ***принадлежность к общечеловеческой цивилизации****. Пожар, нанесший страшный ущерб этому* ***памятнику мирового масштаба****, вновь напомнил, сколь уязвимо и сколь значимо для всех нас культурно-историческое наследие человечества. Южная Осетия сопереживает народу Франции и надеется, что люди вновь смогут увидеть Нотр Дам таким, каким он вызывал восхищение многих десятков поколений.*

Пользователи добавили комментарии, и общение продолжилось в форме полилога:

Пользователь 1: *Вряд ли он ещё будет таким же! Там важна была ещё и энергетика!*

А.Б.: *Может для будущих поколений он будет таким же!*

Пользователь 1: Анатолий Бибилов *maybe, maybe*

Пользователь 2: *Да все Восстановят* ***,****Осетины так вздыхают будто это наша родина****...*** *вон голодные босые и в самых нищих республиках живем****...***

А.Б.: *С чего ты взял, что живем в самых нищих Республиках и как это соотносится с Собором!? Знатоки все****, ё-моё!))***

А.Б.: Зураб Кабисов, это общечеловеческие ценности и не скорбить невозможно!

…*это говорит о высокой культуре и благородстве народа!!!*
[https://www.facebook.com/skifruo/posts/1166429913530022].

В речи президента можно выделить смешение стилей, от официального к разговорному «*ё-моё»,* что подчеркивает эмоциональное состояние оратора.

Морфологические особенности оформления русскоязычных заимствований*.* По мнению исследователей Ю.Н. Эбзеевой и Е.В. Тутовой, в обществе с преобладанием двуязычных граждан билингвы, как правило, намеренно прибегают к переключению кодов в зависимости от условий интеракции: смены кода служат средством актуализации коммуникативной стратегии. Еще одним фактором переключения кодов считается принцип экономии речевых усилий, «культурная непереводимость» некоторых единиц языка [14].

На итоговой пресс-конференции президент Бибилов прибегает к переключению языковых кодов, отвечая на вопросы о возможности введения ипотечного кредитования в республике, а также о благоустройстве спальных районов города. В речи политика граница кодов зачастую проходит внутри словосочетания или предложения таким образом, что глагол принадлежит к одному языку (с соблюдением морфологических характеристик), определение к одному языку, определяемое – другому и т.п. [6, с. 54–55]:

Уыцы фарстæн ***соцсеть****ты дзуапп раттон, фæлæ ма йæ гъеныр дæр зæгъын: «Уый тыххæй нæ хъæуы* ***закъон****. Гъеныр тæккæ* ***Минюст*** *кусы уыцы* ***закъон****ыл æмæ* ***февраль****ы мæймæ* ***закъон*** *цæттæ уыдзæн<…>*

Мах нæ хъуыды кæнæм, æмæ нын ***классически ипотека*** *уыдзæн.* ***Классически ипотека*** *у – мах* ***банг****ы исæм* ***ссуда****. Уыцы* ***ссуда****йæ æлхæнæм хæдзар æмæ йæ цъусгай*

фидæм<…>. Мах фæнды, цæмæй ***ипотека*** *уа баст* ***бан****гимæ нæ, фæлæ Хицауадимæ<…>.*– «На этот вопрос я уже ответил в **социальных сетях**, но могу повторить: Для этого нам нужен **закон**. **Министерство Юстиции** сейчас как раз занимается этим **законопроектом** и к **февралю** законопроект должен быть подготовлен<…>. Мы не думаем о введении классической ипотеки. Классическая **ипотека** предполагает взятие ссуды в банке. На взятые деньги приобретается жилье, и деньги выплачиваются по частям<...>. Мы хотим, чтобы ипотечное кредитование осуществлялось не через **банк**, а через Правительство<…>».

Ацы аз Мамсуровы уынгы ***полностью*** *фесты* ***двор****.* ***Двор****тæн нын* ***отдельни программа*** *нæй, хъыгагæн. Горæты фæрæзты куы ба****план*** *байдайæм, уæд дзы уырдæм дæр цыдæр* ***сумма*** *баппарæм, æмæ уымæй аразæм. Фондз уал дзы* ***сремонт*** *кодтой горæты æмæ æз афтæ æнхъæлын æмæ уыцы* ***корпус****тæм дæр схæццæ уыдзыстæм.* – «В этом году полностью завершилось обустройство двора на улице Мамсурова. К сожалению, у нас не предусмотрена отдельная программа для обустройства дворов. Когда мы распределяем финансовые средства, предназначенные для нужд города, какую-то часть мы тратим на обустройство дворов. Мы уже обустроили пять дворов на эти средства, и я думаю, мы дойдем и до территорий упомянутых Вами корпусов».

Мягкий знак на конце заимствованных слов часто сохраняется перед осетинским аффиксом: ***соцсеть****ты* «в соцсетях» (суффикс мн. числа –***т*** и окончание родительного падежа ***-ы***). Заимствованные слова пишутся так, как закрепились в произношении ***закъон*** (русский звук **[к]** обозначается в осетинском языке диграфом **[къ]**). Падежные окончания прибавляются уже к ассимилированной форме заимствованного слова: ***закъон****ыл* «о законе». В некоторых заимствованиях мягкий знак в процессе прибавления падежного окончания опускается, и примыкание происходит согласно правилам фонетики осетинского языка: ***февраль****ы* «в феврале». Грамматическая интерференция имеет место в случае использования заимствованных прилагательных в форме мужского рода вне зависимости от родовой принадлежности исходной лексемы, причем в окончании заимствованной единицы происходит фонетическая редукция ***и – йй: классическ****и* ***ипотека*** «классическая ипотека». При переключении кодов часто заимствованное слово изменяется по законам осетинского языка (по числам, падежам, видам) без изменения основы: ***ссуда****йæ* «на ссуду», ***корпус****тæм* «до корпусов»; ***сремонт*** *(кæнын)* «отремонтировать», *ба****план*** *(кæнын)* «спланировать» (глагольные приставки ***с-*** и ***ба-*** придают значение совершенного вида). Согласный звук **[к]** часто при переключении кодов осетинского и русского языков переходит в парный звук **[г]** ***бан****г* «банк» [https://www.facebook.com/rsogtrkir/videos/2728608220565522/].

Политик принимает активное участие в жизни рядовых граждан республики. Отличительной чертой его персонального политического дискурса является интерактивная модель политической коммуникации. Узнав о преждевременной кончине одного из патриотов Осетии, А.И. Бибилов выражает сожаление на своей странице в Фейсбуке:

Рухсаг у,ме ‘фсымæр!!!Ныххатырнынкæн, кæдмаистынæ бон уыдæмæйæнæсарызтам де ‘нæниздзинадæн!!! – «Покойся с миром, брат мой!!! Прости, если мы могли еще что-либо сделать, для того, чтобы ты выздоровел и не сделали!!!» [https://www.facebook.com/100004890728045/posts/1373263999513278/].

Когнитивная метафора. М. Кастельс характеризует культуру «реальной виртуальности», как систему, в которой реальное существование людей полностью погружено в условия виртуальных образов, в мир выдуманных принципов, где символы представляют собой не просто метафоры, а реальный опыт людей [8, с. 191].

Прибывшие в Южную Осетию сопредседатели Женевских дискуссий встретились с президентом республики. Темой обсуждения стала ситуация на границе, где выставленный в августе блокпост грузинской полиции стал причиной обострения обстановки. Президент Бибилов сравнивает ситуацию в республике с физиологическими процессами в организме. Политик использует профессиональную метафору *врач* в отношении сопредседателей, морбиальную метафору *заноза* («morbus» с латинского переводится как «болезнь», т. е. нарушение нормальной жизнедеятельности организма под влиянием вредных факторов), с которой у президента ассоциируется незаконно выставленный пост вблизи югоосетинской границы, физиологическую метафору *тело,* которым он, метафорически переосмысляя, называет свою республику:

Когда в ногу человека впивается ***заноза****, то болит все его тело. Чтобы облегчить боль, надо удалить эту* ***занозу****. Представим, что* ***тело*** *– это государство, которое думает о том, чтобы избавиться от занозы и решить проблему. Это пост – та самая* ***заноза****, которая заставляет болеть все наше* ***тело****, то есть наше государство. И проблема касается каждой его части. Иногда для того, чтобы избавиться от* ***боли****, требуется хирургическое вмешательство и помощь врача. Этим* ***враче****м, я считаю, являетесь вы, и вы можете решить проблему, о которой мы говорим. Это в вашей компетенции, можно сказать это ваши прямые обязательства – выполнить эту задачу или помочь ее выполнить грузинской стороне.* [https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20191119/9615902/Bibilov-predlozhil-mezhdunarodnym-posrednikam-udalit-zanozu-i-reshit-krizis-na-granitse-.html].

Заключение*.* 1) В Сети языковая личность адаптируется к общепринятым приемам, нормам и стратегиям общения. К характерным особенностям осуществления югоосетинской политической коммуникации в интернет-среде относятся: употребление аббревиатур, редуцированных форм и жаргонизмов, активное использование параграфемных средств в целях эмоционализации общения, отступление от норм орфографии и пунктуации, организация высказываний по правилам разговорного языка, использование эллиптических конструкций. Данные особенности обусловлены особенностями интерактивной модели политической коммуникации в республике, а также принципами экономии языковых средств и речемыслительных усилий. 2) Другая особенность сетевой политической коммуникации связана с тем, что политик прибегает к переключению языковых кодов при осуществлении коммуникации в различных форматах: пресс-конференции, устной неподготовленной речи. 3) Использование когнитивных метафор для репрезентации политической действительности в республике в ситуации противостояния между руководством РЮО и представителями соседней Республики Грузия является еще одной характерной чертой политической интернет-коммуникации в РЮО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33

2. Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации (Языковое поведение в сети Интернет) / М.Б. Бергельсон // Вестник МГУ. Сер. 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 1.

3. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: дис. ... к.ф.н. – Астрахань, 2001.

4. Гусейнов Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей / Г. Гусейнов // Вестник культурологии. – 2001. – №3. – Режим доступа: http: https://cyberleninka.ru/article/n/g-guseynov-zametki-k-antropologii-russkogo-interneta-osobennosti-yazyka-i-literatury-setevyh-lyudey (дата обращения: 21.02.2020).

5. Душенко К.В. Словарь современных цитат / К.В. Душенко. – М., 1997. – № 33. – С. 400-402.
6. Елоева Ф.А. Проблемы языковой интерференции / Ф.А. Елоева, А.Ю. Русаков. – Л.: ЛГУ, 1990.
7. Карасик В.И. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие для студентов вузов / В.И. Карасик. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 220 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М., 2000.
9. Клушина Н.И. Медиастилистика и эмотивная лингвистика / Н.И. Клушина // Известия ВГПУ. – 2019. – №1(134). Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mediastilistika-i-emotivnaya-lingvistika (дата обращения: 29.02.2020).
10. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С.6–17.
11. Кутузов А.Б. Коммуникативные особенности дискурса компьютерных сетевых форумов / А.Б. Кутузов // Третьи Лазаревские чтения: Традиционная культура сегодня: теория и практика: Мат-лы Всерос. научн. конф. с междунар. участием. – Челябинск, 2006.
12. Максимова О.Б. Язык в интернет-коммуникации: общие закономерности и национально-культурные особенности (на материале русского и английского языков) / О.Б. Максимова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – №3. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-v-internet-kommunikatsii-obschie-zakonomernosti-i-natsionalno-kulturnye-osobennosti-na-materiale-russkogo-i-angliyskogo-yazykov (дата обращения: 21.02.2020).
13. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Воронеж: ИСТОКИ, 2007. – 250 с.
14. Эбзеева Ю.Н. Проблема переключения кодов и языковые контакты / Ю.Н. Эбзеева, Е.В. Тутова // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2012. – №3. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pereklyucheniya-kodov-i-yazykovye-kontakty (дата обращения: 21.02.2020).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. https://www.facebook.com/skifruo/posts/1198224967017183
2. https://www.facebook.com/skifruo/posts/1198713436968336
3. https://www.facebook.com/skifruo/posts/1202443606595319
4. https://www.facebook.com/skifruo/posts/1197858413720505
5. https://www.facebook.com/skifruo/posts/1186375478202132
6. https://www.facebook.com/skifruo/posts/1188855364620810
7. https://www.facebook.com/skifruo/posts/1166429913530022
8. https://www.facebook.com/rsogtrkir/videos/2728608220565522/
9. https://www.facebook.com/100004890728045/posts/1373263999513278/
10. https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20191119/9615902/Bibilov-predlozhil-mezhdunarodnym-posrednikam-udalit-zanozu-i-reshit-krizis-na-granitse-.html

Поступила в редакцию 28.02.2020 г.

SPEECH PORTRAIT OF A BILINGUAL POLITICIAN IN DIGITAL SPACE

V. P. Dzhioeva

The paper deals with peculiarities of speech portrait of a political leader in digital space. Political communication in the era of modern digital technologies is interactive. The South Ossetian interactive political communication is characterized by language code-switching, the use of mono- and bilingual communicative strategies, expressed by various lexical-grammatical means, cognitive metaphors.

***Key words**:* digital space, language code-switching, cognitive metaphor, speech portrait.

Джиоева Варвилина Павловна.
Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова.
Старший преподаватель кафедры английского языка.
E-mail: jio.varvilina@mail.ru

Dzhioeva Varvilina Pavlovna.
South Ossetia State University named after A.A. Tibilov.
Senior teacher of the English Language Department.
E-mail: jio.varvilina@mail.ru

УДК 821.161.1

ТЕМА ЛЮБВИ-СТРАДАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ М.А. ЛОХВИЦКОЙ «В ЛУЧАХ ВОСТОЧНЫХ ЗВЕЗД»

© 2020. *Т.А. Дьяченко*
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Статья посвящена теме любви-страдания в поэтическом цикле Мирры Александровны Лохвицкой «В лучах восточных звезд». Особое внимание уделяется центральному образу стихотворений – Вечно-мужественному «черноокому принцу», красавцу с восточными глазами, который одновременно реален и ирреален. Его дуалистическая природа воспринимается различно: с одной стороны, он манит красотой, силой, властностью, с другой – пугает жестокостью и деспотизмом. В статье делается вывод о том, что любовная тема в произведениях Лохвицкой развивается посредством метафорического изображения внешности возлюбленного лирической героини, а экспрессивный синтаксис помогает выражению лирического переживания и придает динамику сюжету.

Ключевые слова: образ, мотив, любовная тема, поэтический цикл, ориентальная символика.

Введение. Лирике М.А. Лохвицкой с ее поклонением страданию присуща декадентская эстетика, особенно это касается стихотворений, сюжет которых развивается на фоне экзотики Востока. К примеру, балладу «Полуденные чары» можно трактовать как аллегорию декадентской приятной смерти-освобождения, а связь образа возлюбленного лирической героини со всадником Апокалипсиса считать неслучайной: он зовет ее в край роз, она остается ради ребенка («*И слышалось, будто сквозь облако грез: / "Умчимся со мною в край солнца и роз!" / Но острым кинжалом мне в сердце проник / Ребенка нежданно раздавшийся крик*» [4, с. 172]).

Главная тема лирики Лохвицкой – любовь. Интерес к проблеме счастья, возможности счастья, стремление найти «разгадку бытия» заставили ее остановиться на этой теме. Одни видят в этом единственном содержании ее поэзии достоинство, утверждая, что «однообразие Лохвицкой – это однообразие Айвазовского» [3, с. 1388], другие иронизируют, что она «как Паганини, умеет виртуозно играть на одной струне» [1, с. 18].

Замкнутость на любовной теме роднит лирику Лохвицкой с ориентальным стихотворчеством, в частности персидским, в котором тема любви-страдания является основной для многих поэтов:

در آرزوی بوس و کنارت مردم
وز حسرت لعل آبدارت مردم
قصه نکنم در از کوتاه کنم
بازآ بازآ کز انتظارت مردم

(Рубаи Хафиза Ширази, [5, с. 57])

В мечтах о твоих объятьях и поцелуях я умер,
От разочарования и досады твоих губ я умер,
Рассказывать не буду больше, сокращу –
Вернись! Вернись! В ожидании тебя я умер.

(Подстрочный перевод с персидского мой – Т.Д.)

Основная часть. Тема сладострастной любви-страдания – главная в произведениях из цикла «В лучах восточных звезд»:

Я хочу быть любимой тобой
Не для знойного сладкого сна,
Но – чтоб связаны с вечной судьбой
Были наши навек имена.

[4, с. 224]

Ценность вечной, а значит настоящей, по мнению поэтессы, любви утверждается благодаря контрасту между плотским чувством, обозначаемым эпитетами *знойный / сладкий сон*, и космическим, божественным пониманием любви, которое выражается через эпитет *вечная судьба.*

Этот мир так отравлен людьми,
Эта жизнь так скучна и темна...
О, пойми, – о, пойми, – о, пойми,
В целом свете всегда я одна.

Я не знаю, где правда, где ложь,
Я затеряна в мертвой глуши.
Что мне жизнь, если ты оттолкнешь
Этот крик наболевшей души?

[4, с. 224]

Лирическая героиня возводит в абсолют свои чувства к возлюбленному, его «спасительному» образу противопоставляется образ мира, который «отравлен людьми», а жизнь и без того скучная и темная окончательно обесценивается, если нет взаимности (*«Что мне жизнь, если ты оттолкнешь / Этот крик наболевшей души?»).* Эмоциональному нагнетанию способствуют анафора («***Этот*** *мир…» / «****Эта*** *жизнь…» / «****Я*** *не знаю…» / «****Я*** *затеряна…»*) и лексический повтор («*О, пойми, – о, пойми, – о, пойми!»*).

Пусть другие бросают цветы
И мешают их с прахом земным,
Но не ты, – но не ты, – но не ты!
О властитель над сердцем моим.

[4, с. 224]

В первой строке четвертого катрена флорообраз цветов антропоморфизируется по женскому вектору и соотносится с влюбленными женщинами, чувства которых отвергают «другие» и «мешают их с прахом земным», но только не возлюбленный лирической героини. Она взывает к нему, и ее обращение вновь заключается в форму повтора – *«Но не ты, – но не ты, – но не ты!»*, что увеличивает эмоциональное переживание. Перифраза *властитель над сердцем моим* подчеркивает сильную чувственную привязанность героини. Лексема *властитель (властелин)* часто используется Лохвицкой в произведениях, ориентированных на восточную тему, и демонстрирует положение восточной женщины, ее покорность и почитание мужчины (*«Привет тебе, путник! В шатер мой войди, / Останься, коль долог твой путь впереди; <…> / Я мех твой наполню струею вина... / Властитель уехал, – войди, – я одна...»* [4, с. 171]), однако встречается и в тех, где пространство поэтического текста находится вне ориентальной локальности.

Тема смиреной любви и рабской женской покорности отчетливо слышна в пятом катрене первого стихотворения цикла «В лучах восточных звезд» и продолжается в последующих. Становится понятным, почему Лохвицкая фоном для сюжетов большинства своих произведений выбирает пространство ориентальной символики (само название поэтического цикла отсылает к нему): на манер невольниц в гареме, ожидающих милости и внимания от их повелителя, лирическая героиня Лохвицкой терпеливо ждет любви от своего «черноокого принца»:

И навеки я буду твоей,
Буду кроткой, покорной рабой,
Без упреков, без слез, без затей.
Я хочу быть любимой тобой.

[4, с. 224]

Эпитеты *кроткая и покорная раба* подчеркивает патриархальность взглядов лирической героини. Скорее всего, здесь нашли отражение стереотипные представления Лохвицкой о положении женщины на Востоке: бесправное, полностью подчиненное мужчине, и только лишь терпением и покорностью можно «заслужить» его расположение. Значение эпитета усиливает лексема *навеки,* а также повтор «***Без** упреков, **без** слез, **без** затей*». Строка-рефрен «*Я хочу быть любимой тобой*» начинает лирическое повествование и завершает его, содержа в себе законченную поэтическую мысль.

Возлюбленный лирической героини Лохвицкой – это Вечно- мужественный «черноокий принц», красавец с восточными глазами, который одновременно реален и ирреален, «он – никто, он – кто-то; единственный и множественный» [2, с. 772]. Его дуалистическая природа воспринимается различно: с одной стороны, он манит красотой, силой, властностью, с другой – пугает жестокостью и деспотизмом:

О божество мое с восточными очами,
Мой деспот, мой палач, взгляни, как я слаба!
Ты видишь – я горжусь позорными цепями,
Безвольная и жалкая раба.

Бледнея, как цветок, склонившийся над бездной,
Колеблясь, как тростник над омутом реки,
Больная дремлет мысль, покинув мир надзвездный,
В предчувствии страданья и тоски.

Бегут часы, бегут. И борются над нами,
И вьются, и скользят без шума и следа, –
О божество мое с восточными очами, –
Два призрака: *Навек* и *Никогда*.

[4, с. 224-225]

Второе стихотворение из цикла «В лучах восточных звезд» отмечено двухчастным строением. В каждом катрене по несколько антитетичных образов на разных уровнях текста: оксюмороны (*божество – деспот*, *божество – палач*), противопоставления (*божество – раба*, *горжусь – позорными*), парность (*навек – никогда*). С помощью антитезы поэтесса вновь подчеркивает двоякую природу властителя над сердцем лирической героини.

Оксюморонная фраза *я горжусь позорными цепями* возвращает к теме сладострастной любви-страдания, а эпитеты *безвольная и жалкая раба* усиливают не только лирическое переживание, но и контраст между образами героини и ее возлюбленным: он становится недосягаемым «божеством».

Второй катрен демонстрирует статические образы: *склонившийся над бездной цветок*, *тростник над омутом реки*, *больная дремлющая мысль*. Фитонимы антропоморфизируются (проводится параллель между склоненностью цветка, тростника и безвольной рабы), передают предчувствие страдания лирической героини и, возможно, скорой смерти.

В стихотворении Лохвицкая развивает теорию «любви за гробом», которая уже намечалась в ее ранней поэзии, однако наиболее ярко проявилась в позднем творчестве. Так, в третьем катрене поэтесса отходит от темы любви-страдания и обращается к теме смерти, после которой наконец наступит воссоединение с возлюбленным. Для четверостишия показательна динамика, создаваемая глаголами: *бегут, борются, вьются, скользят*. Примечательно, что Лохвицкая рисует образы статичными, когда речь идет о любви в земной жизни, и динамичными, если – в «мире надзвездном».

Особый интерес вызывает строка «Два призрака: *Навек* и *Никогда*», где последние две лексемы выделены Лохвицкой графически, а значит поэтесса намеренно привлекает к ним внимание читателя.

«Навек и Никогда» – темпоральные наречия застывшего времени, семантика которых поддерживает двухчастную структуру произведения. Вероятно, Лохвицкая проводит параллель с названием уже известной на время написания стихотворения

скульптурой «Toujours et jamais» («Навеки и никогда») французского мастера Пьера Эбера. Скульптура изображает двух влюбленных, навсегда обретших друг друга в смерти, и как нельзя лучше иллюстрирует теорию «любви за гробом» Лохвицкой. Обращение к предмету изобразительного искусства в контексте поэтического произведения (экфрасис) еще раз свидетельствует о том, что Лохвицкая является предтечей, «открывшей» путь, по которому в дальнейшем пойдут поэты «нового поколения».

В третьем стихотворении цикла «В лучах восточных звезд» вновь взаимодействую два аспекта темы любви поэзии Лохвицкой – любовь-страдание и любовь после смерти.

Нет, не совсем несчастна я, – о нет!
За все, за все, – за гордость обладанья
Венцом из ярких звезд, – за целый свет
Не отдала бы я мои страданья.
Нет, не совсем несчастна я, поверь:
Лишь захочу – и рушатся преграды,
И в странный мир мучительной отрады
Откроется таинственная дверь.
Пусть я томлюсь и плачу от томленья,
Пусть я больна от страсти и любви,
Но ты меня несчастной не зови,
Я счастлива в безумии забвенья!
[4, с. 225]

Внимание читателя акцентируется на строке-рефрене *«Нет, не совсем несчастна я»*, которая в сочетании с фразой *«Лишь захочу – и рушатся преграды»* относит к декадентской эстетике приятной смерти-освобождения.

Тема сладострастного страдания от неразделенной любви развивается с помощью гиперболизации: лирическая героиня не променяет свои мучения ни *«за гордость обладанья венцом из ярких звезд», ни «за целый свет»*.

Эмоциональный тон ощущений героини от любовного томления поддерживают оксюмороны *мучительная отрада* и *счастлива в безумии.* Лексический повтор *«За все, за все»* и анафора *«Пусть я томлюсь» / «Пусть я больна»* отражают импульс лирического переживания.

Во второй части стихотворения – характерный для поэзии Лохвицкой мистицизм, проявляющийся в мотиве сна-смерти.

Не вечен день; я не всегда одна.
Оно блеснет, желанное мгновенье,
Блаженная настанет тишина, –
И будет мрак. И будет царство сна.
И вот, клубясь, задвигаются тени…
То будет ли в мечтаньях иль во сне,
Но ты придешь, но ты придешь ко мне,
Чтоб целовать мои колени,
Чтоб замирать в блаженной тишине.
[4, с. 225]

Поэзия мистического чувства оказывается близкой Лохвицкой, она использует эпитеты и метафоры *желанное мгновенье*, *блаженная тишина*, *царство сна* и др. для создания образа сновидения-смерти, в котором доступно все невозможное в жизни, в том числе и близость к возлюбленному.

Лирический импульс усиливается посредством экспрессивного синтаксиса: парцелляция *«И будет мрак. И будет царство сна. И вот, клубясь, задвигаются*

тени…» реализует выразительную функцию, передавая эмоциональное состояние героини. Лексический повтор «*Но ты придешь, но ты придешь ко мне»* и единоначалие «*Чтоб целовать <...> / Чтоб замирать <...>»* придают сюжету динамичность.

Эстетизация мистического сознания происходит в заключительной части стихотворения. Поэтесса в возвышенном ключе описывает попытку проникнуть в безвременное пространство – сеанс спиритизма, без увлечения которым немыслим Серебряный век:

О, пусть несет мне грустный час рассвета
Все униженья мстительного дня.
Пусть ни единый луч привета
В твоих очах не вспыхнет для меня. –
Воскреснет мир колеблющихся теней,
И призрак твой из сонма привидений
Я вызову, тоскуя и любя,
Чтоб выпить чашу горьких наслаждений
Вдвоем с тобой, далеко от тебя.

[4, с. 225]

Эмоциональному нагнетанию и усилению мистического настроения способствует нанизывание изобразительно-выразительной лексики с негативной коннотацией*: грустный час рассвета*, *униженья мстительного дня*, *ни единый луч привета*. Параллельное сосуществование реального и потустороннего миров в сознании лирической героини подчеркивается антитетичным образом *горького наслаждения* и оксюморонной фразой «*Вдвоем с тобой, далеко от тебя»*.

В третьем стихотворении цикла Лохвицкая отходит от описания «черноокого принца»: его присутствие ощущается лишь посредством двух императивов в первой части (*поверь*, *не зови*), повторяющейся глагольной формы *(ты) придешь* во второй, образа очей, в которых «не вспыхнет ни единый луч привета» и двух личных местоимений в косвенном падеже – в третьей. Таким образом, поэтесса делает акцент не на воссоздании образа красавца с восточными глазами, а на душевном страдании лирической героини.

В четвертом стихотворении из цикла «В лучах восточных звезд» Лохвицкая вновь обращается к описанию ирреального образа искусителя с «властительными» глазами, сливая воедино поэзию любви с поэзией природы:

Зимнее солнце свершило серебряный путь.
Счастлив – кто может на милой груди отдохнуть.
Звезды по снегу рассыпали свет голубой.
Счастлив – кто будет с тобой.

Месяц, бледнея, ревниво взглянул и угас.
Счастлив – кто дремлет под взором властительных глаз.
Если томиться я буду и плакать во сне,
Вспомнишь ли ты обо мне?

Полночь безмолвна, и Млечный раскинулся Путь.
Счастлив – кто может в любимые очи взглянуть,
Глубже взглянуть, и отдаться их властной судьбе.
Счастлив – кто близок тебе.

[4, с. 226]

Любовная тема развивается посредством метафорического изображения внешности возлюбленного лирической героини – *взор властительных глаз*, *любимые очи с властной судьбой*.

Перенос антропоморфизации природы в сферу интимного привносит элемент мистицизма в описание отношений между влюбленными: солнце садится / возлюбленная «черноокого» принца опускается на его грудь; месяц ревниво смотрит / лирическая героиня ревнует «красавца с восточными очами» к другой («*Если томиться я буду и плакать во сне, / Вспомнишь ли ты обо мне?*»). Здесь же вводится ориентальный мотив неги и любовного томления (*отдохнуть на милой груди, дремать под взором властительных глаз, томиться и плакать во сне*), часто встречающийся в произведениях Лохвицкой.

Экспрессивный синтаксис – парцелляция – помогает выражению лирического переживания и придает динамику сюжету; строка *«Счастлив – кто…»* помещается в сильную позицию текста – конец катрена, или же парцелляционно отделяется от основного текста и таким образом наиболее сильно в идейно-эмоциональном плане воздействует на читателя.

Заключение. Стихотворный цикл «В лучах восточных звезд» – еще один пример утонченной поэзии М.А. Лохвицкой с доминирующей темой сладострастной любви-страдания и центральным образом ирреального искусителя с восточными очами, чья дуалистическая природа воспринимается поэтессой различно: он завораживает красотой и пугает деспотизмом.

Произведения цикла проникнуты романтикой, богаты метафорическими красками, в них развивается теория «любви за гробом», уже ранее намечавшаяся в поэзии Лохвицкой, однако наиболее ярко проявившаяся в ее позднем творчестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Т.Л. Жизнь и поэзия Мирры Лохвицкой / Т.Л. Александрова // Лохвицкая Мирра. Путь к неведомой отчизне. – М.: Вече, 2003. – С. 5–87.
2. Голиков В.М. Наши поэтессы / В.М. Голиков. – Неделя. – 1912. – № 5. – С. 771–773.
3. Коринфский А.А. Юные побеги русской поэзии / А.А. Коринфский. – «Север»,1897. – № 44. – С. 1388–1406.
4. Лохвицкая М.А. Путь к неведомой отчизне / М.А. Лохвицкая. – М.: Вече, 2003. – 400 с.
5. Hafiz Shirazi. Rubaiyat. – Tehran, 2012. – 540 s.

Поступила в редакцию 07.03.2020 г.

THEME OF LOVE AND SUFFERING IN THE POETIC CYCLE «V LUCHAKH VOSTOCHNYKH ZVEZD» BY MIRRA LOKHVITSKAYA

T.A. Dyachenko

The article addresses the theme of love and suffering in the poetic cycle «V luchakh vostochnykh zvezd» by Mirra Lokhvitskaya. The focus is made on the central image of the poems, i.e. the eternally courageous «black-eyed prince» who is both real and surreal. The conclusion is made that the theme of love in the works by Lokhvitskaya is revealed by means of a metaphorical image of the lyrical heroine lover's appearance with the expressive syntax helping to express the lyrical experience and giving impetus to the plot.

Key words: image, motive, love theme, poetic cycle, oriental symbolism.

Дьяченко Татьяна Анатольевна.
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».
Аспирант кафедры литературы.
E-mail:dyachenko_tatiana@mail.ru

Dyachenko Tatyana Anatolyevna.
Astrakhan State University.
Postgraduate Student at the Department of Literature.
E-mail:dyachenko_tatiana@mail.ru

УДК 81'27

КОНЦЕПТ «ЕДА» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

© 2020. *И.А. Машкович*
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»

В статье рассмотрены основные подходы к изучению концепта «еда», проанализированы точки зрения ученых относительно своеобразия и особенностей функционирования данного концепта в русской лингвокультуре.

Ключевые слова: концепт, лингвокультура, пищевой код.

«Основным объектом исследований в области когнитивной лингвистики являются концепты, под которыми понимают содержательные единицы памяти, всей картины мира, которая отражена в сознании человека, а также его психике» [12, с. 97]. Интерес к изучению концептов возник в конце XX столетия в связи с появлением теорий, основывающихся на представлении о том, что носители языка являются носителями определенных концептуальных систем. «Система концептов образует картину мира, в которой отражается понимание человеком реальности, ее особый концептуальный «рисунок», на основе которого человек осмысливает мир» [6].

Цель нашего исследования – проанализировать основные подходы ученых к изучению базовых характеристик концепта «еда», его своеобразия и особенности функционирования.

В связи с тем, что важной составляющей культуры каждого народа является пища, проблема определения содержания и структуры концепта «еда» в современной теории языка вызывает интерес не только лингвистов, но и лингвокультурологов, психолингвистов, психологов и философов. Среди ученых, занимающихся данным вопросом, можно выделить М.А. Абакарову, Е.Э. Барилову, А. Вежбицкую, П.П. Буркова, Д.Н. Лоскутову, И.К. Миронову, Е.В. Филиппова, П. Гиро, И. Забелина, Н. Костомарова, Д.Н. Лоскутову, И.А. Морозова, А. Терещенко, И.А. Седакова, Ю.С. Степанова и др.

В лингвистическом плане данный вопрос является одним из наименее изученных, в то время как его социокультурная значимость высока. Понятие «еда» в системе языка может выражаться следующим образом: еда как процесс, включающий принятие, поглощение пищи; еда как собирательное понятие, которое соотносится с разнородной совокупностью объектов различного типа, обозначающих то, что едят и пьют [3, с. 123].

Становление гуманитарного знания о сфере питания во многом повторяет общую логику развития исследований культуры повседневности. Интерес к еде как части культуры народа возникает в исторической и этнографической науке во второй половине 19 века. Исследование гастрономической культуры в этот период носят фрагментарный характер и используются во вспомогательных целях, для иллюстрации основных положений исторического или этнографического исследования. Преобладает фактографически-описательный подход. Отрывочные сведения о пищевых привычках того или иного народа или состояния встречаются в работах П. Гиро, А. Терещенко, И. Забелина и др.

Первые попытки перейти от протоколирования отдельных фактов гастрономической культуры к ее анализу принадлежат представителям школы «Анналов» (была основана во Франции во второй половине 20 века), которая обратилась к исследованиям повседневной культуры в ее взаимосвязи с социокультурной системой. В частности, Ф. Бродель

попытался рассмотреть культуру питания в контексте эпохи с учетом экономических, политических и социальных факторов [5].

Становление теоретико-методологической линии в изучении пищи как культурного феномена приходится на 60-70-е годы 20 века и связано с исследовательской деятельностью структуралистов. В работах К. Леви-Стросса, Р. Барта и М. Дугласа получает разработку идея еды как специфического культурного кода. В дальнейших исследованиях пища рассматривается как особая сфера культуры, находится в отношениях взаимообусловленности с историческим, социальным и культурным контекстом. Так, экономические факторы формирования гастрономической культуры оказались в центре внимания в трудах Д. Гуды и М. Харриса; исследованию гендерных аспектов практик приготовления и потребления пищи посвящены работы С. Бордоиля.

В 80-90 годах 20 века в зарубежной науке сформировалось особое направление исследований – «food studies», основная задача которого – получение целостного знания о сфере питания. Отдавая должное конкретным исследованиям, необходимо отметить, что отсутствие единства в исследовательских установках порождает мозаичность представлений о еде как феномене культуры [5].

По мнению А. Вежбицкой, еда представляет собой межъязыковое лексическое понятие, универсально лексикализованное, а также присутствующее во всех этнокультурных общностях [3, с. 381].

Лексема *еда* – высокочастотное слово, которое занимает центральное место в семантическом поле еда: оно обладает высокой словосочетательной и довольно большой деривационной активностью, выражает существенные элементы национальной культуры. Еда – стилистически нейтральное слово, слово с обобщенной семантикой, имеющее обширные ассоциативные связи, а также представляющее страноведческую ценность, так как отражает основную, несомненно, важную страноведческую информацию [1, с. 91].

Феномен еды рассматривается как антропологическая и культурологическая проблема, в ее онтологическом и культурно-коммуникативном срезах. В современных культурологических исследованиях феномен еды представлен в следующих значениях: как «культурно специфическая система норм, принципов и образцов, воплощающаяся в способах приготовления пищи; наборе принятых в данной культуре продуктов и их сочетаниях; практике потребления пищи; рефлексии над процессами приготовления и принятия пищи». По мнению И.В. Сохань, феномен еды трактуется как код культуры [14, с. 52]; по Н.В. Марушкиной, как концепт культуры [8, с. 25]; по М.С. Капкану, как гастрономическое тело культуры [10, с. 26]. Феномен еды как код культуры рассматривается в срезе культурного генезиса еды в ее гендерном значении в контексте национальной культуры, «кулинарного тела» как части гастрономической культуры [10, с. 27].

В отечественной гуманитарной науке проблемное поле «еда и культура» разрабатывалось преимущественно этнографами и филологами. Этнографический подход к исследованию пищи связан, главным образом, с исследованием функций пищи в традиционных обществах и представлен работами С. Арутюнова, Д. Баранова, Д. Зеленина, В. Липинской и др. Исследования в этой области концентрируются вокруг двух исследовательских направлений. С одной стороны, внимание литературоведов привлекает семантика пищевых образов в художественных произведениях. Согласно другому подходу, на стыке лингвистики, фольклористики и этнографии развиваются этнолингвистические исследования традиционной пищи [5].

Т.Н. Князева акцентирует внимание на том, что в культуре повседневности условно можно выделить четыре основных подхода, которые раскрывают суть практик

питания: теория демонстративного потребления пищи (Т. Веблен); концепция вкуса (П. Бурдье); культурно-сакральный подход (Э. Лич), концепция символического значения пищи (С. Кириленко). Важно отметить тот факт, что для всех вышеперечисленных подходов имеет значение не столько первичная физиологическая функция потребления пищи, сколько культурная составляющая.

Под влиянием различных общественно-исторических и природных преобразований могут меняться рецептура и название блюд, наименование ингредиентов, в некотором роде отношение к еде, но все же по сравнению с другими предметами материальной культуры пища отличается известной устойчивостью, традиционностью, способностью приспосабливаться к изменяющимся реалиям действительности.

Как один из важнейших этнических модулей, пища издревле выполняет различные социальные и обрядовые функции. В комплексе основных блюд преломляются старинный быт, исконное мировоззрение (мифологические представления, языческие и христианские верования), архаическая символика [4].

Например, еще с языческих времен существовала традиция в день весеннего равноденствия печь жаворонков, так как считалось, что именно в этот день птицы возвращались из теплых краев. Именно с жаворонками связаны обряды, цель которых – призвать весну. Со временем народные традиции обрели и христианский смысл, когда жаворонок стали печь к празднику 40 мучеников Севастийских. При этом птицы символизируют летящие к Богу души мучеников; есть также версия, что песнь этих птиц символизирует молитву Севастийских мучеников Богу.

Еще одним примером может послужить яйцо, которому с древних времен приписывали магическое значение. Различные мифологии хранят легенды, связанные с яйцом как символом жизни, источником происхождения всего, что существует, обновления. С древности яйцо символизировало весеннее солнце, несущее с собой жизнь, радость, свет, возрождение природы, избавление от оков мороза и снега, тепло. Красное яйцо весной у славян – это символ рождающегося и перерождающегося ежегодно мира. У православных принято в праздник Светлого Воскресения красить яйца. Согласно христианской традиции яйцо, выкрашенное в красный цвет, считается символом пустой гробницы Спасителя. Точнее – камнем на входе в гробницу, окрашенным кровью Мученика, который принял страдания за грехи человечества. Отметим, что единой теории относительно традиции использования на Пасху расписанных и крашеных яиц нет, но существует много гипотез.

По мнению О.Г. Савельевой, языковая концептуализация понятия «еда» подразумевает наличие культурной и лингвокультурологической компетенции как когнитивной конструкции, обобщающей знания. В своем исследовании автор приходит к следующим выводам. Социокультурный концепт «еда» имеет языковое выражение и включает в себя, помимо предметной отнесённости, всю коммуникативно значимую информацию (парадигматические, синтагматические и деривационные связи), формируясь на основе языкового значения ключевых знаков-лексем «есть» и «пить». Традиционным деривационным механизмом языковой концептуализации суперпонятия «еда» выступает продуктивный способ образования соответствующего названия блюда или напитка на базе имени собственного, что отражает синтез двух номинационных аспектов – понятийного и индивидуально-личностного. Такие наименования содержат значительный объем социо- и этнокультурной информации, обладают особой культурно-когнитивной коннотацией и словообразовательным потенциалом, реализуя принципы преемственности и развития в процессах категоризации и вербализации окружающего мира [13].

Концепт «еда» в вербализованном виде представляет собой сложное многослойное образование, имеющее высокую значимость для культур, манифестируя как универсальные,

так и национально-специфические аспекты, отражающие мифолого-религиозную и культурно-историческую детерминированность формирования соответствующей когнитивно-прагматической области бытия и языковой картины мира.

Концепт «еда», являясь фрагментом языковой картины мира, эксплицирует соответствующие понятия, представления, образы, установки, приоритеты, стереотипы и оценки, отражающие специфику национального менталитета и мировосприятия, системы социокультурных отношений, традиций, обычаев и верований, характерных для русской и английской культур, в чём проявляются существенные различия исторических судеб этих народов [13].

Д.Н. Лоскутова, изучая пищевой код в народной медицине, осветила этнокультурные характеристики денотативного класса «пища», используемые в народной медицине, основываясь на аутентичном материале, собранном в южнорусской диалектной зоне, и на данных словарей. Продукты питания, вовлеченные в область народной медицины, составляют повседневный рацион (хлеб, молоко, молочные продукты, сало, каша, яйца, соль, гуща), но в то же время обладают культурной маркированностью [8, с. 213].

Исследователи сходятся во мнении, что концепт и есть смысл. Согласно толковым словарям, лексема «еда» имеет следующие значения: 1) собирательное значение всех пригодных для человека в пищу кушаний; все, что съедобно; 2) процесс приема пищи; 3) блюдо, кушанье. Смыслы же рассматриваемого понятия можно разделить на биологические – насыщение организма человека питательными веществами, необходимыми для поддержания жизни; культурные – приобщение посредством питания к определенной традиции, принятой в той или иной национальной общности; философские – пища как феномен бытия; психологические – получение чувства уверенности и защищенности, религиозные – связь с той или иной религией. Концепт «еда», согласно Ю.С. Степанову, имеет слоистую структуру, включающую основной, дополнительный признаки и внутреннюю форму. В его структуру входят: «буквальный смысл», или «внутренняя форма», или этимология концепта и явления культуры; «пассивный», исторический слой концепта; новейший, наиболее актуальный и активный слой [15, с. 46-53].

По мнению Ю.В. Вельдиной, концепт «еда» занимает ведущее место в пословицах и поговорках русского народов. На примере еды народы показывают такие качества лингвокультурных общностей, как лень, жадность, трудолюбие и другие качества, присущие человеку. Какие-то из них саркастичны, другие имеют прямой, не скрытый смысл. Поэтому среди многочисленных тематик пословиц и поговорок отдаётся предпочтение теме «еда». Без неё человек не в состоянии прожить.

Мнения некоторых исследователей сходятся в том, что для славянской культуры характерно наличие «безликих» обобщенных названий блюд, среди которых можно выделить: первое, второе, выпечка и подобные. Часть из них становится понятиями определенных коммуникативных ситуаций, часто при присоединении суффиксов: *супчик, мороженко, абрикоска, пироженко, минералочка, пшеночка, конфетка* и др. Некоторые названия и, собственно, сами блюда приходят из-за границы и в русском языке приобретают национальные коннотации: *оливье, шпроты, кола, фанта, суши, фондю, доширак* и др. Р.Н. Попов отмечает, что некоторые названия продуктов сами формируют новые образные словосочетания (например, деловая колбаса, пальцы как сардельки) [14, с. 144].

И.К. Миронова, исследуя лексико-семантические группы пищи, отмечает, что непонятно без дополнительных объяснений и русскому, и иностранцу символика ритуальных и праздничных блюд: блины на Масленицу, куличи и крашеные яйца на

Пасху, кутья на поминки, хлеб-соль при торжественной встрече. Причем это касается не только исторических мифологических и религиозных традиций. В современном российском обществе существуют уже новые стереотипы, например, такие как оливье и мандарины на Новый год. Они могут иронически восприниматься, но тем не менее они очень живучи. Все эти понятия имеют словесное выражение, закрепленное в лексике, и стали элементами национальной русской культуры [11, с. 117]. Таким образом, названия продуктов питания и блюд являются неотъемлемой частью национальной лингвокультуры. Эта устойчивая и лексико-семантическая группа формирует национальную картину мира с концептом «еда».

Концепт «еда» в культуре повседневности – специфическая система норм, принципов и образцов воплощается в способах приготовления пищи, наборе принятых в данной культуре продуктов и их сочетаний, практике потребления продуктов питания, а также рефлексии над процессами приготовления и принятия пищи. Концепт «еда» в культуре повседневности выполняет следующие функции: регулятивную, функцию маркировки социального и культурного статуса индивида, коммуникативную, трансляционные, функции идентификации и интеграции. При этом наиболее значимыми следует признать регулятивную функцию и функцию маркировки социального и культурного статуса.

Изучение проблемного поля «пища и культура» в культурологических исследованиях повседневности позволяет дать структурированное описание пищевых норм в их этнической, культурной, психологической и социальной обусловленности, а также проанализировать механизмы их распространения и функционирования в различных культурно-исторических условиях [5].

Языковая концептуализация еды подразумевает наличие культурной и лингвокультурологической компетенции как когнитивной конструкции, обобщающей знания. Она способствует глубокому пониманию природы культурного смысла, закрепляемого за определённым языковым знаком, а также всех культурных установок и традиций народа. Концепт «еда» представляет собой сложное ментальное образование, в котором могут быть выделены определенные признаки, частично совпадающие и пересекающиеся в лингвокультурах.

Если говорить о концепте «еда» в русской лингвокультуре, то реалии русского быта и мифологии являются особенно постоянными и существуют на протяжении истории России: так, лексические единицы *борщ, ботвинья, каша, холодец, студень, пельмени, кефир* и другие представляют историческую информацию о русской картине мира. Особенности русской национальной кухни объясняются, как правило, климатическими условиями жизни людей. Например, в зимнее время без сытного супа в северных районах России, особенно в Сибири, прожить очень сложно. Чем холоднее климат, тем калорийнее пища, тем медленнее она усваивается. С тем, чтобы в организме был запас внутреннего тепла, можно, вероятно объяснить популярность первых блюд (супов) в России (щи, уха, борщ, солянка и др.) [9].

У Н.С. Марушкиной находим утверждение о том, что сопоставление различных понятий и методологических подходов позволяет специфицировать понятие гастрономической культуры и наметить контуры культурологического подхода к исследованию пищи. Концепт пищи позволяет абстрагироваться от конкретных артефактов питания и обратиться к сфере матричных, культурных значений пищи, производимых и подтверждаемых в процессах социокультурного взаимодействия [8].

Е.Э. Барилова отмечает, что в русской культуре пища никогда не занимала особо почетного места. Древняя, исконно русская кухня не отличалась особым разнообразием. На протяжении веков она была традиционной – кушанья были просты и

однообразны. Православие с его строгим и частыми постами оказало значительное влияние на формирование русской кухни: долгое время постный (растительно-рыбно-грибной) и скоромный (мясной) столы были разделены.

В советское время русская кухня была упрощенной. Главной же особенностью современной русской кухни является ее готовность заимствовать и творчески перерабатывать самые различные кулинарные традиции. Эпоха постмодерна стала временем деконструкции пищи: форма, вкусовые, питательные и лекарственные свойства еды продаются по отдельности. Столь радикальные попытки перестроить еду во многом стали следствием развития научных знаний и стремления максимально подстроить её под самые специфические запросы публики [2, с. 152-153].

Представляется логичным считать концепт центральным звеном межкультурной коммуникации: структуру концепта «еда» можно дополнить двумя релевантными слоями – национальной традицией питания и религиозными традициями питания, что позволяет обогатить его содержание в исследуемых культурах (отметим, что важна не только содержательная сторона концепта, но и факторы, которые повлияли на его становление в контексте культурно-исторического развития национальных общностей); установлена связь между традициями питания и национальным характером. Посредством потребления определенных продуктов, характерных для своей нации, индивид приобщается к микрокосмосу той национальной общности, к которой он принадлежит, тем самым обозначая свою национальную идентичность; на основании сравнительно-сопоставительного анализа концепт «еда» рассматривается в рамках комплексного культурологического анализа, что позволяет в конечном итоге подробно определить его национально-культурную специфику [8, с. 85].

Процесс потребления пищи является частью культурологической категории образа жизни. Помимо собственно питания, сюда также входят такие составляющие, как труд или деятельность, отдых и досуг, темп и ритм жизни человека. Феномен еды определяется как важнейшая часть культурно-бытового уклада жизни человека.

О.В. Кучкильдина, рассматривая концепт «еда», выделяет его содержательный минимум, включающий набор существенных признаков феномена еды: питательность; средство поддержания общего физического и интеллектуального состояния организма; средство объединения [7, с. 280].

О.Г. Савельева в своем исследовании делает следующие выводы: понятие пищи в сфере мифолого-религиозного сознания приобретает особые смыслы, трансформирующие всё, что связано с культом и культурой еды, в некую нематериальную, духовную ипостась, выступающую одновременно специфическим мерилом нравственной чистоты и веропослушания; в рамках кулинарного дискурса выделяются различные жанры презентации концептуализированного пространства, связанного с едой. Проблема классификации речевых жанров кулинарного дискурса является достаточно актуальной в плане выявления основных тенденций и механизмов языковой концептуализации сферы еды; при формировании концепта «еда» наибольшую продуктивность имеет способ деривации имени-номинации, основанный на географическом принципе [13].

Исследование О.Г. Савельевой позволило реконструировать народные представления о сущности понятия «еда», показать отличия в осознании этого понятия представителями русской и английской культур и доказать, что лексические, фразеологические и паремические единицы языка находятся в дистрибутивных отношениях, репрезентируя «свои» участки культурных концептов, задавая им разную глубину, напрямую зависящую от значимости понятия или явления в жизни этноса.

Комплексный концепт «еда» относится к числу базовых во всех культурах, однако его культурно-историческая ценность, отражённая прежде всего в его языковой

представленности, существенно различается от языка к языку. В каждом языке выделяются так называемые ключевые слова, в которых представлены ядерные ценности культуры, отражены особенности менталитета нации. К таким ключевым, по наблюдениям многих исследователей, относится лексема «хлеб», вербализующая соответствующий концепт, принципиально важный и актуальный для русской национальной культуры и русской языковой картины мира. Демонстрация отношения к еде – и в первую очередь к хлебу – является одним из основных способов изображения отношений между людьми в том или ином социуме [13].

Н.С. Марушкина предлагает концепт «еда» представить в виде полевой модели. По ее мнению, в ядро данного концепта войдут синонимичные номинации еды – пища, продукты питания, корм. Периферией концепта будут выступать названия основных продуктов, блюд, напитков. В качестве аксиологической (ценностной) компоненты, вокруг которой группируется концепт, будут выступать представления «вкусный — невкусный» [8].

О.В. Кучкильдина в своем исследовании пишет, что еда – основополагающая ценность в жизни человека, ее составляющая. Поэтому многие ее категории отражены в сознании человека, его менталитете именно в лексических единицах, представляющих продукты питания, с которыми человек часто сталкивается в своей повседневной жизни. Автор отмечает, что концепт «еда» может характеризоваться по-разному: может представлять определенный вред здоровью человека (полуфабрикаты, фаст-фуд, консервы); отражает культуру поведения за столом, принятие пищи; является средством поддержания контакта между людьми, улучшения взаимоотношений, как деловых, так и личных; еда ассоциируется с приятными ощущениями, побуждающими человека к действию; сопряжена с идеей красоты; представляет собой материальную форму выражения человеческого счастья; связана с музыкой, артистичностью, добродетельностью, как проявлениями жизни; сопоставима с выносливостью, гостеприимством, гигиеной и бизнесом и др. [7, с. 195-196].

Проанализировав мнения ученых относительно концепта «еда», можно сделать следующие *выводы*. Существуют различные подходы к изучению концепта (лингвокогнитивный, лингвокультурологический, семантический, психолингвистический), которые представляют различные стороны данного явления, устанавливая для себя наиболее значимые стороны концепта. Отметим, что данные концепции не противоречат друг другу, а рассматривают его с разных сторон, позволяя осуществить комплексную оценку. При этом мнения ученых сходятся в том, что концепт «еда» является отражением национальной культуры, способствует понимаю природы культурного смысла, закрепляемого за определенным языковым знаком, а также всех культурных установок и традиций народа. Пища, по мнению представителей различных направлений изучения концепта, выполняет не только первичную физиологическую функцию, но и имеет культурную составляющую, которая является преобладающей. Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в исследовании концепта «еда» в Луганской региональной языковой картине мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багана Ж. Понятие «Еда» как отражение национально-культурной специфики (на материале группы «Домашняя птица» в немецком и русском языках) / Ж. Багана, Я.Ю. Кравец // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 1.

2. Барилова Е.Э. «Еда» как фрагмент русской и французской языковой картины мира / Е.Э. Барилова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2011. – №13. – С. 152–153.

3. Вежбицкая А. Язык. Культура / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

4. Карасева Т.В. Названия пищи в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: диссертация / Т.В. Карасева. – Воронеж, 2004. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/nazvaniya–pishchi–v–voronezhskikh–govorakh–tnolingvisticheskii–aspekt.

5. Князева Т.Н. Концепт пищи в культуре повседневности / Т.Н. Князева. Режим доступа: http://www.info–library.com.ua/libs/stattya/5888–kontsept–yizhi–v–kulturi–povsjakdennosti.html.

6. Крашенинникова Д.С. Язык как орудие познания мира в сознании народа / Д.С. Крашенинникова // Вестник ВУиТ. – 2013. – №1 (12). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk–kak–orudie–poznaniya–mira–v–soznanii–naroda.

7. Кучкильдина О.В. Обозначение концепта «Еда» в устойчивых выражениях, цитатах и афоризмах русского, английского и немецкого языков / О.В. Кучкильдина // Вестник ЧГПУ. – 2013. – №2. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/oboznachenie–kontsepta–eda–v–ustoychivyh–vyrazheniyah–tsitatah–i–aforizmah–russkogo–angliyskogo–i–nemetskogo–yazykov.

8. Марушкина Н.С. Концепт «еда» в контексте диалога культур / Н.С. Марушкина. Режим доступа: http://cheloveknauka.com/kontsept–eda–v–kontekste–dialoga–kultur.

9. Махметова А.Т. Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова «Еда» в произведениях русских и английских писателей / А.Т. Махметова. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/1_KAND_2017/Philologia/7_221107.doc.htm.

10. Мелешко Е.Д. Феномен еды как культурный код / Е.Д. Мелешко, Л.Н. Набилкина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2017. – №4. – С. 26-29. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen–edy–kak–kulturnyy–kod.

11. Миронова И.К. Концептосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропорциональные структуры и их лексические репрезентации / И.К. Миронова. – Екатеринбург, 2002. – 128 с.

12. Подвигина Н.Б. Понятие концепта и концептосферы / Н.Б. Подвигина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2007. – №3. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie–kontsepta–i–kontseptosfery.

13. Савельева О.Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: на материале русского и английского языков / О.Г. Савельева. Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/kontsept–eda–kak–fragment–yazykovoi–kartiny–mira–leksiko–semanticheskii–i–kognitivno–pragmat.

14. Сохань И.В. Женщина и гастрономический код культуры / И.В. Сохань // Женщина в российском обществе. – 2010. – № 4. – С. 50–60. – Режим доступа: http: womaninrussiansociety.ru.

15. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

Поступила в редакцию 31.12.2019 г.

THE CONCEPT OF «FOOD» IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

I.A. Mashkovich

The article considers the main approaches to the study of the concept of “food”. Different scholars’ points of view concerning the specificity and functioning of this concept in the Russian linguistic culture are analyzed.

Key words: concept, linguistic culture, food code.

Машкович Инна Александровна.
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».
Аспирант кафедры славянской филологии.
E-mail: inn5104@yandex.ru

Mashkovich Inna Alexandrovna.
Lugansk National University named after Vladimir Dal.
Postgraduate student at the Department of Slavic Philology.
E-mail: inn5104@yandex.ru

УДК 811.111-342

КОНФИГУРАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ АДРЕСАНТНО-АДРЕСАТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

© 2020. *О.И. Осташова*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена описанию структурно-семантических и коммуникативно-прагматических особенностей оценочных высказываний в англоязычном художественном дискурсе с точки зрения гендерных параметров коммуникантов и их социальных ролей. Эмпирический материал исследования позволил выделить четыре модели конфигурации адресантно-адресатных отношений коммуникантов. Проанализированы и описаны особенности вербализации оценочного отношения в высказываниях, продуцируемых мужчинами в адрес женщин.

***Ключевые слова**:* оценочное высказывание, гендер, коммуникативная сфера, художественный дискурс.

1. ***Введение.*** В современной лингвистике в основу изучения художественного дискурса положено деятельностную онтологическую картину речевого общения, что не только дает возможность углубиться в содержание художественной коммуникации, но и разъяснить феномен использования людьми природного языка – «орудия социального воздействия и взаимодействия в условиях конкретных ситуаций коммуникации на основе системы социальных правил, постулатов, стратегий» [8, с. 129].

Исследование коммуникативно-прагматических особенностей реализации категории оценки в художественном дискурсе предполагает изучение интеракции участников, в которой проявляются взаимоотношения коммуникантов (адресата и адресанта), их намерения, ощущения, эмоции. В работах последних десятилетий ученые убедительно доказывают, что от факторов говорящего и адресата зависит не только осуществление коммуникантами их прагматических целей, но и способ языковой репрезентации оценочного смысла в дискурсе [3].

Гендерный параметр языковой личности является фактором социальной детерминации индивида и заметно влияет на восприятие им ценностной картины мира и, как следствие, на ее объективацию в речевом поведении. По мнению лингвистов гендер – это социальный конструкт, набор характеристик, определенных культурой общества, который идентифицирует социальное поведение мужчин и женщин, а также отношения между ними [2; 5]. Гендер выступает компонентом коллективного и индивидуального сознания, что проявляется в существовании определенных стереотипов поведения в процессе коммуникации. О. Л. Бессонова отмечает, что гендерные стереотипы отражают совокупность биологических признаков, социальных ролей, особенностей психики и поведения, свойственных представителям разных полов в рамках данной культуры [2]. Гендерная стереотипизация, по мнению А. В. Кирилиной, фиксируется на всех уровнях языка, а также тесно связана с формами выражения оценки [5].

Актуальность предложенного исследования обусловлена интегрированным функциональным и гендерным подходом к изучению адресантно-адресатных отношений коммуникантов в оценочных высказываниях (далее ОВ) в англоязычном художественном дискурсе.

Цель исследования заключается в выявлении и описании структурно-семантических и коммуникативно-прагматических особенностей вербализации оценки

в высказываниях в англоязычном художественном дискурсе с точки зрения гендерных параметров личности коммуникантов и их социальных ролей.

Корпус языкового материала исследования составляет 487 ОВ, функционирующих в англоязычном художественном дискурсе и выражающих оценочное отношение персонажей, которое актуализируется в определенной коммуникативной ситуации.

Художественный дискурс является отображением и воплощением художественной коммуникации, с одной стороны, а также одним из способов ее реализации, с другой стороны. Субъектно-речевая двуплановость структуры художественного текста приводит к тому, что на поверхностном уровне текст представляет собой сложное образование, которое позволяет определить две разновидности художественной коммуникации: реальную и изображенную (придуманную, внутритекстовую) [7, с. 210]. Реальная коммуникация происходит по линии автор – текст – читатель, а изображенная – представляет собой непосредственное общение персонажей в тесте.

Коммуникативное взаимодействие персонажей в художественном произведении осуществляется по правилам и канонам реальной коммуникации, на основе модели и опыта человеческого общения [9]. Гендерные стереотипы коммуникативного поведения мужчин и женщин отражается в изображенной художественной коммуникации, а именно в диалогическом речевом взаимодействии персонажей, что в частности выражается в использовании разных по природе ОВ в коммуникативных ситуациях. В диалоге есть два основных актанта: говорящий (адресант) X и адресат Y, на которого направлено высказывание [4]. Экспликация оценочного смысла соотносится с социальным, речевым, психологическим, интеллектуальным и физическим аспектами личности адресанта и адресата.

По принципу адресантно-адресатного взаимодействия партнеров по коммуникации, ОВ, составляющие корпус эмпирического материала, были разделены на четыре группы:

1) ОВ, где мужчины оценивают женщин (М-Ж)

(1) *Hulloa, Julia, what's the matter with you tonight? Gosh, you look swell, he said breathlessly (W.S. Maugham Theatre: 106)*

2) ОВ, где мужчины оценивают мужчин (М-М)

(2) What does that chap Profond do in England? Hey achts. ***Ah!*** *Soames exclaimed;* ***He's a sleepy chap****. (J. Galsworthy To Let: 28)*

3) ОВ, где женщины оценивают мужчин (Ж-М)

(3) *He's a good swimmer, Rosemary said (F.S. Fitzgerald Tender is the Night: 14)*

4) ОВ, где женщины оценивают женщин (Ж-Ж)

(4) *What is* ***she*** *like? … Oh, quite a nice little thing. Actressy. – said Mrs. Townsand (W. Somerset Maugham The Painted Veill: 38-39)*

Продуцируя оценку адресата в ситуации общения, говорящий не только анализирует коммуникативную ситуацию, стараясь выбрать наиболее адекватную форму выражения оценки, в зависимости от преследуемой иллокутивной цели, а также основывается на своем социальном опыте, знаниях о мире, определенных нормах и стереотипах общения, закрепленных в обществе. Поэтому структура и семантика ОВ, на наш взгляд, предопределяется коммуникативной сферой, к которой относится конкретная ситуация общения. В ходе анализа корпуса эмпирического материала удалось выделить четыре коммуникативные сферы, отличающиеся этикетными стереотипами общения: семейные, дружеские, любовные и профессиональные отношения.

В каждой из представленных сфер общения коммуниканты исполняют определенные социальные роли. Л. П. Крысин, трактуя этот термин, фокусирует внимание на коммуникативном аспекте, определяя социальную роль как форму социального поведения, обусловленную статусом индивида в социальной группе, которая находит свою реализацию в определенной коммуникативной ситуации [6].

Анализируя коммуникативные ситуации, в которых используются ОВ, удалось определить две модели соотношения социальных ролей коммуникантов в интерперсональном взаимодействии в ситуациях оценки:

1) социальная роль X выше / ниже социальной роли Y;

2) социальные роли X и Y равнозначные [1].

2. Основная часть. Насчитывается 116 контекстов с ОВ, в которых мужчина оценивают женщину. Анализ эмпирического материала исследования показал, что в этой группе превалируют ОВ, объединенные коммуникативной сферой семейные отношения (46 контекстов – 39%), а наименьшим образом представлены ОВ, которые характеризуют сферы профессиональных отношений (7 контекстов – 6%).

Классификация ОВ, отражающих адресантно-адресатных отношений коммуникантов М-Ж

Таблица 1

Коммуникативные сферы / Социальные роли	Тип оценки		Всего
	+	-	
Семейные отношения			**46 (39%)**
Мужчина-сын	9	-	**9(8%)**
Мужчина-отец	9	7	**16 (14%)**
Мужчина-супруг	14	7	**21 (18%)**
Любовные отношения			**38 (33%)**
Мужчина-любовник	38	-	**38 (33%)**
Дружеские отношения			**25 (22%)**
Мужчина-друг / знакомый	13	12	**25 (22%)**
Профессиональные отношения			**7 (6%)**
Мужчина-начальник	2	-	**2 (2%)**
Мужчина-подчиненный	-	-	**-**
Мужчина-коллега	3	2	**5 (4%)**
Всего	**90 (78%)**	**26 (22%)**	**116 (100%)**

В сфере **семейных отношений** удалось выделить три социальные роли, которые может выполнять говорящий: мужчина-отец, мужчина-сын, мужчина-супруг, что бесспорно влияет на выбор языковых средств вербализации оценки. В этой группе представлены как позитивно оценочные, так и негативно оценочные ОВ.

ОВ, продуцируемые **сыном** в адрес матери, имеют только позитивное значение и выполняют коммуникативную функцию одобрения. Оценочный предикат выражен чаще всего общеоценочным прилагательным, существительным с оценочной семой или общеоценочным адъективным словосочетанием, что предопределяет смысловое развитие ситуации оценки.

Так, в контексте (1) ***You’ve been a very good mother****. You’ve done something for which I shall always be grateful to you, you’ve left me alone (W.S. Maugham Theatre: 272)* оценочный предикат эксплицируется с помощью адъективного словосочетания, в которым общеоценочный предикат *good* сочетается с интенсификатором *very*, что указывает на высшую степень проявления признака. Кроме этого, в контексте вербализируется мотив оценки, сопровождающий общеоценочный смысл и

эксплицирующий оценочные стереотипы говорящего, что дает основание характеризовать ОВ как рациональное.

ОВ, в контексте (2) ***Mother was an angel*** *said Jon to Fleur (J. Galsworthy To Let: 134)*, можно квалифицировать как эмоционально-рациональное, так как оценочный предикат представленный существительным с оценочной семой *angel,* с одной стороны, отражает стереотипные представления говорящего об объекте оценки *(an angel – a person, especially a woman, who is kind, pure, or beautiful),* а с другой стороны, является его реактивной оценочной характеристикой, вызванной определенной коммуникативной ситуацией.

Среди ОВ этой группы встречаются как ОВ с прямым (контекст (1)), так и ОВ с непрямым адресатом (контекст (2)).

Большинство ОВ, с помощью которых **отец** выражает оценочное суждение, составляют частнооценочные высказывания, в которых говорящий позитивно оценивает способности объекта ((3) *As a child she was pretty smart (F.S. Fitzgerald Tender is the Night: 187*), а негативно – поведение и поступки ((4) *It's an infernal mischance; I've done my best to discourage it.* ***I consider my daughter crazy*** *(J. Galsworthy To Let: 247*). Чертам характера объекта дается как позитивная, так и негативная оценка, в зависимости от коммуникативной ситуации. Так в контексте (5) *I want someone to amuse Fleur;* ***she's restive*** *(J. Galsworthy To Let: 27)* актуализируется негативная эмоционально-рациональная оценка черт характера объекта оценки, в то время как в контексте (6) *Well, said Soames, looking her up and down, you're rather punctual sort of young woman (J. Galsworthy To Let: 18)* реализуется положительная эмоционально-рациональная оценка.

Однако среди ОВ этой группы встречаются общеоценочные высказывания, которые выражают позитивное суждение об объекте оценки, без упоминания аспекта оценки. Примером является контекст (7) *In her childhood* ***she was a darling thing*** *– everybody was crazy about her (F.S. Fitzgerald Tender is the Night:186).* В этом ОВ оценочный предикат эксплицируется с помощью адъективного словосочетания, в котором аффективное прилагательное *darling* сочетается с квалификатором *thing (a person or animal regarded as the object of pity, contempt, etc),* который подчеркивает снисходительное отношение к объекту оценки.

Особенностью ОВ, продуцируемых **мужчиной-супругом**, является употребление в пропозициональной структуре ОВ общеоценочных прилагательных, позитивное значение которых усиливается различными интенсификаторами. В примере (8) ***She's been an awfully good wife to me****, you now (W.S. Maugham The Painted Veil: 80)* общеоценочный предикат *good* в сочетании с интенсификатором *awfully* выражает высшую степень оцениваемого признака, подчеркивая глубокую эмоциональную привязанность к объекту оценки. В данном примере говорящий вербализирует субъективное оценочное отношение, соотнося качества оцениваемого объекта с нормой и стереотипными представления, существующими в данном обществе. Превосходная степень общеоценочного прилагательного также служит средством обозначения наивысшей степени признака объекта оценки, например, контекст (9) ***You are the most wonderful little wife****, 'he whispered (W.S. Maugham Theatre: 64).* Существительное *wife* в контекстах (8) и (9) выполняет не только вспомогательную квалифицирующую функцию, указываю на принадлежность конкретно-референтного лица к определенному классу, но также определяет объем общеоценочного предиката, сужая семантические границы оценочного признака до социальной роли жены. ОВ этой группы могут быть высказывания как с прямым, так и с непрямым адресатом (сравните ОВ в примерах 8 и 9).

Негативно оцениваются мужчинами-супругами в такого рода ситуациях черты характера и интеллектуальные способности женщин ((10) *I knew* ***you were silly and frivolous and empty-headed****. But I love you (W.S. Maugham The Painted Veil: 69))*, а также их поведение и поступки *((11) 'What's the matter, darling?' 'Don't talk to me.* ***You dirty little bitch****, you've made me cry' (W.S. Maugham The Theatre: 35*), а также их поступки и поведение. Высказывание в примере (11) является эмоционально-оценочным, так как в его пропозициональной структуре используется дерогативная лексика и отсутствует глагол-связка, что свидетельствует высокой степенью реактивности и ситуативности.

Интересным является тот факт, что среди ОВ этой группы встречаются ОВ, посредством которых оцениваются качества жены, отвечающие стереотипному образу идеальной женщины в любом обществе: женщина-мать, женщина-друг, женщина-леди. Примерами могут служить контексты (12), (13), (14) соответственно.

(12) ***She was a wonderful mother.*** *Charlie always said that of her ((W.S. Maugham The Painted Veil: 10)*

(13) ***But she's always been an excellent friend for me****, said Charles (W.S. Maugham The Painted Veil: 80)*.

(14) *She is all the same a very great lady. (W.S. Maugham The Painted Veil: 160)*

В **сфере любовные отношения**, на наш взгляд, мужчина как субъект речи может выполнять только одну социальную роль – роль любовника. ОВ этой группы реализуются в коммуникативных ситуациях флирта и любовной игры, поэтому такие ОВ имеют только позитивно-оценочную сему. В этой коммуникативной сфере мужчина не обращает внимание на характер и поведение женщины, наиболее важным для него является внешность, красота и молодость объекта.

Чаще всего оценочное отношение выражается частнооценочными предикатами, актуализирующими эстетический аспект оценки, причем их значение усиливается стилистическими приемами, интенсификаторами или использованием превосходной степени прилагательного. Так, в примере (15) ***You're beautiful****, he said.* ***A little beautiful than ever.*** *(F.S. Fitzgerald Tender is the Night: 309)* оценка объекта выражается аффективным частнооценочное прилагательным *beautiful*, значение которого усиливается его повторным использованием в контексте в ОВ со значением сравнительной оценки, что указывает на большую насыщенность признака оцениваемого объекта.

В контекстах (16) и (17) эксплицируется наивысшая степень признака объекта оценки посредством сочетания частнооценочного прилагательного с интенсификатором, или с помощью использования превосходной степени.

(16) *You are terribly attractive woman. (W.S. Maugham Theatre: 113)*

(17) *You were the nicest sight I ever looked at. (F.S. Fitzgerald Tender is the Night: 105)*

Необходимо отметить, что особенностью ОВ этой группы является тот факт, что объект и адресат оценки совпадают, потому что такие ОВ имеют форму комплимента, который утрачивает всякий смысл, если объект оценки отсутствует при актуализации ОВ в коммуникативной ситуации.

Что касается коммуникативной сферы **дружеские отношения**, то мужчине, продуцируемому ОВ, свойственна только лишь одна роль – роль друга / знакомого. В такой ситуации мужчина оценивает позитивно или негативно характер женщины (контекст (18)), ее способности (контекст (19)), манеру общения или поведение (контекст (20)).

(18) ***Baby is a trivial and selfish woman****, said Dick to oneself (F.S. Fitzgerald Tender is the Night)*

(19) *The man spoke suddenly out of the sky above to Rosemary.* ***You are a ripping swimmer*** *(F.S. Fitzgerald Tender is the Night: 10)*

(20) *Nobody cares whether you drink or not – She hesitated, even when Abe hardest, he never offended people like you do.* ***You are so dull****, he said (F.S. Fitzgerald Tender is the Night: 456).*

Чаще всего мужчина-друг оценивает внешность женщины в коммуникативной ситуации комплимента, поэтому ОВ выступает средством поддержания дружелюбной и дружеской атмосферы, а также помогает заполучить благосклонное отношение и расположение женщины. Примером может служить контекст (21).

(21) *'Hulloa, Julia, what's the matter with you tonight?* ***Gosh, you look swell****" he startled (W.S. Maugham Theatre: 106)*

В коммуникативной сфере **профессиональные отношения** мужчины, оцениваю женщину, проявляют себя диаметрально противоположно, продуцируя сугубо эмоциональные или рациональные ОВ. Так, ОВ в примере (22) ***She was so damn brave****, said Dick* (*F.S. Fitzgerald Tender is the Night: 355)* характеризуется как эмоциональное, о чем свидетельствует соединение нейтрального интенсификатора *so* и нецензурного просторечного *damn* с частнооценочным прилагательным *brave*. В контексте (23) *I think* ***you are a genius*** *(W.S. Maugham Theatre: 23)*, наоборот, актуализируется взвешенное рациональное оценочное суждение, о чем свидетельствует использование аксиологического предиката *think*, который снижает категоричность высказывания, подчеркивая тот факт, что оценка относится к концептуальному миру говорящего.

3. Заключение. Среди ОВ, с помощью которых мужчина выражает оценочное отношение в адрес женщины, преобладают высказывания, представляющие коммуникативную сферу 'семейные отношения' (46 контекстов – 39%). Это можно объяснить тем, что эта коммуникативная сфера предполагает общение в быту, что, безусловно, располагает к неформальной беседе и свободному выражению одобрительной или неодобрительной оценки качеств и поведения членов семьи. В этой группе интерес представляют ОВ, реализуемые коммуникантами неравнозначными по своим социальным ролям – мужчиной-сыном в адрес матери. Высказывания этой группы характеризуются позитивно-оценочным значением и являются средством не только одобрения адресата, но и, бесспорно, идеализации образа матери. Стоит отметить также тот факт, что основанием оценки в высказываниях, продуцируемых мужчиной-супругом, важную роль играют стереотипные представления об идеальной жене, с которыми говорящий соотносит качества оцениваемого объекта.

Анализ эмпирического материала исследования показал, что коммуникативная сфера 'любовные отношения' является не менее продуктивным полем для актуализации оценочного отношения (38 контекстов – 33%), учитывая тот факт, что субъект речи выполняет только одну социальную роль – роль любовника. Главной особенностью ОВ этой сферы является присущая им позитивно-оценочная семантика, что обусловлено их использованием только в коммуникативной ситуации флирта и любовной игры.

ОВ, объединенные коммуникативной сферой 'дружеские отношения', составляют 22% от корпуса эмпирического материала исследования и иллюстрируют, что эта сфера общения не ограничивает мужчину в выражении как позитивного, так и негативного оценочного отношения в сторону женщины-друга. Здесь наиболее частотными являются коммуникативные ситуации одобрения, восхищения и комплимента, которые выступают способом поддержания дружелюбной и располагающей к общению атмосферы, а также коммуникативные ситуации неодобрения и порицания.

Согласно результатам исследования, наименьшей частотностью обладают ОВ, объединенные коммуникативной сферой 'профессиональные отношения' (7 контекстов

– 6 %). Это можно объяснить спецификой сферы профессиональных отношений, где существуют четко определенные рамки и каноны общения. В этой сфере общения превалируют конструктивно-информативные и дескриптивные высказывания, а ОВ употребляются с целью выразить одобрение или восхищение, или наоборот, критику или порицание.

Таким образом, гендерные параметры личности адресата и адресанта, их социальные роли и статусы являются определяющим фактором коммуникации, так как они заметно влияют на восприятие ценностной картины мира и в последствии на вербализацию ценностного отношения в речевом поведение коммуникантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – [2-ое изд.]. – М.: «ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ», 1999. – 896 с.

2. Бєссонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти / О.Л. Бєссонова. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – 362 с

3. Бессонова О.Л. Основные характеристики оценочного тезауруса английского языка / О.Л. Бессонова // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXVIII. Слово. Текст. In Aevum: сб. научных трудов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. – 216 с. – С. 52–58. ISBN 978-5-8064-2720-6. – С. 52-58

4.Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – [2-е изд.]. – М.: УРСС, 2002. – 247 с.

5. Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Автореф. дис… д-ра филолог. наук: 10.02.19/ А.В. Кирилина. – М., 2000. – 38 с.

6. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1989. – 285 с.

7. Плисак Д.В. Художня комунікація VS дискурс: до проблеми співвіднесення понять / Д.В. Плисак // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – 2012. – №18. – Одеса: «АСТРОПРИНТ», 2012. – С. 208–211.

8. Селіванова О.О. Основи теорії мовної комунікації: [підручник] / О.О. Селіванова. – Черкаси: Видавництво Чабаненко Ю.А., 2011. – 350 с.

9. Старостина Ю.С. Прагматический потенциал негативной оценки в английской стилизованной разговорной речи: Автореф. дис… канд. филолог. наук: 10.02.04 / Ю.С. Старостина. – Самара, 2008. – 24 с.

Поступила в редакцию 18.02.2020 г.

CONFIGURATION OF ADDRESSEE-ADDRESSER COMMUNICATIVE RELATIONS IN EVALUATIVE UTTERANCES: GENDER ASPECT

O.I. Ostashova

The article deals with structural-semantic and communicative-pragmatic features of evaluative utterances in the English-speaking fiction discourse. The emphasis is made on gender and social roles of the communicants. Four models of addressee-addresser communicative relation configuration are determined. The peculiarities of men's evaluative utterances addressed to women are analysed.

Key words: evaluative utterance, gender, communicative sphere, fiction discourse.

Осташова Оксана Игоревна.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Старший преподаватель кафедры английской филологии.
E-mail: oksanaostashova@yandex.ru

Ostashova Oksana Igorevna.
Donetsk National University.
Senior teacher of the English Philology Department.
E-mail: oksanaostashova@yandex.ru

УДК 81.373(045)

ДЕВЕРБАТИВНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ ЭКСПЛИЦИТНЫХ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

© 2020. *Е.В. Соловцова*
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье проанализированы существующие в современной лингвистике подходы к рассмотрению понятия *девербатив* и определению его языкового статуса. Исследованы девербативные эквиваленты эксплицитных перформативных высказываний, а также особенности мотивационных отношений между перформативом и его девербативным эквивалентом.

Ключевые слова: девербатив, девербативный оборот, эксплицитное перформативное высказывание, перформативность.

Введение. Характерный для современного языкознания междисциплинарный подход к изучению лингвистических явлений обуславливает снижение значения системоцентричности в лингвистических исследованиях и, как следствие, «отказ от проведения резких границ между грамматикой и лексикой» [4, с. 15]. Ввиду указанной особенности расширяются возможности осмысления тех единиц языка, в которых синтезируются различные языковые реалии, какими являются рассматриваемые в статье девербативы. Несмотря на значительное количество работ, посвященных проблематике отглагольных имен в современной лингвистике, не вполне определенным является их языковой статус. Целесообразным представляется также уточнение смежных понятий и рассмотрение девербативов комплексно с процессами мотивации и в контексте их синонимических отношений, что определяет **актуальность** данной работы.

Цель представленной работы – исследовать особенности функционирования девербативных эквивалентов перформативных глаголов. Осуществление поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- определить понятие *девербативный эквивалент перформативного глагола*;
- установить особенности мотивационных отношений между перформативом и его девербативным эквивалентом;
- описать особенности функционирования девербативных эквивалентов перформативов в предложениях (на материале текстов публицистического дискурса).

Основная часть. Изучение отглагольных существительных в современной лингвистике опираетсяна обширную базу работ Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Ф.И. Буслаева, В.В. Виноградова, Е.А. Земской, Е.И. Коряковцевой, В.К. Курьяновой, И.Г. Осетрова, А.А. Потебни, И.С. Улуханова, Л.Г. Шпортько, А. Эмера и многих других. Девербативы, понимаемые как «существительные, образованные от глагольных основ, сохраняющие свойственные глаголу признаки, такие как: значение действия, состояния и процесса, либо близкое по семантике с соответствующим глаголом значение человека, совершающего действие, деятеля» [7, с. 12], представляют собой пример явления вариативности в языке, отражая «особый аспект номинативной интерпретации одной и той же денотативной ситуации, выраженной глагольным значением» [7, с. 12]. В русистике девербатив традиционно понимается как отглагольное существительное, которое называет мотивированное глаголом абстрактное действие [16, с. 77].

В современном языкознании нет единства мнений относительно языкового статуса отглагольных существительных: положение девербатива рассматривается как промежуточное между глаголом и существительным [9, с. 144]; девербатив трактуется как самостоятельное производное слово или особая форма слова [15, с. 268]. Также девербатив определяется как отглагольный дериват, особая семантико-грамматическая форма глагола, функционирующая как существительное [15, с. 274–275]. При этом подчеркивается, что «в случае девербатива речь идет о результате межчастеречной интеграции» [16, с. 76]. Другие исследователи, например, Е.Ю. Мамонтова, указывают, что свойства девербатива «его имплицитный предикативный характер, морфологические и синтаксические особенности» [7, с. 32] позволяют относить его к пограничной зоне класса имен существительных, в силу гибридного характера данных образований, поскольку «с одной стороны, они наследуют лексическое значение и категориальную семантику мотиваторов (глаголов), с другой стороны, приобретают категориальное значение предметности, что неизбежно проявляется на синтаксическом уровне и в дискурсе» [7, с. 32].

В современных исследованиях постепенно формируется тенденция к трактовке девербатива как категориального образования, приближающегося к глагольной парадигме [7, с. 28], при этом девербатив определяется как «производное существительное с глагольной (признаковой) семантикой» [7, с. 28] и, в целом, для современного языкознания становится нехарактерным жесткое противопоставление глагола и существительного ввиду отсутствия между ними непереходимой границы [11, с. 37]. В данной статье девербатив понимается как пограничная форма между глаголом и существительным, характеризующаяся глагольной семантикой.

Отметим, что сам девербатив, как правило, не всегда может быть эквивалентом высказывания, скорее, речь идет о семантически эквивалентном высказывании, в составе которого есть отглагольное существительное. Так, наряду с терминами *отглагольное существительное* и *девербатив*, Н.Г. Долженко обосновывает целесообразность использования термина *девербативный оборот*, трактуя последний как «особое синтаксическое образование, словосочетание более высокого порядка» [3, с. 43]. Сам девербатив является ведущим компонентом девербативного оборота: *Так что* ***вот мой совет*** *женщинам – не бойтесь демонстрировать свою хрупкость, это делает вас более привлекательными* [С. Тыркин. Супермодель Хелена Кристенсен: «Еда намного важнее искусства!» // Комсомольская правда, 2006.11.27]; ***Огромная просьба*** *ко всем, кто узнал в Даниле или его сестре своих знакомых, передайте им эту газету или позвоните в редакцию по телефону 257-34-35* [Я. Танькова. Сеть для двоих // Комсомольская правда, 2001.04.09].

Особенность девербатива – его способность репрезентировать целую ситуацию, событие или комплекс взаимосвязанных событий и ситуаций [2, с. 283]. Иначе говоря, в смысловом отношении он равен самостоятельным предикативным единицам [3, с. 42] и «при необходимости … может выступать в роли семантических эквивалентов целых высказываний, номинализируя их, обобщать серии умозаключений – и в таком компактном виде преобразовывать в тему сообщения любые развернутые высказывания» [11, с. 53]. Таким образом, денотатами девербативных оборотов, являются ситуации окружающей действительности [3, с. 43]. Рассматривая девербатив как эквивалент эксплицитного перформативного высказывания, исходим из словообразовательного понимания термина *эквивалент*, где эквивалентность относится к одинаковой семантике между образованной и производной формами [14, с.136], поскольку девербатив «всегда оказывается семантически отмеченным, маркированным благодаря своей связи с

мотивирующим глаголом» [7, с. 32]. Отглагольное существительное в таком ракурсе выступает как форма, способная к выражению перформативности и является семантически эквивалентной глагольной форме соответствующего перформативного высказывания. Перформативные высказывания, рассматриваемые Дж. Остином, понимались им как эквивалентные действию, поступку [10]. В данной статье перформативные предложения определяются как «высказывания в процессе совершения действия, которые вводят истинную пропозицию, отвечающую действиям и намерениям говорящего» [14, с. 460]. Перформативное высказывание включает в себя перформативную и пропозициональную части, последняя следует за перформативной и «указывает на предполагаемое, обязательное, желаемое, возможное или уже существующее положение дел» [6, с. 69]: Например, предложение ***Требую**, чтобы мне дали право учиться, не проводя опытов над животными* [Г. Агишева. Пусть память – нелегкая служба… // Труд–7, 2007.05.11] реализует речевой акт требования, перформативная (главная) часть которого содержит предикат, имеющий семантику требования, а пропозициональная, представленная придаточным изъяснительным, является информативной частью, в которой содержится суть требования.

Под девербативным эквивалентом эксплицитного перформативного высказывания в данной работе понимаем девербативную единицу: девербатив или девербативный оборот, в которых девербатив мотивирован ядерным глаголом эксплицитного перформативного высказывания и которая имеет равноценный иллокутивный эффект. Типологически, пользуясь предложенной О.А. Рассоловой классификацией, различаем следующие структурные типы девербативных эквивалентов эксплицитно-перформативных высказываний: «1) высказывания, в которых основная интенция говорящего репрезентируется отглагольным существительным, образованным от перформативного глагола; 2) высказывания, в которых основная интенция говорящего репрезентируется сочетанием имератив+отглагольное существительное, образованное от перформативного глагола; 3) высказывания, в которых основная интенция говорящего репрезентируется сочетанием глагола в форме 1 лица настоящего времени + отглагольное существительное, образованное от перформативного глагола» [12, с. 9]. В данном случае эквивалентами эксплицитно-перформативного высказывания является не само отглагольное существительное, а девербативный оборот.

Основная разница между эксплицитно выраженным перформативным высказыванием и девербативом состоит, прежде всего, в способе экспликации перформативности: в случае употребления девербативного эквивалента перформативный компонент выражается, в основном, имплицитно, в то время как эксплицитное перформативное высказывание непосредственно реализует прагматическую силу посредством входящего в его состав ядерного компонента, а именно перформативного глагола. Важным в особенностях экспликации перформативности девербативной конструкцией является то, что перформативность может быть выражена эксплицитно семантически не эквивалентным глаголом, который входит в девербативную конструкцию: *настоящей доверенностью* ***уполномочиваю*** и *настоящим* ***наделяю полномочиями***. В первом случае перформативность реализуется глаголом *уполномочиваю*, во второй, девербативной, конструкции глаголом *наделяю*, в то же время, оба высказывания являются перформативными с эксплицитным способом выражения. Подчеркнем, девербатив самостоятельно не может выражать перформативность эксплицитно; перформативность реализуется только в составе девербативного оборота, где функция экспликации эквивалентности действия

переходит к другому глаголу. Таким образом, при замене эксплицитного перформативного высказывания на его девербативный эквивалент эксплицитный характер выражения перформативности либо утрачивается, и выражение перформативности приобретает имплицитный характер, либо эксплицитный характер выражения реализуется за счёт глагольного компонента перформативного девербативного высказывания.

Девербатив может выполнять конструктивную функцию – «использоваться для изменения структуры речи – сворачивания пропозиции или, наоборот, ее разложения на составляющие с целью актуализации значимых фрагментов речи» [7, с. 30]. Таким образом, девербативная единица, выступающая эквивалентом перформативного высказывания, реализует прагматическую функцию изменения структуры высказывания, модифицируя, соответственно, и ее стилистические характеристики. Использование девербативной единицы как эквивалента эксплицитного перформативного высказывания позволяет избежать употребления формы 1-го лица и нежелательной директивности, дистанцироваться от реципиента, таким образом, снижается степень категоричности высказывания, однако сохраняется его пропозициональное содержание, поскольку «семантика девербативного оборота четко и определенно указывает на возможный (потенциальный) субъект» [1, с. 144].

Отметим, что особенности функционирования девербатива как эквивалента перформативного глагола также определяются его тема-рематическими функциями [15, с. 275], а именно его тяготением к позиции темы [11, с. 51]. В позиции темы девербатив может использоваться для обеспечения логической связи, с целью избежать повторов, может также выступать в позиции ремы как средство когезиии с целью фокусировки внимания реципиента [11, с. 53–54]. Последнее связано именно с производностью имени действия, поскольку «вторичность, неизосемичность формы создает внутреннее напряжение, повышает экспрессивный потенциал фразы, способствует реализации стилистической функции девербативов – подчеркиванию значимости события, усилению официального характера сообщения, даже созданию торжественности» [11, с. 54].

Таким образом, эквивалентность эксплицитного перформативного высказывания и мотивированной ядерным его глаголом девербативной единицы связаны отношениями оппозиции по категории «эксплицитность» – «имплицитность», тема-рематические функции высказывания и директивность.

Говоря о языковом статусе девербатива, обоснованно учитывать модель мотивации, тождественность которой мотивационным отношениям глагола и причастия, глагола и деепричастия является существенным аргументом в пользу признания девербатива субстантивной формой глагола [15, с. 274].

Под мотивированностью в данной работе понимаем «семантическую и структурную обусловленность одного однокоренного слова другим» [13, с. 254]. Типология мотивированности, достаточно полно освещенная, прежде всего, в исследованиях Е.А. Земской, И.С. Улуханова, И.А. Ширшова, представляет собой достаточно изученную тему, поэтому в нашей работе мы приведем принятую как рабочую типологию мотивации: основными двумя типами мотивации являются полная и частичная (подразделяется на метафорическую, косвенную и ассоциативную) [8, с. 201]. В случае эквивалентных девербативных единиц и эксплицитных перформативных высказываний речь идет только о полной мотивированности, при которой «производное словополностью включает значение мотивирующего (производящего слова)» [8, с. 200]. Под мотивированностью в нашей работе имеется в виду мотивированность ядерным глаголом эксплицитного перформативного высказывания ядерного элемента

девербативной единицы – девербатива. Полная мотивация подразделяется на основную и периферийную, в зависимости от того, на базе ядерного или периферийного значения производящего слова было образовано производное. Полная основная мотивация, в свою очередь, подразделяется на прямую и переносную (выделенные типы обусловлены характером соотнесения значений производящего и производного слов) [8, с. 200]. В случае девербативного эквивалента эксплицитного перформативного высказывания речь идет о полной основной прямой мотивации.

М. Докулил, а затем И.С. Улуханов предложили выделять три типа мотивации: мутационную, модификационную и транспозиционную. Мутационная мотивация объединяет слова, имеющие разные значения. Модификация представляет собой уточнение значения исходного слова в производном. Транспозиция – перевод слова из одной части речи в другую при полном семантическом тождестве [17]. Девербативы относятся к транспозиции, поскольку их концептуальное значение идентично значению мотивирующего слова, отличаясь только частеречной принадлежностью (*моя* ***рекомендация*** *= я* ***рекомендую***; *мое* ***требование*** *= я* ***требую*** и т. п.): ***Моя рекомендация*** *учителям, проверяющим сочинения: будьте милосерднее, не забывайте о реальных возможностях 17-летнего человека, требуйте от него связную, разумную работу, а не научное исследование* [А. Милкус. Читатели «Комсомолки»: 500 тем сочинений – это безумие! // Комсомольская правда, 2003.04.07]; Главное **мое требование** – Игорь Смирнов должен гарантировать беспрепятственный вывоз российского вооружения из Приднестровья и совместное осуществление таможенного контроля [П. Анохин. Владимир Воронин: «Мы наступили на хвост мафии» // Труд–7, 2002.03.15].

Рассмотрим эксплицитное перформативное высказывание ***Я Вам / тебе советую***. Его девербативным эквивалентом могут быть девербативные обороты *Мой Вам совет, мой тебе совет, вот Вам мой совет*, представляющие первый тип девербативных эквивалентов – девербативный оборот с ядерным элементом в виде отглагольного существительного, образованного от перформативного глагола: ***Мой вам совет****: вкладывайте в своих детей, в их образование и правильное воспитание* [Е. Арсюхин. В августе 1998 года Чубайс и Гайдар сознательно пошли на дефолт // Комсомольская правда, 2013.08.16]; *Я тебе в любой момент отдам любое предприятие. Но* ***мой тебе совет*** *– попробуй еще раз, после того как тебя хлопнули по лбу, ты получил бесценный опыт* [А. Веледницкий. Где работа – там и Родина // Труд–7, 2002.09.23]. В приведенных примерах перформативность выражается имплицитно. Представленная модель позволяет снизить степень директивности высказывания, смягчить его тон, сделать его более вежливым.

Также девербативным эквивалентом высказывания *Я тебе советую* может быть девербативный оборот, представленный моделью имератив + отглагольное существительное: *Светлана,* ***позвольте дать совет****: не верьте мужчинам, жалующимся на своих жен. Ответственность за отношения в семье лежит на обоих супругах* [А. Чеботарь. Не верьте мужчинам, жалующимся на жен // Труд–7, 2001.07.12].

Характерной особенностью некоторых девербативов, образованных от соответствующих перформативных глаголов директивной интенции, является их частотное употребление с однотипными или синонимичными прилагательными-интенсификаторами, которые увеличивают прагматическую силу выказывания: *У меня к вам* ***огромная просьба****: давайте в консерватории частные уроки не проводить* [Я. Тимофеев. В Петербургской консерватории появился антикоррупционный орган // Известия, 2014.05.14]; ***Настоятельная просьба*** *к таким руководителям: давайте*

лучше подумаем, как совместно решить проблемы газоснабжения населения области, обеспечения 100 процентов платежей в первом полугодии, как войти в следующую зиму без проблем [М. Иванова. Партнера ценят за надежность // Труд–7, 2003.04.01]; ***Большая просьба**, если у кого есть запасные бутсы нужного размера, поделиться* [С. Пряхин. Нападающий «Динамо» Дерлей: «Мог уехать в «Лацио» и «Бетис» // Советский спорт, 2005.01.12]; *Мой **настоятельный совет** водителям – изменить образ жизни за рулем и получать удовольствие от езды* [А. Фадеев. Дорожное безумие // Комсомольская правда, 2001.04.17]; *И еще **настоятельная рекомендация**: не покупать арбузы возле дорог, у торговцев с машин и вообще в местах «стихийной» торговли, которые никто не контролирует* [С. Володина. Круглый обман // Труд–7, 2004.08.19]; *Мое **жесткое требование** – никаких секретных заседаний!* [В. Ворсобин. Валентина Матвиенко: «Надо заканчивать с этим – все зажать и ужать» // Комсомольская правда, 2013.07.12].

Эксплицитно-перформативное высказывание *Я клянусь* может иметь девербативные эквиваленты типа: глагол в форме 1-го лица настоящего времени + девербатив: *Тем не менее я желаю от всей души, чтобы подобные гости избавили меня от своих визитов. А себе **я даю клятву**, что больше никогда не стану освещать океанские волны* [Л. Репин. Один в лодке. Не считая соковыжималки // Комсомольская правда, 2012.10.19], а также указательное местоимение + девербативный оборот (например, *Вот тебе моя клятва*), однако примеров употребления последней модели нами не было зафиксировано в газетном подкорпусе НКРЯ.

Перформативный глагол *обещать* в высказывании *Я обещаю* может иметь в качестве эквивалента девербативные обороты *даю обещание* (глагол в форме 1-го лица настоящего времени + девербатив), *это мое / наше обещание, вот мое / наше обещание*(именной девербативный оборот с указательным местоимением), при этом, в первом девербативном эквиваленте сохраняется эксплицитное выражение перформативности, тогда как в других из предложенных девербативных оборотов перформативность выражается уже не эксплицитно, а имплицитно:... *Неправильно? Что ж, **даю обещание** болельщикам, что со временем как следует выучу клубную историю* [А. Бодров. Один день с Майданой. Как приживается в команде аргентинский новобранец на турецком сборе? // Советский спорт, 2008.01.19]; *Я **даю обещание** жителям побережья Мексиканского залива, что BP выполнит свои обязательства по отношению к ним…* [М. Табак. Обама подтвердил согласие BP выделить $20 млрд на компенсации // РИА Новости, 2010.06.17]; *Внедрение европейских стандартов в Грузии продолжится быстрее, реформа армии продлится гораздо более эффективно. **Это наше обещание**, в первую очередь нашим людям, а затем – международному сообществу…* [В. Ягужинский. Вступление Грузии в НАТО: с мнением России придется считаться // Новый регион 2, 2007.10.05].

Отметим, что в ситуациях замены перформативного глагола глагольно-именным оборотом глагол *давать* становится глаголом-компенсатором (*клясться – **давать** клятву*, *советовать – **давать** совет*, *приказывать – **давать** приказ*, *разрешать – **давать** разрешение*, *рекомендовать – **давать** рекомендацию* и т. д.), передающим значение наклонения, времени, лица, числа, рода (в прошедшем времени), а абстрактное существительное называет действие, эксплицированное соответствующим перформативным глаголом.

Перформативное высказывание *Я (Вас / тебя) поздравляю* имеет девербативный эквивалент *мои поздравления*, отличающееся в определенной степени безличностью:– *Мой одноклассник Майк Уиттсток позвонил мне и сказал, что его дочь беременна*

*двойней. «**Мои поздравления** княгине Шарлен и Альберту!» – написал Дерек в своем «Твиттере». Окружение монаршей четы уже предвкушает, какие интриги последуют за рождением близнецов* [И. Суханова. Князь Монако Альбер и его супруга Шарлен ждут близнецов // Комсомольская правда, 2014.06.02]; *Он был моим персональным комментатором, и, конечно, мы стали свидетелями фантастического успеха вашей команды. **Мои поздравления!**...* [Майкл Макфол: «Я никогда не встречался с Навальным» // РБК Дейли, 2014.02.17], а также сочетание императива с девербативом: *Ну что ж, дорогие друзья, **позвольте поздравить вас** с началом Евро-2012* [Олег Винокуров о Евро-2012: «Евроремонт в красно-белых тонах» // РБК Дейли, 2012.06.09]; *В заключение, товарищ полковник, **позвольте поздравить** с наступающим профессиональным праздником, пожелать здоровья и новых книг* [Н. Долгополов. Гейне и Абель // Труд–7, 2004.12.18]; *Прежде всего **разрешите поздравить** всех и с победой, и с 20-летним юбилеем клуба* [А. Мехтиханов. Жирков сменил прописку // Советский спорт, 2011.11.07].

Эксплицитно-перформативное высказывание *Я выбираю* может иметь девербативным эквивалентом оборот глагол в форме 1-го лица + девербатив – *я делаю выбор*: *Поэтому я просто раз в месяц подбрасываю монетку, вытаскиваю из шляпы бумажки с названиями компаний либо отдаю это право питомцам Уголка дедушки Дурова. И, таким образом, **делаю выбор**, куда вложить свои деньги.* [Е. Беляков. Инвестиционный эксперимент «КП»: Предсказала обезьяна акций курс за полбанана // Комсомольская правда, 2012.09.18]; *Тренер команды – он ведь тоже родом из Болгарии. Все – **делаю выбор** в пользу болгарской колонии!* ... [А. Ванденко. «Пермские медведи» в гостях у лондонских «дачников» – круто!» // Советский спорт, 2009.08.18]; *... Раньше такого не было, а клуб бил все рекорды открытости... – Но это ж не **я делаю выбор**. Наверное, «Москва» стала неинтересна* [А. Локалов. Главный тренер «Москвы» Олег Блохин: Газзаеву обидно, что золотая гонка закончилась // Советский спорт, 2008.11.10].

Перформативный глагол *намереваюсь* имеет девербативный эквивалент *имею намерение* (глагол в форме 1-го лица настоящего времени + девербатив): *«... Вместе с одним российским банком **мы имеем намерение** приобрести пакет акций РТС, – цитирует Прайм-ТАСС представителя Европейского банка Ричарда Уоллиса. – Речь идет приблизительно о 10% акций. Этот проект был одобрен советом директоров ЕБРР»* [Биржевое окно в Европу // РБК Daily, 2010.07.26].

Использование данного девербативного эквивалента в некоторых случаях выполняет стилистическую функцию – позволяет создать «высокий» стиль: *В своем письме к Вам от 10 марта сего года я предупредил Вас о том, что **имею намерение** быть кандидатом в Президенты РФ в 2012 году* [А. Морокова. Лимонов написал открытое письмо главе ЦИК Чурову: «Вы невежливы, но вам не удастся меня отфутболить» // Новый регион 2, 2009.04.06]; *Как вспоминает отец Николай, все получилось просто, «без вздохов на скамейке». Он пришел к старцу Науму: «**Имею намерение** начать семейную жизнь. Благословите»* [Н. Ларина. Деятельная любовь // Труд–7, 2002.06.01]; ... ***Я имею намерение** вывезти с собой в Афганистан своих малолетних дочерей, чтобы они впоследствии также стали младшими женами Усамы бен Ладена* [О. Мусафирова. Я сама– Усама!.. // Комсомольская правда, 2001.12.01].

Заключение. Анализ работ, посвященных исследованию отглагольных существительных, позволяет утверждать, что в современном языкознании статус девербатива, относящегося к пограничной зоне класса имен существительных,

постепенно сдвигается в сторону глагольной парадигмы. В качестве девербативного эквивалента эксплицитного перформативного высказывания выступает преимущественно девербативный оборот с девербативом в качестве ядерного элемента. Для девербативного эквивалента эксплицитного перформативного высказывания характерна полная основная прямая мотивация, подразумевается мотивированность ядерным глаголом эксплицитного перформативного высказывания ядерного элемента девербативной единицы – девербатива.

Предикативность девербатива носит имплицитный характер, что определяет особенности его функционирования как эквивалента эксплицитного перформативного высказывания: использование девербативного эквивалента выражает перформативность преимущественно имплицитно, позволяет избежать директивности в высказывании и служит способом дистанцирования от реципиента. Использование девербативного эквивалента эксплицитно-перформатвиного высказывания может выполнять стилеобразующую функцию. Также более частотное использование девербативного эквивалента может быть обусловлено тем, что эквивалент представлен устойчивым выражением.

К дальнейшим перспективам исследования можно отнести изучение особенностей мотивационных отношений девербативов и их функционирования как эквивалентных эксплицитным перформативным высказываниям на материале текстов разных типов дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долженко Н.Г. Русское предложение с девербативным оборотом: дис. …докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н.Г. Долженко. – Екатеринбург, 2006. – 392 с. + Прил. (332 с.).

2. Долженко Н.Г.Семантические модели простых полипропозитивных предложений, отображающих ситуацию разнонаправленного движения / Н.Г. Долженко // Международный научный журнал «Символ науки». – 2016. – № 5. – С. 282–287.

3. Долженко Н.Г. Структурно-семантическое осложнение простого полипропозитивного предложения с девербативным оборотом / Н.Г. Долженко // Вестник угроведения. – 2012. – № 3(10). – С. 41–45.

4. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю.П. Князев. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 704 с.

5. Крюкова И.В Перформативное высказывание и перформативный глагол / И.В. Крюкова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2009. – № 4. – С. 60–63.

6. Купченко Ю.А. Перформативные формулы как генераторы более крупных контентов (на материале юридического дискурса) / Ю.А. Купченко // Новосибирский юридический институт томского государственого университета. – 2013. – № 8. – С. 65–72.

7. Мамонтова Е.Ю. Девербативы в англоязычной и русскоязычной публицистике (сравнительный анализ) / Е.Ю. Мамонтова. – Москва, 2012. – 218 с.

8. Мусатов В.Н.Типы мотивации производных слов / В.Н. Мусатов // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 4 (47). – С. 199–202.

9. Налобина Е.П.Семантико-синтаксические свойства девербативных и деадъективных существительных немецкого языка / Е.П. Налобина, И.В. Архипова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 4 (32). – С. 143–153.

10. Остин Дж.Л. Слово как действие/ Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике.Вып. 17. Теория речевых актов: [сборник / общ. ред. Б.Ю. Городецкого]. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–129.

11. Пчелинцева Е.Э. Аспектуальные признаки в отглагольных именах действия в русском, украинском и польском языках: дис. …докт. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое и сопоставительное языкознание» / Е.Э. Пчелинцева. – Санкт-Петебург, 2016. – 441 с.

12. Россолова О.А. Перформатив как координатор коммуникативного взамодействия и средство адресованности: автореф. дис. …канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / О.А. Россолова. – М., 2008. – 24 с.

13. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова – Изд-е 2-е,перераб. и доп. – М. : Научное издание «Большая Российская энциклопедия», 1997. – 722 с.

14. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова: Полтава : Довкілля-К, 2006. –716 с.

15. Шарандин А.Л. К вопросу о языковом статусе девербатива / А.Л. Шарандин // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 267–277.

16. Шарандин А.Л. Когнитивно-дискурсивные формы качественно-предикативных слов / А.Л. Шарандин // Язык. Текст. Дискурс. – Вып. 8. Ставрополь: СГПИ, 2010. – С. 427–442.

17. Dokulil M Tvorenislov v ceštine. I. Teorieodvozovánislov / M. Dokulil. – Praha : CAV, 1962. – 263 s.

Поступила в редакцию 01.03.2020 г.

DEVERBAL EQUIVALENTS OF EXPLICIT PERFORMATIVE UTTERANCES

E.V. Solovtsova

The article deals with modern linguistic approaches to the analysis of a deverbal noun and its linguistic status identification. The features of deverbal nouns as equivalents of explicit performative utterances and the peculiarities of the motivation between the performative verb and its deverbal equivalent are investigated.

Key words: deverbal noun, deverbal construction, explicit performative utterance, performativity.

Соловцова Елена Валериевна.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».
Преподаватель кафедры второго иностранного языка.
E-mail: elenasolovcova@yandex.ru

Solovtsova Elena Valerievna.
Gorlovka Institute for Foreign Languages.
Teacher of the Second Foreign Language Department.
E-mail: elenasolovcova@yandex.ru

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

УДК 81’373.611

ТИПОЛОГИЯ АББРЕВИАТУРНЫХ ГРУПП: ПРИНЦИПЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ

© 2020. ***В.А. Рязанова***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Работа посвящена описанию аббревиатурных групп, которые вошли в I том «Толково-словообразовательного словаря сложносокращённых слов русского языка». В работе проводится первичная типологизация групп по двум принципам – квантитативному и структурно-формальному. Выделены признаки, которые легли в основу типологии групп: частотность использования компонентов гнезда эквивалентности, характер деривационных отношений между ними, степень репрезентации элементов сложного слова и т.д.

Ключевые слова: аббревиатура, абброгруппа, гнездо эквивалентности, дешифровальная матрица.

Принципы типологии аббревиатурных групп, рассмотренные в работе, основаны на синхронно-эквивалентностном подходе к аббревиации, разработанном Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) [7].

Согласно данному подходу, предполагается (и подтверждается на практике) существование вокруг одной аббревиатуры совокупностирасчленённых эквивалентных единиц, формирующих вместес аббревиатурой **гнездо эквивалентности** (ГЭ). Например, в гнездо эквивалентности слова *жилучёт* входят эквиваленты *жилищный учёт*, *учёт на жильё*, *учёт на улучшение жилищных условий*, *учёт на получение жилья*, *учёт на улучшение жилусловий*, *учёт по жилью*, *учёт по улучшению жилусловий*, *учёт по улучшению жилищных условий*,*учёт улучшения жилищных условий*. В рамках подхода нивелируются деривационные отношения между словом и расчленённым эквивалентам в пользу констатацииих взаимообусловленногофункционирования в текстах. Отсюда следует, что изучаются как «истинные» аббревиатурные пары, образованные в результате сокращения словосочетания, так и языковые единицы, образованные на базе простых слов с помощью аббороморфем.

Представленные положения стали обоснованием для переосмысления сложившейся языковой ситуации в отношении к сложносокращённым словам. (появилась необходимость в создании словаря, в котором были бы отражены все эти моменты).

При работе над I томом «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка» (далее – «Словарь») было собрано более двухсот аббревиатурных групп. **Аббревиатурная группа** – это совокупность сложносокращённых слов, имеющих тождественный начальный конструкт. Например, все сложносокращённые слова, имеющие в абсолютном начале конструкт био-, объединены в абброгруппу «био». Аббревиатурные группы уже становились объектом исследования учёных (Ю. С. Дубковой [4], В. П. Антонова [1]), однако с разработкой синхронно-эквивалентностного подхода описание абброгрупп получило развитие в

работах В. И. Теркулова, А. И. Бровца, В. А. Рязановой, А. А. Рештаненко, К. Ю. Емельяновой, И. А. Устиновой, Е. С. Крестьяниновой и др.

Изучение функционирования отобранных гнёзд эквивалентности привело к обнаружению целого комплекса признаков, которые могут быть использованы при характеризации группы. Назрела необходимость в типологизации отобранного языкового материала с целью систематизировать имеющиеся знания об образовании и функционировании аббревиатурных групп. Этим определяется **актуальность** исследования.

Цель данного исследования – представить основные принципы, по которым может быть разработана типологизация аббревиатурных групп русского языка. В ходе анализа отобранных для «Словаря» аббревиатурных групп были выделены два таких принципа – квантитативный и структурно-формальный.

Квантитативный принцип описания абброгрупп предполагает учёт количественных характеристик групп, выявленных благодаря разработанной Лабораторией методике поиска языкового материала для «Словаря». Используемая методика предполагает подсчёт употребления языковых единиц (сложных слов и потенциальных синтаксических эквивалентов) в электронных текстах поисковой системы Google. Применение методики даёт представление, с одной стороны, о регулярности использования анализируемых языковых единиц, а с другой – о частоте использования сокращений по отношению к их расчленённым эквивалентам. На основе квантитативного анализа сформированы следующие типологии.

1. По соотношению частотности употреблений

Типология основана на учёте баланса индексов (БИ), который представляет собой частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений эквивалентного словосочетания. Баланс индексов < 1 свидетельствует в пользу большей частоте употребления словосочетания, а значит, по всей видимости, и о универбализационной природе появления аббревиатуры. В свою очередь, баланс > 1 свидетельствуето вторичном развёртывании сложного слова в словосочетание или о процессе псевдоуниверболизации – развёртывании словосочетания на основе простого слова с абброморфемой [6]. В зависимости от преимущественного показателя БИ во всех гнёздах эквивалентности выделяется несколько типов групп.

А) **универбализационные группы**. Таких в «Словаре» большинство: аббревиатурные группы образуются «стандартным» для сложного слова путём универбализации – трансформации расчленённой языковой единицы в нерасчленённую. При этом в гнёздах эквивалентности наряду со словосочетаниями-источниками отмечаются вторичные эквиваленты, развёрнутые на базе универбата: в совокупности они образуют большие ГЭ. Например, в гнездо эквивалентности слова *звуковоспроизведение* наряду с первичным*воспроизведениезвука* (БИ < 1) входят эквиваленты *воспроизведение звукозаписи*, *воспроизведение звуков*, *звуковое воспроизведение* с БИ > 1.

Б) **псевдоуниверболизационные группы**. Обнаруживаются целые абброгруппы, в гнёздах эквивалентности которых отмечаются балансы индексов только больше 1. Таковыми являются группы «дизайн» (*дизайн-студия*, *дизайн-макет*, *дизайн-бюро* и т.д.), «дисконт» (*дисконт-бизнес*, *дисконт-клуб*, *дисконт-купон*и др.). Бесспорно, элементы, выполняющие функцию конструкта (дизайн, дисконт), являются иноязычными заимствованиями. Вполне вероятно, что и сами слова с начальными элементами дизайн- и дисконт- были заимствованы и стали основой для образования словосочетаний.

В) **комбинированные группы**. В группах данного типа объединяются языковые единицы, образованные как в результате универбализации, так и путём развёртывания простого слова с абброморфемой по аналогии с «истинными» аббревиатурами. Таковой, например, является группа «агло»: группа представлена гнёздами эквивалентности, в которых балансы индексов не превышают единицу (*аглопроизводство – агломерационное производство*, *производство агломерата*), и гнёздами, в которых балансы индексов< 1 (*аглофабрика – агломерационная фабрика*).

2. По количеству употреблений

При работе над составлением «Словаря» был утверждён критерий частотности, в соответствии с которым для частотных аббревиатур минимально допустимое количество употреблений в поисковой системе Google равняется 500. В соответствии с частотой употребления языковых единиц можно выделить регулярные и окказиональные группы.

А) **регулярные аббревиатурные группы**. Данный тип групп является объектом описания «Словаря», поэтомук типу регулярныхотносятся все рассмотренные нами группы. Отметим, что в составе регулярных групп встречаются нечастотные, окказиональные единицы, – как сложные слова, так и словосочетания – не набравшие минимально допустимое число употреблений. Например, в ГЭ слова *авиавыставка* наряду с общеупотребительными *авиационная выставка* (48779 уп.), *выставка авиации* (4780 уп.), *выставка авиационной техники* (14333 уп.) и прочими отмечается существование нечастотного эквивалента *авиатехническая выставка*, который насчитывает всего 22 употребления. Такие единицы относятся группой по составлению «Словаря» к окказиональным [3].

Б) **окказиональные группы**. Поскольку в словник «Словаря» должны войти только общеупотребительные языковые единицы, окказиональные аббревиатурные группы не находятся в поле исследования «Лаборатории». Тем не менее, существуют целые группы аббревиатур, которые на данный момент не набрали достаточного количества употреблений. Таковой, например, является группа «венч» (*венчурный* – от англ. *venture* ‘рискованный’), в которой все аббревиатуры малоупотребительные: *венчбизнес* (55 уп.), *венчкапитал* (255 уп.), *венчинвестирование* (8 уп.), *венчфинансирование* (9 уп.) и т.д. При этом их расчленённые эквивалентами являются регулярными единицами: например, словосочетание венчурный бизнес (синтаксический эквивалент слова *венчбизнес*) уже в форме Им. п. набирает 81000 употреблений.

Структурно-формальный принцип основан на формальной соотнесённости минимальных смысловых единиц в гнезде эквивалентности – компонентов сложного слова (базиса и признака) и компонентов эквивалентных словосочетаний (составляющих словосочетание слов) и на структурном изменении этих компонентов, происходящемв процессе дешифровки. Исходя из этого, нами определены принципы типологии абброгрупп.

3. По возможностям трактовки начального компонента сложного слова.

Множественная дешифровка сложного слова приводит к тому, что его начальный конструкт в результате развёртывания может представлять разные типы деривационной трактовки. В соответствии со способом трактовки конструкта в исследованиях Лаборатории образовалась традиционная типология групп.

А) **аббревиатурные группы**. К этому типу относятся группы гнёзд эквивалентности сложных слов, тождественный начальный конструкт которых трактуется как аббревиатурный (то есть является равным части основы эквивалента).

Абсолютное большинство групп сложных слов, вошедших в первый том разрабатываемого «Словаря», представлено аббревиатурным типом: «авиа», «авто», «академ», «бак», «био», «борт», «вело», «ген», «гос», «евро», «жил» и многие другие.

Б) **гибридные аббревиатурно-композитные группы**, объединяющие гнёзда эквивалентности слов с гибридным конструктом. Под гибридным аббревиатурно-композитным понимается конструкт, который в результате развёртывания сложного слова в разные эквивалентные словосочетания может характеризоваться одновременно как аббревиатурный (то есть равный части основы слова) и как композитный (то есть равный целому слову) конструкт.ГЭ слова *звукооператор* отражает аббревиатурно-композитные отношения: в эквивалентных словосочетаниях *звуковой оператор* и *оператор звука* конструкт равен части основы слова *звуковой* или совпадает со словом *звук*. В разрабатываемом словаре аббревиатурно-композитные группы встречаются реже, чем собственно аббревиатурные, однако представляют довольно обширный пласт: например, группы «банд», «броне», «ветро», «взрыво», «газо», «грузо», «домо», «дымо, «жиро», «зерно», «квартиро», «командо», «крупо» и т.д.

В) **гибридные аббревиатурно-юкстапозитные группы**. От предыдущего типа данные группы отличаются существованием наравне с аббревиатурной трактовкой конструкта юкстапозитной трактовки, при которой конструкт полностью дублирует эквивалентное слово [5]. Данный тип представлен меньшим количеством групп: «кино», «декор», «дизайн», «кабель».

4. По характеру репрезентации базисного и признакового компонентов.

В качестве объекта описания «Словаря» выступают сложносокращённые единицы, включающие в себя частично сокращённые слова (*информбюллетень*), слоговые и инициально-слоговые аббревиатуры (*завкаф*, *агитАБ*). Разные типы сложносокращённых единиц по-разному репрезентируют слова, которые в эквивалентном словосочетании занимают базисную и признаковую позицию. Таким образом, по характеру репрезентации компонентов словосочетаний можно выделить следующие типы групп.

А) **группы слов с сокращённым признаковым компонентом**. В абсолютном большинстве аббревиатурных групп сложносокращённые слова соответствуют этому типу. Здесь реализуются две наиболее распространённые формальные модели развёртывания сложного слова: «прил1 + сущ1» и «сущ1 + сущ2» (где 1 – Им.п., 2 – Род.п.): *веломодель – велосипедная модель*, *модель велосипеда*; *бухотдел – бухгалтерский отдел*, *отдел бухгалтерии*; *бригврач – бригадный врач*, *врач бригады*; *артбаза – артиллерийская база*, *база артиллерии*; *избиркодекс – избирательный кодекс*, *кодекс избирателей*.

Б) **группы слов с сокращённым базисным компонентом**. Такой тип слов характерен для групп, в которых эквивалентные словосочетания имеют тождественную устойчивую синтаксическую конструкцию (как правило, такие словосочетания построены по схеме «сущ1 + сущ2»). В этом случае словосочетание в процессе универбализации ретранслируется в слово в прямой последовательности, вследствие чего сокращается стоящий в начале словосочетания базисный компонент. В первом томе «Словаря» обнаруживается всего 2 группы такого типа: «зав» (*завотделом – заведующий отделом*) и «зам» (*замдиректора – заместитель директора*).

В)**группы слов с сокращёнными базисным и признаковым компонентами**. Данный тип объединяет слоговые и инициально-слоговые аббревиатуры, вошедшие в словник создаваемого «Словаря». Как правило, рассматриваемый тип слов появляется в составе групп частично сокращённых слов с сокращённым признаком: *агитАБ*

(*агитационная авиабомба; агитационная бомба*), *биоГЭС* (*биогазовая электростанция*), *авиаспец* (*специалист авиации*), *артдив*[2] (*артиллерийская дивизия, дивизия артиллерии*) и т.д., однако обнаруживаются и целые абброгруппы такого типа: «каб» (*кабмин*; *кабинет министров*), «лик» (*ликбез*; *ликвидация безграмотности*).

Г) **группы слов с вариативностью способов репрезентации компонентов**. В гнёздах эквивалентности гибридных групп универбализация комбинируется со словосложением; в результате слово трактуется как сложносокращённое (с сокращённым начальным компонентом) и как композит/юкстапозит (с сохранённой основой начального компонента или с абсолютной его репрезентацией). Например, в слове *кинопросмотр* при сопоставлении с синтаксическими эквивалентами *просмотр кино* и *просмотр кинофильма* препозитивный компонент *кино-* трактуется как сокращённый конструкт и как целое слово.

5. По структуре дешифровальных матриц.

Появление множественности синтаксических эквивалентов обусловлено влиянием **дешифровальных стимулов** (**ДС**) – стереотипных моделей расшифровки сложного слова.Совокупность всех дешифровальных стимулов группы (собственно моделей, по которым возможно развёртывание всех сложных слов одной абброгруппы) составляет её **дешифровальную матрицу** (**ДМ**).

Ранее Лабораторией была разработана структурно-семантическая типология дешифровальных стимулов: в зависимости от того, в какой степени происходит репрезентация структуры и семантики сложного лова в образованном эквиваленте, исследователи выделяют презентативные, релятивные и модификационные дешифровальные стимулы [2]. Данная классификация применима для выработки типологии аббревиатурных групп.

А) **группы с презентативной дешифровальной матрицей**. В группах такого типа ДМ представлена только ДС презентативного типа, которые имеют обобщённую семантику и воспроизводят структуру сложного слова. Как правило, такие ДМ состоят из одного дешифровального стимула. В разрабатываемом «Словаре» такой тип ДМ встречается довольно часто: «академ» (ДС *академический*); «бот» (ДС *ботанический*), «грен» (ДС *гренажный*), «гум» (ДС *гуманитарный*), «деж» (ДС *дежурный*), «доп» (ДС *дополнительный*), «драг» (ДС *драгоценный*), «зап» (ДС *запасной*), «кибер» (ДС *кибернетический*) и т.д.

Б) **группы с релятивной дешифровальной матрицей**. Дешифровальные матрицы релятивного типа содержат дешифровальные стимулы, которые реализуют падежную или предложно-падежную форму и актуализируют грамматические значения числа и падежа, не заложенные в структуре сложного слова. Группы с собственно релятивной дешифровальной матрицей – редкое явление в «Словаре»: такому типу соответствуют группы «зам» (*замкомандира – заместитель командира*), «каб» (*кабмин – кабинет министров*) и «лик» (*ликбез – ликвидация безграмотности*).

В) **группы с комбинированной дешифровальной матрицей**. Как показывает анализ групп, вошедших в первый том «Словаря», дешифровальные матрицы содержат, как правило, несколько разнотипных дешифровальных стимулов. Обнаружены следующие разновидности комбинированных дешифровальных матриц.

• **презентативные ДС + релятивные ДС**

Такой вариант комбинированных дешифровальных матриц характерен для большого количества аббревиатурных групп: «агло» (ДС *агломерационный*, *агломератный*, *агломерированный*; *для агломерации*, *для агломерата*), «асбо» (ДС *абестовый*; *из асбеста*, *асбестом*), «бак» (ДС *бактериальный*, *бактерийный*,

бактерицидный; *бактерий*, *бактериями*, *набактерий*), «вещ» (ДС *вещевой*, *вещественный*; *для вещей*), «водо» (ДС *водный*, *водяной*; *для воды*) и т.д.

• **презентативные ДС + модификационные ДС**

В этой разновидности ДМ усложняется модификационными дешифровальными стимулами. Модификационный ДС порождает эквиваленты, формально более сложные, чем аббревиатура, и включает в словосочетание дополнительный ономасиологический признак, не выраженный в сложном слове (*админцентр – центрадмин*[1]*услуг*[2]) [2]. К группам с таким типом дешифровальной матрицы относим абброгруппу «био» (*биопрепарат – биологический препарат*, *препарат биологического происхождения*).

• **презентативные ДС + релятивные ДС + модификационные ДС**

Большинство аббревиатурных групп в разрабатываемом «Словаре» характеризуются такой дешифровальной матрицей: «авто» (*автозаправка – автомобильная заправка*, *заправка для авто*, *заправка для автомобилей*, *заправка для автотранспорта*), «авиа» (*авиаинженер – авиационный инженер*, *инженер авиации*, *инженер по обслуживанию авиационной техники*), «банд» (*бандлидер – бандитский лидер*, *лидер бандитов*, *лидер бандформирования*), «бензо» (*бензокультиватор – бензиновый культиватор*, *культиватор на бензине*, *культиватор с бензиновым двигателем*) и т.д.

6. По типу семантической коррелятивности.

Существование комплекса словосочетаний в гнезде эквивалентности обусловливает множественность трактовки сложного слова. Синтаксические эквиваленты имеют различающуюся семантику, поскольку дешифровальные стимулы мотивируют разную интерпретацию сложного слова. При сопоставлении вариантов интерпретации обнаруживается, что степень их семантического различия колеблется от незначительного до весомого. Этот показатель лежит в основе представленной ниже типологии групп.

А) **однозначные группы**. Репрезентативные дешифровальные стимулы, применяемые в однозначных группах, обеспечивают наиболее обобщённую трактовку сложного слова. В этом случае конструкт в сопоставлении с компонентами словосочетаний сохраняет тождественную семантику. Отметим, что применение релятивного ДС параллельно с репрезентативным приводит к изменению в ономасиологической модели сложного слова (как правило, меняется ономасиологический статус признакового компонента); семантика конструкта остаётся неизменной. К типу однозначных относится абсолютное большинство представленных в «Словаре» групп: «авиа», «агро», «арома», «альп», «астро», «бальнео», «бое», «броне», «ветро», «вибро», «жиро», «загран», «крупо» и т.д.

Б) **симультанные группы**. В ряде групп абброконструкт имеет параллельно существующие семантические корелляты – симультанты. Симультанные аббревиатуры, как правило, называют разные объекты действительности, которые в языковом пространстве имеют омонимичные средства выражения.Этот тип также представлен немногочисленными группами в «Словаре»: «авто» (*автокоррекция – автоматическая коррекция*, *автоматизированная коррекция*), «астро» (*астропрогноз – астрономический прогноз* и *астрологический прогноз*), «жен» (*женоубийца – убийца женщины* и *убийца жены*), «электро» (*электрогитара – электрическая гитара*, *электронная гитара*).

7. По объему дешифровальных матриц

Анализируемые группы демонстрируют разнообразный состав дешифровальных матриц. Как правило, чем сложнее по структуре дешифровальная матрица, тем больше

в ней отмечается возможных дешифровальных стимулов. По количеству отмечаемых для всей группы дешифровальных стимулов разработана типология.

А) **группы с простой дешифовальной матрицей**. К ним относятся группы, имеющие всего один дешифровальный стимул: «авар» (ДС *аварийный*), «акусто» (ДС *акустический*), «бот» (ДС *ботанический*), «гастроль» (ДС *гастрольный*), «грен» (ДС *гренажный*). Отметим, что группы с простой ДМ занимают незначительный объём в словнике разрабатываемого «Словаря».

Б) **группы с составной дешифровальной матрицей**. К таковым относим группы, в дешифровальных матрицах которых обнаруживается несколько (от 2 до 10) возможных дешифровальных стимулов. Именно этот тип составляет колоссальную часть среди словарных групп: «абон» (*абонементский*, *абонементный*, *абонента*; *абонентов*; *с абонентом*, *абонентный*, *абонентский*, *абонентского обслуживания*; *обслуживания абонентов*, *по обслуживанию абонентов*: 10 ДС), «агло» (*агломерационный*, *агломератный*, *агломерированный*, *агломерат*, *агломерата*, *для агломерата*, *агломерации, для агломерации*: 8 ДС), «армо» (*арматурный*, *армированный*, *армировочный*, *армирующий*: 4 ДС); «висло» (*с обвислым*, *с обвисшим*, *с отвислым*, *с отвисшим*: 4 ДС), «гор» / «го» (*города*, *городской*, *горсовета*: 3 ДС), «корм» (*для корма*, *для кормов*, *корма*, *кормов*, *кормовой*: 5 ДС) и многие другие.

В) **группы со множественной дешифровальной матрицей**. В этих группах количество дешифровальных стимулов, составляющих дешифровальную матрицу, превышает 10. Как правило, такие дешифровальные матрицы обнаруживаются в крупных группах с большим количеством ГЭ (поскольку чем больше в группе слов, тем больше появляется индивидуальных для конкретного слова стимулов дешифрования). В «Словаре» этот тип представлен бóльшим количеством групп, чем тип с простой дешифровальной матрицей: например, «агит» (*агитации*, *агитация*, *для агитации*, *по агитации*, *с агитацией*, *агитатора, агитаторов, агитаторский*, *агитационный*, *агитирующий*, *агитационного характера*: 11 ДС), «ад» / «адм» / «админ» (*административных дел*, *по административным делам*, *адимистративно-деловой*, *административно-правовой*, *администрационный*, *административного правонарушения*, *за административное правонарушение*, *административный проступок*, *админуслуг*, *административных услуг*, *государственный*, *комиссия*, *оказания административных услуг*, *оказания админуслуг*, *предоставления административных услуг*, *предоставления админуслуг*, *административного характера*: 17 ДС), «алко» (*алкоголизм*, *алкоголика*, *для алкоголиков*, *алкоголем*, *алкоголя*, *для алкоголя*, *из алкоголя*, *из-за алкоголя*, *к алкоголю*, *на алкоголь*, *на алкоголе*, *от алкоголя*, *про алкоголь*, *с алкоголем*, *алкогольный*, *алкогольная декларация*, *для алкозависимых*, *для зависимых от алкоголя*, *алкогольного напитка*, *алкогольных напитков*, *от алкогольных напитков*, *с алкогольными напитками*, *алкогольной продукции*, *для алкогольной продукции*, *по алкогольной продукции*, *с алкогольной продукцией*, *алкогольная промышленность*, *алкосодержащий*, *алкозависимость*, *алкогольная зависимость*, *лечения алкоголиков*, *лечения алкогольной зависимости*, *лечения от алкогольной зависимости*, *для лечения алкоголизма*, *для лечения алкоголиков*, *для лечения алкогольной зависимости*, *лечения алкозависимости*, *для лечения алкозависимости*, *для лечения от алкоголизма*, *для лечения от алкогольной зависимости*, *по лечению алкоголизма*, *по лечению алкоголиков*, *по лечению от алкоголизма*, *по лечению алкогольной зависимости*, *по лечению от алкогольной зависимости,на продажу алкогольных напитков*, *на продажу алкоголя*, *по продаже алкоголя,по производству алкогольной продукции*, *по производству алкогольных напитков*, *по производству алкоголя,на содержание алкоголя*: 52 ДС) и т.д.

Итак, аббревиатурные группы иногда становились объектом исследования учёных, однако с разработкой синхронно-эквивалентностного подхода описание абброгрупп вышло на новый уровень.

В результате анализа языкового материала, вошедшего в первый том «Толково-словообразовательного словаря сложносокращённых слов русского языка», были выделены два принципа, по которым возможно провести подробную типологизацию аббревиатурных групп – квантитативный и структурно-формальный. Квантитативный принцип основан на соотнесении количественных характеристик гнезда эквивалентности группы, таких как регулярность употребления единиц, частота использования сокращений по отношению к их расчленённым эквивалентам. Структурно-формальный принцип заключается в формальной соотнесённости разноуровневых смысловых единиц (конструкта, базиса, компонентов словосочетания) и их взаимодействии в ходе процесса универбализации.

Представленные принципы освещают разносторонние аспекты образования и функционирования гнёзд эквивалентности рассмотренных в ходе исследования групп. Предложенная типология отражает основные идеи синхронно-эквивалентностного подхода к аббревиации и может успешно применяться для исследований в области словообразования. Нами дан предварительный обзор материала I-го тома «Словаря»; в дальнейшем предстоит работа по составлению подробного типологического реестра всех аббревиатурных и гибридных групп, включённых в картотеку разрабатываемого «Словаря».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов В.П. Лингвистический статус элемента «нано-» в современном русском языке / В.П. Антонов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2012. – № 2. – С. 37–43.

2. Бровец А.И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова / А.И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г. Макеевка) / редкол. : Е.В. Горохов, Н.М. Зайченко и др. – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 51–57.

3. Емельянова К.Ю. Окказиональные сложносокращённые слова в деривационно-эквивалентностном подходе / К.Ю. Емельянова // Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность: Материалы I Международной научно-практической конференции (Донецк, 8 февраля 2018 г.) – Ч. 2 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 32–34.

4. Дубкова Ю.С. Семантико-прагматическая дифференциация словообразовательных ресурсов русского языка (на материале композитов с заимствованными основами авиа- и аэро-) / Ю.С. Дубкова // Русская филология. – 2011. – № 1–2. – С. 23–27.

5. Рештаненко А.А. Аббревиатурно-юкстапозитные гибридные гнезда / А.А. Рештаненко // Чтения молодых ученых: материалы IV Республиканской очно-заочной научно-практической конференции (Горловка, 12–13 апреля 2018 г.) – Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИ», 2018. – С. 309– 311.

6. Теркулов В.И. О разновидностях абброконструктов :аброэквивалент и абброморфема / В.И. Теркулов // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы 5 Международной конференции. – Краснодар, 2015. – С. 30–33.

7. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

Поступила в редакцию 27.02.2020 г.

TYPOLOGY OF ABBREVIATED GROUPS: PRINCIPLES AND IMPLEMENTATION

V. A. Riazanova

The article addresses abbreviated groups, which are included in Volume I of *the Explanatory and Word Building Dictionary of Complexly Abbreviated Words of the Russian Language*. A primary typologization of groups based on quantitative and structural-formal principles is presented. The typology is based on such features as frequency value of the use of nest components equivalence, the nature of derivative relations between them, the degree of representation of complex words elements.

Key words: abbreviation, abbreviated group, equivalence nest, decoding matrix.

Рязанова Валерия Александровна.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Магистрант филологического факультета.
E-mail: valeria.alesanovna@mail.ru

Riazanova Valeria Alexandrovna.
Donetsk National University.
Undergraduate of the Faculty of Philology.
E-mail: valeria.alesanovna@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ОНЛАЙН

© 2020. *Т.А. Вилюжанина*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены недостатки и преимущества использования сети интернет как способа осуществления психологического консультирования и психотерапии, ограничения и перспективы онлайн консультирования. С опорой на собственный опыт представлены особенности оказания психологической помощи на форуме, организации процесса интернет-консультирования.

Ключевые слова: онлайн консультирование, интернет-консультирование, психологическая помощь, психологические услуги на форуме.

Постановка проблемы. Современные технологии уже прочно вошли в нашу жизнь. И само существование современного человека невозможно представить без Интернета, который охватывает практически все сферы нашей жизни, и не удивительно, что и консультативная психология не могла оставить данное явление без своего внимания. Например, в России создана Федерация психологов-консультантов Онлайн, целями которой являются развитие теории и практики профессионального психологического консультирования (психокоррекции, психотерапии) онлайн, поддержка научных исследований и стандартов в этот области психологического консультирования. Растет издание книг, журналов и периодических публикаций в области психологического консультирования онлайн; разработка программного обеспечения в этой области.

В интернете по запросу «*психолог онлайн*» поисковая система Google выдаёт 27 200 000 результатов. Наиболее популярными ресурсами являются сайты, где психологи консультируют клиента в режиме онлайн и предоставляется возможность записи к психологу на личный приём. На основных интернет-ресурсах предоставлены различные виды психологических услуг: переписка через приватный чат (систему личных сообщений); запись на онлайн консультирование по Skype; запись на личный приём у психолога; возможность задать вопрос на форуме (в том числе анонимно); тренинги. Также на сайтах хранится архив вопросов и форумных тем, чтобы человек мог найти информацию по своей проблеме.

Начиная с 90-х годов XX века, как только появилась массовая доступность Интернета, многие психологи задались вопросом, каким образом можно использовать его для реализации практических задач. Сторонники нового перспективного направления очень быстро превратили предоставление психологических услуг онлайн в весьма прибыльный бизнес, поскольку на постсоветском пространстве данная деятельность не лицензируется, и ей может заниматься практически любой человек. При этом определить клиенту, с кем он имеет дело, очень трудно. В результате часто приходится сталкиваться с разочарованием в работе психолога, обидами на конкретного специалиста и обесцениванием эффективности всего спектра психологических услуг в Интернете. Поэтому у специалистов возникло множество опасений, связанных с методами и этическими аспектами этой формы работы, в том

числе защищенностью клиента, получением обратной связи, а также эффективностью оказываемой помощи. Такие опасения небезосновательны, поскольку непрофессиональные действия психологов-консультантов могут провоцировать вспышки агрессии, нарушать внутренние границы, вносить путаницу и усложнять без того шаткое психологическое равновесие травмированного человека [6].

Однако как приверженцы, так и противники нового метода консультирования сходятся во мнении о том, что так или иначе, но Интернет-консультирование неизбежно займет свою нишу в консультативной психологии. В целом соглашаясь с данной точкой зрения, хотелось бы проанализировать особенности этого вида психологической помощи, чтобы глубже разобраться в актуальном вопросе.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематика психологической помощи онлайн представлена рядом теоретических работ (Д. Ласло, Г. Истерман, А. Барак, Н. Шапира, В.Ю. Меновщиков и др.) и нашла отражение в прикладных исследованиях общих особенностей Интернет-консультирования (А.В. Зайчикова, В.Ю. Меновщиков), техник Интернет-консультирования (А. Барак, С.С. Можарова), форм (В. Рюмин, И.А. Лопатухина), супервизии (Е.И. Столовая) и др.

В нашем обществе, где психологическая наука только начала приобретать популярность, множество людей все еще имеют смутное представление о работе психолога. А когда о чем-то существует недостаток информации – в силу вступают различные догадки, легенды, мифы. Наше внимание привлекла исследовательская работа группы терапевтов, работающих под эгидой Международного общества по охране психического здоровья Online. Они составили список мифов, с которыми сталкивались в своей работе: «Онлайн терапия не гарантирует безопасность клиенту»; «Текста недостаточно, чтобы передать богатство человеческого опыта»; «Вмешательство в кризисную ситуацию невозможно онлайн»; «Эффективные онлайн консультации невозможны для лечения серьезных расстройств»; «Любой опытный психотерапевт может работать в сети» и т.д. [3]. В итоге этой работы у членов группы возникло понимание того, что действительно возможно в терапии онлайн, несмотря на распространенные мифы.

Большое внимание исследователи уделяют вопросам преимуществ и ограничений психологической помощи онлайн.

Отметим сначала «узкие» места такой помощи: психолог не видит клиента непосредственно, т.е. лишен возможности наблюдать его эмоции и поведенческие проявления; специалист не видит первой, самой естественной реакции клиента на вопросы, задания, упражнения; существует некоторая ограниченность психолога в подходах и методиках работы с клиентом; из-за необходимости излагать мысли в текстовом формате несколько ниже скорость консультирования.

В онлайн-консультировании невозможно классическое использование многих психотерапевтических методов, например, психодрамы, арт-терапии, гипноза.

Профессиональные психологи не работают онлайн со всевозможными зависимостями: алкогольной, наркотической, пищевой. Затруднена отработка новых способов поведения и навыков, выполнение упражнений по самостоятельной диагностике проблемы, дифференцированию переживаний, невозможно обучение саморегуляции.Чтобы быть эффективной, такая работа требует прямого контакта хотя бы на первых этапах, в таких случаях дистанционно проводят дальнейшую поддержку на этапе, когда клиент уже работает самостоятельно[2].

Однако данный вид психологической помощи имеет и ряд преимуществ по сравнению с традиционными формами. Интернет-консультирование обеспечивает

практически полную анонимность клиента и конфиденциальность, что важно не само по себе, а с точки зрения возникновения у него чувства защищенности, уверенности; клиенту не нужно выходить из дома, к тому же экономится время; оперативность связи(стороны связываются в удобное для них время и так часто, как это может быть целесообразно); возможность участников диалога в ходе набора текста более точно сформулировать свои мысли; возможность психолога работать одновременно с разными людьми (парами, семьями), находящихся в разных городах и даже странах и др. Для клиента очень важнойявляется расширение возможностей выбора специалиста, которому ему «подходит» по проблематике, методам работы, образованию и квалификации.Немаловажна для клиента и относительная дешевизна, поскольку консультант не несет расходов на аренду офиса, коммунальные услуги и другое [5].

Привлекательность консультирования в Интернете для психолога-консультанта связана с некоторыми особенностями сетевого общения: психолог свободен в планировании места и режима своей работы; оплата клиентом услуг психолога возможна с помощью систем интернет-банкинга; после встречи всегда готов протокол для анализа беседы [4].

В работах психологов также рассматриваются мотивы обращения клиентов к психологу через Интернет, которые были разделены на следующие группы: клиент считает, что его проблема небольшая и ему нужно только посоветоваться или узнать информацию; клиент проживает в населенном пункте, где почти невозможно найти психолога, а на работе есть доступ в Интернет; у клиента нет времени, нет возможности из-за болезни обратиться к психологу лично; клиент чувствует себя в большей безопасности или более свободно в общении в сети, чем «в реале».

Так, например, В.Ю. Меновщиков изучил причины обращения клиентов к форме Интернет-консультирования:

1. В Интернете не существует границ, что исключительно важно для маленьких городов и поселков, где психологическая помощь, как правило, представлена очень слабо.

2. Потенциальный клиент заочно может познакомиться с психологом, узнать о нем больше, почитать его публикации, вникнуть в стиль и манеру его работы, что позволяет клиенту выбрать «своего» терапевта.

3. Очень многие люди выбрали Интернет как основной коммуникативный канал, они предпочитают Интернет телевизору, телефону, радио. Т.е., сформировалась целевая аудитория, которая при появлении любого рода психологических проблем будет искать помощи именно в Интернете.

4. В Интернете клиент может получить помощь бесплатно или за меньшие деньги, что для большого количества людей – причина номер один в выборе формы психологической помощи.

5. Это помощь тем людям, которые по физическим (например, инвалидность) или психологическим (панические атаки, страхи, комплексы) факторам просто неспособны посещать психолога [4].

В эту категорию попадают также люди, проживающие в отдаленных местах, пожилые, больные, имеющие финансовые ограничения, и те, кто слишком застенчив, интровертирован или боится публичности (например, знаменитости и их семьи).

А. Барак описывает ключевые характеристики Интернет-консультирования и некоторые отличия от традиционного консультирования:

✓ Интернет-консультирование осуществляется через различные коммуникационные каналы, которые отличаются по параметрам синхронности

(синхронная или асинхронная коммуникация), способу (индивидуальная или групповая коммуникация), типу коммуникации (печатный текст, визуальная и голосовая коммуникации).

✓ Интернет-консультирование может практиковаться как дополняющий способ, способ, подключенный к процессу консультирования «лицом к лицу» или независимый процесс терапии. Во всех этих процедурах консультанты пытаются интегрировать оффлайн и онлайн терапевтический опыт в различных пропорциях и степенях изменений клиента. Методы Интернет-консультирования, нормы сессий, продолжительность взаимодействий у различных консультантов соответствуют их подходам, возможностям, особенностям клиентских проблем, каналам коммуникации, стоимости и другим профессиональным составляющим.

✓ Интернет-консультирование в основном базируется на текстовой коммуникации между консультантами и клиентами. Письмо как разговор с самим собой, свободный от терапевта, ощущается как более безопасный и защищенный способ. Клиенты находятся в их собственном привычном окружении, а не в офисе консультанта, и у них имеется возможность сохранить полную запись консультативных диалогов.

✓ Интернет-консультирование может предлагать индивидам краткосрочные или долгосрочные интервенции так же, как единичную консультацию.

✓ Интернет-консультирование применяет различные теоретические терапевтические подходы, методы и техники, также возможна их эклектическая комбинация.

✓ Интернет-консультирование позволяет сделать больше, чем единственный, стандартный и неизменный путь коммуникации, его альтернативные модальности также дают возможность различных взаимодействий и активностей, которые могут обогатить консультативный опыт и вклад в изменения клиента [1].

На основе личного опыта работы в сети В. Ильин отмечает,что психологическое консультирование онлайн вызывает меньше тревоги, чем при непосредственном контакте, и людям, у которыхесть трудностив установлении контактов, самопредъявлении, легче включаться в консультативный процесс дистанционно. Такой вид психологической помощи может быть как предварительным этапом перед личными встречами, так и полноценной формой помощи [2].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что подобные виды психологических услуг имеют большие перспективы, и клиенты все чаще будут отдавать им предпочтение. Задача же психологической науки – разрабатывать методологию такого вида помощи, практический инструментарий диагностической и психотерапевтической работы, адаптировать существующие методики под условия онлайн работы консультанта с клиентом. Именно при таком встречном движении клиенты получат возможность качественных услуг, а консультанты-психологи – смогут их предоставлять, опираясь на современные достижения науки и практики.

Отметим, что тема применения Интернет-консультирования является актуальной для современной консультативной психологии. В рамках этой статьи не оговаривается принципиальная возможность проведения полноценной психологической помощи онлайн, существуют достаточно аргументированные доводы «за» и «против» и дискуссия об этом далека от завершения [5]. Вместе с тем широкое распространение запросов на психологическое консультирование на ресурсах Интернета заставляет с вниманием отнестись к феноменам, которые возникают в ходе такой формы общения.

В данной статье мы поставили себе целью рассмотреть особенности проведения консультирования в Сети, его существующие трудности и возможности.

Изложение основного материала исследования. Всевозможные психологические форумы для привлечения пользователей и продвижение сайта привлекают психологов для консультирования. Таких ресурсов становится с каждым днем все больше. Анализ 10 наиболее популярных русскоязычных сайтов психологических услуг показал, что самыми популярными сегодня являются консультации через сообщения и форум (46%), на втором месте – консультации по Skype (37%), на третьем – психологические тренинги (17%).

Л.О. Андропова, эксперт по онлайн-консультированию, считает консультации в Skype наиболее удобной формой взаимодействия с клиентом, поскольку видеосвязь наиболее приближена к формату личного общения, и уточняет: онлайн-консультации не должны решать проблемы клинического характера. Работа по интернету ближе к технологии коучинга и помогает человеку самому справиться с возникшими трудностями под руководством профессионала.

Есть свои плюсы и минусы психологических услуг на форумах и специализированных сайтах. С одной стороны, когда человеку плохо, он может выразить свои переживания, общаясь в Сети с другими пользователями и специалистами, может получить поддержку и совет в трудную минуту. Однако если форум смешанный и выражать свое мнение могут все, то в результате получается «куча мала» из рекомендаций специалиста и жизненных историй форумчан. В этой «каше» трудно найти разумное зерно. Еще хуже, когда на сайте психологи получают баллы за консультацию пользователей. В результате по одной проблеме могут высказать свое мнение до десятка психологов, которые используют в своей работе различные теории и методы. Такой «виртуальный консилиум» предоставляет клиенту возможность выбрать самому свой диагноз и способы лечения. Все это вместе создает иллюзию психологической помощи. К сожалению, пользуясь таким «консилиумом», многие люди, которые остро нуждаются в помощи, так и не доходят до специалистов, продолжая заниматься виртуальным «мазохизмом» [6].

Психологическое консультирование на Донецком форуме для родителей «Кроха» (к сожалению, ныне не существующем) проводилось автором более пяти лет. Рубрика «Консультации детского психолога» в разделе «Консультации специалистов» на форуме давала родителям возможность восполнить дефицит информации, получить профессиональную психологическую помощь и вследствие этого стать более компетентными в преодолении трудностей, связанных с принятием и воспитанием ребенка. Однако есть еще темные пятна, которые мало обсуждаются.

Особенность форума заключается в том, что обсуждаемая проблема доступна для просмотра всем его участникам и гостям – все видят переписку клиента и психолога полностью. Работа консультанта с проблемой в рамках одной темы косвенно влияет на других посетителей форума. Многие из них получают помощь, сами не заявляя своих проблем, но читая обсуждения подобных тем другими участниками и специалистами. И здесь, как и в реальной психологической и психотерапевтической работе, введение правил консультирования является залогом успешной помощи.

Одним из главных принципов организации процесса интернет-консультирования является соблюдение четко заданных правил для всех участников. Правила размещены на каждой странице раздела, чтобы каждый участник форума мог с ними ознакомиться и принять, если он хочет участвовать в переписке со специалистом. Правила дают клиенту возможность четко понимать, как работает форум, чего он вправе ожидать от консультации, он знает, что его высказывания будут защищены и в диалоге с ним будет только профессиональный психолог. Есть и модератор, который должен следить за

соблюдением правила, находиться как бы вне собственно процесса, в то время как задача психолога – опираясь на правила, работать внутри процесса вместе с клиентом. Предложенные вопросы вызывают сильный эмоциональный отклик у других пользователей, читающих заявленные темы. Некоторые из них оставляют свои комментарии в обсуждении темы. Несмотря на то, что практически всегда их сообщения носят характер поддержки или являются высказываниями участников, которые оказались, по их мнению, в похожей ситуации, модератор в следующем сообщении в данной теме напоминает о правилах ведения темы и удаляет сообщения. Таким образом, диалог с заявителем темы сохраняется, а другие участники форума видят, что правила соблюдаются, никто не может нарушить переписку со специалистом. Благодаря этому люди легче доверяют свои непростые проблемы консультанту форума.

Целевая аудитория. В основном на форум обращаются матери. В редких случаях пишут отцы, бабушки или сестры. Это связано с тем, что именно мать более других включена в заботу о ребенке, посвящает ему основную часть своих дум и тревог. Некоторые признаются, как непросто было им сформулировать первое сообщение, создать свою тему и как долго они читали темы других участников. Некоторые уже давно задумывались о том, чтобы написать, размышляли над этим не один месяц и потом все же решились задать свой вопрос. Надо сказать, что само решение написать на форум уже является большим шагом в преодолении внутреннего психологического напряжения. Выход же в интернет-пространство, на первый взгляд анонимный и обезличенный, является возможностью перенаправить туда свои тяжелые чувства, посмотреть, какой будет реакция специалиста, убедиться, что такие чувства переносимые и принимаются как естественные. Это является своеобразным тренингом-подготовкой для дальнейших шагов в реальном пространстве коммуникации [7].

Техника работы на форуме определяется тем, что главным «рабочим инструментом» является написанное текстовое сообщение. Консультант не видит клиента, его мимики, позы, глаз, не слышит голоса, также, как и клиент не имеет визуального представления о консультанте. Работа строится только на основании письменно выраженного сообщения. Возможной становится именно техника работы со словом, его смысловым значением и чувственно-эмоциональной нагрузкой [7].

По нашему опыту, как правило, в начальном сообщении содержится или недостаточно информации о проблеме, или несколько пластов проблемы, описываемых достаточно кратко и часто сумбурно. Консультант, обосновывая свои трудности в понимании сообщения топикстартера, просит прояснить суть заявленной проблемы. Это приносит двойную пользу: с одной стороны, консультант получает больше необходимой информации для понимания общей картины, а с другой – сам топикстартер начинает пристально смотреть на свою проблему, проявляя какие-то факты и стороны, которые не так очевидны, но могут быть определяющими в понимании причин трудностей.

Работа непосредственно с первичным запросом включает в себя помощь в структурировании сути описываемой проблемы и выделении наиболее существенных моментов. Эта задача решается с помощью деления сообщения на содержательные части и комментирования этих частей с опорой на непосредственные высказывания клиента. При этом важно в ответе на первое сообщение обращать внимание на все его части, поскольку любая из них может стать ведущей на определенном этапе консультирования. Поэтому внимательный анализ каждого слова, оттенка предложения или группы фраз имеет решающее значение для эффективного диалога. В следующих сообщениях разворачивается непосредственно проработка проблем. Вопросы, которые

уточняют ситуацию, позволяют направить размышления клиента в то или иное русло и дают ему стимул по-новому взглянуть на проблему, выявить скрытые моменты, дополнительные факторы, которые не входили в область видения клиента, а теперь стали очевидными. Участники форума часто нуждаются в том, чтобы их поддержали в той непростой жизненной ситуации, в которой они оказались. В результате работы клиент понимает, что он не одинок в своих переживаниях, у него появляется пространство для этих переживаний, которое наполняется различными чувствами, они становятся «осязаемыми», и с ними теперь можно работать. Комментирование ситуации дает возможность участникам форума в простой и доступной форме получить знания о закономерностях психического развития ребенка, о важности контакта ребенка с матерью, о взаимовлиянии эмоций и чувств матери и ребенка и других психологических фактах и феноменах.

Основные темы обращений посетителей форума: проблемы детско-родительских отношений, отношений ребенка со сверстниками, братьями и сестрами; особенности эмоциональной сферы (агрессивность, повышенная тревожность, страхи); устранение негативных проявлений кризисов одного года, трех лет, семи лет, подросткового возраста (непослушание, упрямство, капризы); проблемы поведения ребенка (постоянные ссоры, грубость, ложь, воровство); вредные привычки, отсутствие интересов, зависимость от компьютера, лень; личностные особенности: чрезмерная застенчивость, несамостоятельность, неумение постоять за себя; помощь в решении школьных проблем (плохая успеваемость, невнимательность, отказ делать уроки, прогулы, нежелание идти в школу), конфликты с учителями и одноклассниками. Наибольшее количество составляют вопросы, касающиеся поведения ребенка. Родителей беспокоят ситуации, когда ребенка трудно приучить пользоваться горшком или когда ярко проявляются реакции протеста на те или иные родительские требования. Следующая волнующая ситуация, вызывающая потребность создать тему на форуме и проконсультироваться с психологом, – адаптация ребенка к детскому саду и готовность ребенка к школьному обучению. Актуально также беспокойство родителей по поводу взаимодействия ребенка с братьями / сестрами и сверстниками. Есть на форуме и отдельные темы, например, заявленные родителями детей с особыми потребностями; тема, касающаяся специфики взаимоотношений ребенка с отчимом; темы, в которых обсуждаются чувство вины матери за раздражение на ребенка и стыда за ребенка. Следует пояснить, что мы назвали только первичные обращения на форум. Часто в процессе работы выясняется, что вопросы родителей носят комплексный характер. Например, в процессе консультирования первоначальная тема, связанная с агрессивным поведением ребенка, может развернуться в обсуждение переживаний за его будущее, или это окажется тревога перед поступлением ребенка в школу, или развернется тема материнских чувств при взаимодействии с ребенком.

Консультирование, проводимое в Сети, должно быть скорее коротким, чем длительным. То есть оно должно быть направлено на решение проблем. В принципе условно можно говорить о кризисном консультировании, но все-таки в решении наиболее острых проблем Интернет пока не лучший вариант.

К достоинствам сети Интернет как средства осуществления консультирования или психотерапии относят то, что общение сначала проходит в письменной форме и уже это ставит клиента перед необходимостью вербализовать свою проблему. Он начинает ее как-то описывать, и это вроде бы хорошо, поскольку он уже начал с ней работать. Однако очевидно, что запрос клиента, как правило, прямо не связан с его проблемой, здесь постоянно возникают замещения, вытеснения и другие защиты,

которые искажают картину. Консультант лишен возможности оценить невербальные компоненты, из которых он может почувствовать, где возникают какие-то искажения, оказывается в неблагоприятной ситуации и может начать реагировать не эффективно, и клиент вернет обязательно ему это как профессиональный промах.

Именно в этом аспекте наблюдается основная ошибка в использовании данного метода. Многие люди, работающие в консультировании, нацелены на интерпретативный стиль ведения консультаций, то есть стараются раскрыть какое-то значение или помочь клиенту его раскрывать. Но в случае с Интернетом консультанты лишены многих возможностей, поэтому следует сфокусировать работу на поисках других способов, постараться построить коммуникацию с клиентом таким образом, чтобы вышли на передний план реальные проблемы, которые можно решать, т.е. активно и даже директивно участвовать в формировании этих целей. Не пытаться раскрыть то, что там стоит, потому что это скорее задача психотерапии, и здесь в сети возможна неадекватная реакция, которую мы, кстати, иногда наблюдали при попытке интерпретировать текст. У клиента возникает негативная реакция, с которой в реальной работе терапевт умеет справляться, и которую очень трудно скорректировать в сети. Клиент может просто отказаться работать. Ему это проще сделать, чем в ситуации реального контакта. У консультанта нет дополнительных средств воздействия. И интерпретативный вариант работы здесь, наверное, не подходит в принципе, хотя на него многие настроены. А нужен, видимо, поведенчески-когнитивный вариант работы, который предусматривает активную позицию психолога в смысле ведения клиента к решению задачи. Не стоит поэтому искать какие-то защиты, а стоит просто, вооружившись некоторыми методиками структурирования, вести человека так, чтобы запрос оказался таким, который бы «развязался». А после этого использовать различные методы: с опорой на ресурсы клиента, с опорой на те попытки решения, которые он принимал. А все, что касается именно исследовательского варианта работы, это, конечно, нужно переводить в очное консультирование. Если психолог понимает, что дальнейшая работа необходима, тогда остается действительно рекомендовать очную терапию.

В завершение необходимо отметить, что консультирование на форуме предъявляет особые требования к психологу. Среди них опыт практической работы в вербальной технике, знание основ кризисного консультирования, опыт личной терапии. Необходима и возможность супервизии коллег, и, разумеется, ресурс доступности интернет-пространства, что, в свою очередь, предъявляет высокие требования к собственной организации работы. Консультант должен обладать необходимыми программами (например, чат, электронная почта и т.д.), уметь быстро реагировать в случае необходимости на запрос клиента, иметь способность накапливать, хранить и использовать соответствующие веб-ссылки, возможности получать, хранить и защищать переписку с клиентами, хорошо владеть словом, уметь оказывать терапевтическое вмешательство, используя только текст, переходить от онлайн консультирования в режим работы «лицом к лицу».

Отметим, что бесплатная онлайн-консультация психолога вряд ли приведет ему новых клиентов. Дело в том, что те, кто ищет бесплатный совет психолога в Интернете и те, кто собирается обратиться за платной помощью к специалисту – это разные люди! Поэтому отвечая в двадцать девятый раз на вопрос «Как приучить ребенка к горшку?», вряд ли можно надеяться на то, что мы увидим автора вопроса на приеме в кабинете психолога. И дело не только в том, что у авторов вопросов ограниченные средства – ведь часто они могут обратиться за профессиональной помощью и в бесплатные службы. Скорее всего, их интерес к психологии скоротечный и они вовсе не планируют

обращаться за серьезной консультацией, будь она платной или бесплатной. Поэтому надо хорошо подумать, прежде чем заводить на своем сайте раздел «бесплатные консультации психолога онлайн» или публично предлагать такие консультации на популярном портале. Времени такие консультации будут занимать много, а отдачи от них будет гораздо меньше.

Однако, есть несколько причин для того, чтобы предоставлять бесплатные онлайн-консультации:

Практика. Для начинающего специалиста работа в качестве консультанта позволит немного освоиться, попрактиковаться и «набить руку». Однако здесь не стоит увлекаться – возможности действительно помочь человеку разовой интернет-консультацией очень невелики. Поэтому важно осознавать пределы своих возможностей, понимать, что возможно сделать, а что невозможно.

Позиционирование. Если психолог определился с выбором своей ниши, то онлайн-консультации помогут ему презентовать себя в качестве эксперта в своей области. Например, в качестве специалиста по адаптации ребенка к школе можно консультировать на семейных форумах или сайтах. Тогда психолога будут знать как специалиста по определенным вопросам, о нем будут вспоминать и рекомендовать, когда возникнет необходимость в таком специалисте.

Контент для сайта. Если у психолога есть сайт, он должен быть чем-то заполнен. Причем, чем больше на сайте содержания – так называемого контента – тем проще будет привлечь на него посетителей. Для кого-то проводить бесплатные психологические консультации онлайн может быть проще, чем писать статьи на психологические темы. Если же ограничить тематику консультаций, то появляется возможность одновременно позиционировать себя как эксперта в определенной области и постепенно наполнять сайт информацией по теме [1].

Таким образом, даже если бесплатные консультации и не приведут к психологу непосредственно клиентов, польза от них для психолога все же возможна. Однако нужно иметь в виду, что такое консультирование требует много времени и сил, а отдача от него совсем не большая.

Выводы. Степень этичности и экологичности консультирования в интернет-пространстве ниже, чем очного консультирования. Однако, Интернет-консультирование, при всех особенностях, ограничениях и недостатках метода, на сегодняшний день вошло в практику практической психологии и, на наш взгляд, в дальнейшем будет находить все большее применение.

Перспективы дальнейших исследований в области психологического консультирования (психокоррекции, психотерапии) онлайн связаны с разработкой, утверждением и реализацией стандартов профессиональной подготовки, переподготовки и супервизии в области психологической помощи онлайн, изучением общественного мнения, отношения потребителей интернет услуг, с целью экспериментальной проверки эффективности психологического консультирования и психотерапии в интернете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барак А. Интернет консультирование: уникальная практика / А. Барак // Психологическое консультирование Онлайн. – 2010. – №1. – С. 43–50.

2. Ильин В. Узкие места интернет-консультирования и терапии, как в них «пролезть», и «чем»? / В. Ильин // Психологическое консультирование Онлайн. – 2010. – №1. – С.63–68.

3. Кампос Б. Telepsychology и Telehealth: Консультирование в технологической среде / Б. Кампос // Психологическое консультирование Онлайн. – 2010. – №3. – С. 54–68.

4. Меновщиков В.Ю. Состояние и перспективы исследований консультирования и психотерапии в Интернете / В.Ю. Меновщиков // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 33. – С. 57–62.

5. Меновщиков В.Ю. Консультирование и психотерапия в сети Интернет: «За» и «Против» // В.Ю. Меновщиков // Психологический журнал. – 2010. – № 3. – 102–109.

6. Меновщиков В.Ю. Этические вопросы консультирования онлайн / В.Ю. Меновщиков // Культурно-историческая психология. – 2010. – № 3. – С.78–84.

7. Шабшин И. О психологических особенностях общения в интернете / И. Шабшин // Московский психотерапевтический журнал. – 2005. – № 1. – С. 162–164.

Поступила в редакцию 05.03.2020 г.

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL CONSULTING ONLINE

T.A. Vilyuzhanina

The article discusses disadvantages and advantages of the Internet as a way of providing psychological counseling and psychotherapy, as well as the limitations and prospects of online counseling. Based on the author's own experience, the features of providing psychological assistance at the forum, and the organization of online counseling are presented.

Key words: online counseling, psychological assistance, psychological services on the forum.

Вилюжанина Татьяна Анатольевна.
Кандидат психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: vilyuzhanina@mail.ru

VilyuzhaninaTatyana Anatolievna.
Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of Psychology.
E-mail: vilyuzhanina@mail.ru

УДК 159.922-057.875

МОТИВАЦИЯ ПРОФЕСИОНАЛЬНОГО САМОРАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ ДИСТАНЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

© 2020. *Ж.Г. Гаранина*
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»

В статье анализируется проблема мотивации профессионального саморазвития студентов, использующих дистанционные образовательные технологии. Представлены результаты эмпирического исследования мотивации саморазвития и саморегуляции студентов-психологов очной и заочной форм обучения. Проведен сравнительный анализ полученных результатов, на основании которого сделаны выводы о роли саморегуляции и мотивационной готовности к саморазвитию студентов в процессе дистанционного обучения.

Ключевые слова: саморазвитие, мотивация, дистанционные образовательные технологии, саморегуляция.

Введение. В современных условиях, предъявляющих высокие требования к качеству образования студентов высших учебных заведений, становится все более актуальной проблема исследования мотивации профессионального развития и саморазвития, побуждающей обучающихся к систематическому и осознанному повышению своего профессионального уровня.

В связи с расширением возможностей для организации различных форм обучения, особую популярность начинает приобретать дистанционное образование, позволяющее студентам осуществлять самостоятельную работу по овладению профессиональными знаниями, умениями и навыками. Данная форма обучения требует от студентов высокой мотивационной готовности к профессиональному саморазвитию, а также сформированных когнитивных и регулятивных умений.

Проблема дистанционного обучения рассматривается в работе А. А. Андреева, который отмечает, что основой данного процесса является самостоятельная познавательная деятельность обучающегося [1]. Дистанционные образовательные технологии способствуют раскрытию внутренних резервов студентов, а также данный процесс направлен на расширение возможностей коммуникации в процессе познавательной и творческой деятельности. Г. А. Бондаренко считает, что в процессе дистанционного обучения требуется учитывать психологические особенности студентов, стимулировать их к активной познавательной деятельности [2].

С. В. Панюкова при анализе дистанционных образовательных технологий выделяет в качестве принципов обучения: принцип определения учащегося как активного субъекта познавательной деятельности, принцип самоценности обучающегося, ориентации на саморазвитие и самообразование, опора на субъективный опыт учащегося, а также принцип учета индивидуальных психологических особенностей личности и развития у нее коммуникативных способностей [5].

Е. А. Парфенов, И. Т. Артемьев определяют проблему использования дистанционных форм обучения как стимулирование интеллектуальной активности обучаемых с целью повышения мотивации учебной деятельности в процессе выделения содержания обучения. Кроме того, авторы рассматривают необходимость

формирования в процессе дистанционного образования умений и навыков самообучения на основе создания более широкой системы дистанционных технологий и способов обучения [6].

А. В. Хуторской отмечает, что дистанционное образование должно использовать различные формы занятий, направленных на саморазвитие креативности, способности творческих подходить к решению учебных задач [8]. М. Л. Субочева разрабатывает специальную программу дистанционных занятий, направленных на развитие таких рефлексивных качеств студентов как самопонимание, самооценка, самоанализ и самоинтерпретация [7]. Как показывают наши исследования, профессиональное обучение студентов, использующих дистанционные технологии, основано на сформированной мотивационной готовности к профессиональному и личностному саморазвитию, высоком уровне рефлексии и саморегуляции [3].

Ю. В. Ефимова в качестве рекомендаций для саморазвития студентов в процессе дистанционного обучения выделяет создание положительного отношения учащихся к получению профессиональных знаний, благоприятных условий для развития познавательной активности студентов, а также формирование адекватной самооценки на основе применения способов саморазвития и самообучения, а также самоконтроля своей учебной деятельности [4].

Таким образом, анализ современных психолого-педагогических подходов к проблеме дистанционного обучения показывает, что данная форма требует от учащихся высокой мотивации к саморазвитию, способности к самоорганизации своей учебной деятельности, использованию творческого подхода к овладению профессиональными знаниями, умениями и навыками. Вместе с тем, вопрос о мотивации профессионального саморазвития студентов, использующих дистанционные образовательные технологии, остается недостаточно изученным, что и обусловило актуальность данного исследования.

Основная часть. Целью данной работы является изучение особенностей мотивации саморазвития студентов, обучающихся с использованием дистанционных образовательных технологий.

Описание выборки. Для исследования мотивации профессионального обучения и саморазвития студентов нами проводилось сравнительное эмпирическое исследование среди студентов-бакалавров 3-4 курсов заочной и очной форм обучения направления подготовки «Психология» Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Выборка составила 54 человека, из них 25 – студенты заочной и 29 – студенты очной формы обучения. Студенты-заочники проходят обучение с использованием дистанционных образовательных технологий и применением электронной образовательной среды. Основная часть занятий проводится в форме вебинаров, в процессе обучения активно используются электронные учебные пособия, презентации, контроль знаний студентов осуществляется с помощью электронного тестирования.

Процедура и методы исследования. Для изучения мотивации профессионального саморазвития нами использовался тест «Готовность к самопознанию и саморазвитию» Т. А. Ратановой, Н. Ф. Шляхта, опросник «Стиль саморегуляции поведения студентов» В. И. Моросановой, а также авторская анкета, направленная на выявления мотивов профессионального обучения и особенностей саморазвития студентов. Анкета включала в себя вопросы относительно особенностей мотивации, побуждающей студентов к обучению и саморазвитию, а также используемых практических способов саморазвития. Для обработки полученных данных использовались методы

математической статистики – t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ Пирсона.

Результаты, их интерпретация и выводы. Исследование мотивационных особенностей саморазвития, проведенное с помощью анкетирования показало, что у 43 % студентов очной формы обучения главным мотивом обучения является дальнейшее трудоустройство, у 34 % – мотивация саморазвития, у 32 % – интерес к психологии. Среди мотивов получения профессионального образования студенты заочной формы обучения называли потребность в саморазвитии (39 %), потребность в получении образования для дальнейшего трудоустройства (32 %), интерес к психологии (30 %). Таким образом, мотивы саморазвития занимают важно место в структуре мотивации профессионального обучения у студентов обеих групп.

Результаты исследования мотивационной готовности к самопознанию и саморазвитию по тесту Т. А. Ратановой, Н. Ф. Шляхты «Готовность к самопознанию и саморазвитию» показали, что средний уровень готовности к самопознанию студентов очной формы обучения составляет М = 4,9 баллов (σ =1,1), а готовности к саморазвитию – М = 4,5 баллов (σ =1,3). У студентов-заочников данные показали составляют М = 5,3 баллов (σ =1,4) и М = 4,4 балла (σ =1,2) соответственно.

Исследование регулятивных особенностей студентов с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения студентов» В. И. Моросановой показало, что средний уровень саморегуляции студентов очной формы обучения составляет 28,2 баллов (σ =1,7), что соответствует средним показателям уровня развития данных регулятивных качеств. Показатели саморегуляции студентов-заочников составляют 34,2 балла (σ =1,4), что выше средних значений для данной возрастной группы. Полученные по двум методикам данные отражены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительные характеристики мотивации и саморегуляции студентов

Компоненты самосознания	**Студенты очной формы обучения**		**Студенты заочной формы обучения**		**t-критерий Стьюдента**
	M	**σ**	**M**	**σ**	
Мотивация самопознания	4,9	1,1	5,3	1,4	1,1
Мотивация саморазвития	4,5	1,3	4,4	1,2	0,6
Саморегуляция	28,2	1,7	34,2	1,4	2,1*

Примечание. * — значимость различий при $p \leq 0,05$

Как видно из таблицы 1, между двумя группами студентов статистически значимые различия выявлены по уровню саморегуляции ($p \leq 0,05$), что свидетельствует о более высокой сформированности регулятивных качеств у студентов-заочников, использующих дистанционные образовательные технологии. Полученные результаты показывают, что студенты-заочники более самостоятельны, используют осознанные способы достижения поставленных целей, легче овладевают новыми видами деятельности и имеют более стабильные результаты.

Для выявления взаимосвязей между мотивационными и регулятивными особенностями студентов нами использовался корреляционный анализ. Его результаты показывают, что у студентов очной формы обучения мотивационная готовность к саморазвитию статистически значимо связана с саморегуляцией ($r = 0,547$ при $p \leq 0,01$).

У студентов-заочников также выявлена значимая взаимосвязь между уровнем саморегуляции и готовностью к саморазвитию ($r = 0{,}418$ при $p \leq 0{,}05$). Также у студентов заочной формы обучения выявлена взаимосвязь между готовностью к самопознанию и саморегуляцией ($r = 0{,}38$ при $p \leq 0{,}05$). У студентов очной формы обучения данная связь не является статистически значимой.

Анализ полученных результатов показывает, что студенты как очной, так и заочной форм обучения, имеют высокую мотивацию к саморазвитию и самопознанию. Вместе с тем, уровень сформированности регулятивных качеств студентов-заочников значимо выше, чем у студентов-очников, что может быть обусловлено их сформированной мотивационной готовностью к самостоятельному обучению и саморазвитию на основе использования дистанционных образовательных технологий.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что студенты, использующие дистанционные образовательные технологии, обладают высоким уровнем мотивации к саморазвитию и самопознанию. Готовность к саморазвитию занимает одно из значимых мест в структуре мотивации профессионального обучения студентов-психологов и является основой для осуществления осознанной саморегуляции, направленной на самостоятельное и систематическое профессиональное образование. Таким образом, профессиональное обучение с использованием дистанционных образовательных технологий требует от обучающихся сформированной мотивации профессионального саморазвития, навыков самоорганизации, саморегуляции и самоконтроля, а также способности к осознанному и планомерному достижению поставленных целей.

В связи с широкими перспективами развития системы дистанционного образования, необходимо уделять особое внимание формированию у студентов, обучающихся в данной системе, мотивации, направленной на саморазвитие и самосовершенствование своих профессиональных качеств и способностей. С этой целью необходимо использовать в процессе дистанционного обучения активные методы, направленные на стимулирование познавательных интересов и творческих способностей обучающихся, а также осуществлять обратную связь, позволяющую учитывать индивидуально-психологические особенности студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. А. К вопросу об определении понятия ДО / А. А. Андреев // Дистанционное образование. 1997. – № 4. – С. 16–19.

2. Бондаренко Г. А. Проблемы подготовки педагогических кадров дистанционным обучением / Г. А. Бондаренко // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2015. – № 32. – С. 160–164.

3. Гаранина Ж. Г. Профессиональное саморазвитие будущих специалистов в процессе обучения в высшей школе / Ж. Г. Гаранина // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2 (22). – С. 40–48.

4. Ефимова Ю. В. Принципы стимулирования саморазвития информационно-коммуникационной компетентности студентов в процессе обучения в вузе / Ю. В. Ефимова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 8-3. – С. 712–716.

5. Панюкова С. В. Концепция реализации личностно ориентированного обучения при использовании информационных и коммуникационных технологий / С. В. Панюкова. – М.: Изд-во ИОСО РАО, 1998. – 124 с.

6. Парфенов Е. А., Артемьев И. Т. Предпосылки саморазвития личности в дистанционном обучении иностранному языку в контексте личностно-ориентированного обучения / Е. А. Парфенов, И. Т. Артемьев // Дистанционное и виртуальное обучение. – 2013. – № 12 (78). – С. 25–37.

7. Субочева М. Л. Психолого-педагогические аспекты дистанционного обучения педагогов в системе постдипломного образования / М. Л. Субочева // Среднее профессиональное образование. – 2012. – № 12. – С. 36–38.

8. Хуторской А. В. Модель образовательной среды в дистанционном эвристическом обучении / А. В. Хуторский // Интернет-журнал «Эйдос». – 2005. – № 4. – С. 2. Режим доступа:: http://elibrary.ru/item.asp?id=21696600 (дата обращения 30.01.2020).

Поступила в редакцию 31.01.2020 г.

PROFESSIONAL SELF-DEVELOPMENT MOTIVATION OF UNIVERSITY STUDENTS USING DISTANCE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

Zh. G. Garanina

The article deals with the problem of professional self-development motivation of students using distance educational technologies. The results of an empirical study of the motivation for self-development and self-regulation of students are presented. A comparative analysis of the results is carried out, on the basis of which conclusions are drawn about the role of self-regulation and motivational readiness for self-development of students in the process of distance education.

***Key words**:* self-development, motivation, distance educational technologies, self-regulation.

Гаранина Жанна Григорьевна.
Кандидат психологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: garanina23@mail.ru

Garanina Zhanna Grigorievna.
Candidate of Psychology, associate professor.
National Research Ogarev Mordovia State University.
Associate Professor of Psychology Department.
E-mail: garanina23@mail.ru

УДК 159:130.122

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ДУХОВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА

© 2020. *И.П. Зенченков*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проводится анализ представлений отечественных исследователей о феномене духовности и его возможной связи с психикой человека. С самого начала исследование этого феномена происходило с позиции религии. Приблизительно с конца XX века духовность рассматривается как качество или свойство психики, которое формируется у человека. В это же время духовность стала предметом исследования в самой психологии. В психологии феномен духовности исследуется как: составляющая психики человека; основа структуры психики человека. Попытки понять и проанализировать феномен духовности продолжаются.

Ключевые слова: духовность, дух, человек, психика, проявление, глубинное, потенциал.

Введение. Анализ отечественной научной психологической литературы показывает, что работа над проблематикой духовности активизировалась во второй половине XX столетия. Эта проблема была поставлена как результат принятия во внимание ряда факторов, среди которых: осознание, что вне зависимости от того, насколько будет технологическое и экономическое развитие, счастье человека, его смысл жизни определяются другими составляющими в жизни; продолжающаяся работа над решением проблемы сущности человека и его феномена; попытки решения проблемы понимания человека с точки зрения современной науки; попытки решения проблематики духа, духовности, человечности, души с позиции современной антропологии; попытки решение проблемы сущности человека с позиции целостного психологического знания; попытки понимания феномена духовности относительно позиций современной научной психологии, пытающейся пересмотреть исторический опыт и преодолеть разорванность знаний по отдельным нерешённым проблемам и вопросам и т.д.

Проблема духовности остаётся трудной и нерешённой, несмотря на большое количество попыток её решения. В психологии существует множество вопросов и проблем, которые продолжают решаться в настоящее время, однако проблема духовности остаётся под постоянным и не ослабляющимся вниманием. В решении этой проблемы переплетаются между собой огромное количество подходов. Например, от попыток рассмотрения на основе житейских взглядов и заканчивая строгими научными подходами.

Основная часть. Целью статьи является теоретический анализ подходов и понимания феномена духовности человека в психологии.

Задачи: 1) провести исторический обзор изучения понятия духовности в научной психологической литературе; 2) провести анализ понимания феномена духовности в человеческой психике.

В науке имеется множество подходов к трактовке духовности и её содержания, и содержания разнообразных процессов, связанных с нею. Например, духовный потенциал, духовный мир, духовное производство, духовное возрождение и др. Эти термины используются для описания различных процессов, которые связаны с культурой, обществом, а также с самим человеком.

На современном этапе в самой психологии имеется неоднозначное понимание проблемы духовности, которая требует дальнейшей доработки и анализа. Так, в конце

XX столетия в отечественной науке появилось множество понятий – словосочетаний с понятием духовности. Эти словосочетания использовались в различных науках, но при этом проявилась определённая направленность понимания духовности. Прежде всего её связывают с религией, а также относят к сознанию или свойству психики. Начали появляться работы, в которых под понятием «духовность» подразумевается что-то глубинное в человеческой психике. Также, иногда, духовность понимают, как особое отношение человека к самому миру и к самому себе. В тоже время, это понятие относят к мировоззрению, его компонентам или свойствам. Духовность связывают с самыми высокими проявлениям психики или уровням психики [5]. В психологической научной литературе исследователи обращают внимание на то, что духовность может трактоваться и как определённая закономерность развития психики, целостного развития, некоторая специфика развития [1, 12].

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев отмечают, что понятие «духовность» является своего рода проекцией личности. Также они считают, что это понятие может быть родовым проявлением в жизни человека, проявлением человеческого рода в историческом и культурном плане, т.е. духовность человека связывает его со всем человечеством в истории и культуре. По их мнению, исследование множества психологических проявлений даст возможность уточнить понятие «духовность», а также определить необычные свойства, качества психики [12].

В отечественной психологии появляются новые течения и тенденции к изучению духовности, ведётся множество разносторонних исследований. Духовность является одним из предметов исследования в аксиологическом и гуманитарном подходах.

Так, В.П. Зинченко и В.И. Слободчиков рассматривают духовность как личностные проявления, а именно, как личностный рост, самовыражение, саморазвитие, самосовершенствование, самопознание и др. Духовность стала рассматриваться как внутренняя сущность личности и её дальнейшего роста. Во многих исследованиях стала отображаться мысль о том, что духовность необходимо связывать с практической деятельностью. При этом отмечено, что эта деятельность осуществляется благодаря усилиям, направленным на внутренний рост, самовыражение, самосовершенствование, самореализацию и т.д. [7, 12]. Стала выражаться мысль о том, что духовность можно представить, как особую деятельность или в виде особого органа, наподобие внутреннего «глаза», посредством которого человек может воспринимать и отображать окружающий мир, осознавать и осмысливать. В.П. Зинченко указывает, что может возникнуть и такое состояние как духовная слепота, и она появляется при отсутствии в т.ч. свободы. Исследователь считает, что только при свободе может происходить развитие духа и проявление духовности. Во всём этом осуществляется и развитие человека. При этом, по его мнению, свободой человеку необходимо и владеть, и в то же время её контролировать [7].

По мнению А.З. Арабаджана, духовность является осознанием себя во взаимосвязи с окружающим миром. При этом, в зависимости от степени духовности, могут быть соответствующие степени осознания: бедная, богатая и т.д. Исследователь считает, что истоком духовности является мысль. Только благодаря проявлению мысли может осуществляться процесс самопознания. В этом процессе проявляются другие чувства психики человека. Комплексное взаимодействие воли, разума и чувств дают высшее проявление духовности – совесть [3].

Некоторые авторы указывают на то, что духовность – это внутренний мир, внутренняя жизнь человека. При этом внутренний мир имеет множество проявлений: сознательная целостность; проявления каких-либо сторон индивидуальности. Б.В. Сафронов, Л.Н. Дорогова считают, что духовность имеет два плана: внешний мир

– широкий; внутренний – узкий. В узком плане человек может осуществлять деятельность по изменению самого себя внутреннего: рост, саморазвитие, достижение истины, самосовершенствование [10].

В некоторых работах духовность рассматривается как своего рода выход за пределы внутреннего психического мира человека [12]. Эта мысль присутствует в работах С.Л. Рубинштейна.

По мнению В.А. Петровского один человек может находиться в другом в виде формы общения. Так, человек, благодаря своей активности в общении, может производить в другом человеке или в других людях преобразования. В преобразовательной деятельности в других людях осуществляется личностный вклад в жизнь людей, тем самым человек продолжает своё существование в других людях. По мнению исследователя, у человека существует определённая потребность быть в других путём внесения своего личностного вклада в их жизнь. Тем самым мера этой потребности определяет степень проявления духовности [9].

В.А. Петровский также предлагает модель духовного становления, которая заключается в том, что развитие человеческого Я должно происходить при взаимодействии с проективным образом в виде ТЫ. ТЫ образуется в результате отображения Я в другом. Это предстаёт в виде наблюдения себя в зеркале. Человек (в виде Я) наблюдая в другом человеке отражённое Я, старается преодолеть возникающие различия в собственном восприятии и восприятии другого [9].

Также духовность рассматривается как своего рода слой сознания. По мнению А.Г. Спиркина в психике человека имеются свои «духовные слои». В каждом слое присутствует определённый уровень культуры. В самом нижнем слое духовности содержится народная культура, семейная культура, национальная культура, обычаи, традиции. К самым высоким слоям относятся высшие достижения культуры, науки, знаний. Верхний слой формируется под постоянным действием искусства, религии, политики, философии и т.д. Складывающееся мировоззрение человека представляет собой духовную центральную часть. Она обновляется во взаимоотношениях человека с внешним миром, когда его внимание выходит за границы внутреннего мира. Мировоззрение представляет собой сосредоточение многих психических процессов в определённом слое под действием самосовершенствования, самопознания, самовыражения, самосознания и т.д. [13]. В этом процессе происходит проявление духовности в виде ценностей, норм, требований, и др., всё то, что определяет смысл жизни. Кроме этого, это подкрепляет к дальнейшим поискам смысла жизни и нахождения места в жизни.

В.П. Зинченко акцентирует внимание на существовании духовного слоя в человеческой психике, в виде рефлексивного и бытийного слоёв. Бытийный слой сознания формируется на основе так называемых биодинамической и чувственной ткани сознания. На уровне рефлексивного слоя основными элементами предстают значение и смысл. В совокупности смысл и чувственная ткань образуют и передают человеческую субъективность, которая проявляется через духовный слой [6].

По мнению К.А. Абульханово-Славской построение сознания происходит в тесном взаимодействии внутреннего Я с внешним миром и во взаимодействии с другими людьми [1]. И в этой связи Л.И. Анцыферова отмечает, что для любого человека иной человек может быть отражением его человечности [2]. Согласно В.П. Зинченко, сознание человека формируется не по строгим этапам, а в результате единого целостного действия во всех его составляющих. Причём это действие осуществляется не в каком-либо возрасте и по определённым алгоритмам или законам, а в течение всей человеческой жизни. Исследователь считает, что духовный слой

сознания человека представляет свои закономерности развития, которые невозможно отобразить на плоскости, поскольку он представляет собой «вертикальное измерение» сознания. Само сознание человека представляет собой сложную структуру, не имеющую определённого фиксированного центра, поскольку центр может изменять своё положение. Лёгкость смены положения центра определяет высоту духовной вертикали, находящейся в сознании. Причём смена центра в сознании необходима, т.к. она показывает, насколько сознание может быть обширным и открытым. При этом для самосознания необходимо самопознание [6].

Б.С. Братусь понимает духовный слой как то, что помогает человеку осознавать и понимать себя существом, продолжающим свою жизнь после смерти. Истоки духовности находятся в человеческой культуре, которая оказывает непосредственное влияние на душу. В религии под душой подразумевается бессмертная сущность человека. В понимании учёного она представляет собой в виде нравственной категории, а духовность – это проявление одной из сторон души. Дух является высшим выражением души, которое невозможно измерить или диагностировать какими-либо методами или способами. Однако учёный считает, что для изучения и исследования духовности необходимы методы и способы, которые применяются в религии. Так, с помощью религии осуществляется внутренне ориентирование и стремление личности к чем-то высшему. Это объясняет желание и потребность человека искать свой смысл жизни, вне зависимости от того существует ли для него угроза жизни или нет. В научном понимании в психологии изучение человека и его деятельности осуществляется в «горизонтали» и времени, без каких-либо других измерений. Он заключает, что необходимо связывать «вертикаль» и «горизонталь» сознания, поскольку сама жизнь заставляет осуществлять поиск смысла и осознание его, а сам смысл подталкивает к осуществлению деятельности по его исполнению [4].

Ещё более приближение к религиозному пониманию духовности можно увидеть у В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева. По их представлениям духовность представляет собой высшее выражение души, причём она свободна от тела и от психических структур [11]. Авторы ссылаются на философские взгляды И.А. Ильина, который считал, что душа и тело не могут быть свободными друг от друга, они взаимосвязаны между собой законами природы и времени. Только дух человека может быть свободным. Человеку доступно умение выражать своё внутреннее содержание, причём, независимо от жизненной ситуации. Человек своё внутреннее содержание может анализировать, осознавать, понимать, принимать или наоборот [8]. В этой связи В.И. Слободчиков и Е.И. Исаева считают, что духовность представляет собой любовь, которая выражается по отношению к совершенству, саморазвитию, по отношению к своему долгу. Духовность человека и его дух ориентируют человека на ответственное принятие нравственных норм и ценностей общей культуры, в дальнейшем они становятся не только его внутренними нормами и ценностями, но и ориентирами в дальнейшей жизни. Человек становится настолько духовным, насколько он способен принять в свой внутренний мир нравственные нормы и ценности общей культуры [11].

Заключение. В настоящее время в науке имеется множество подходов к трактовке духовности и её содержания. Во второй половине XX столетия в отечественной науке появилось много представлений, так или иначе связанных с понятием духовности. В психологии существует ряд попыток сформировать понимание духовности, однако оно требует дальнейшей доработки.

В психологической литературе «духовность» часто понимается как неотъемлемая часть психики, её выражение, как что-то глубинное в человеческой психике. Кроме

этого встречаются работы, в которых духовность трактуется на основе религиозного мировоззрения. Несмотря на неоднозначность взглядов и различие подходов к исследованию духовности, многие авторы сходятся в том, что духовность связана с психикой человека и выражает его внутреннюю сущность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности: избранные психологические труды / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Изд-во НПО «МОДЕК», 1999. – 224 с.
2. Анцыферова Л.И. Психология формирования и развития личности / Л.И. Анцыферова // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 426–433.
3. Арабаджан А.З. Истоки духовности / А.З. Арабаджан. – М.: Наука, 1993. – 112 с.
4. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология: Конспективное рассмотрение / Б.С. Братусь. – М.: Флинта, 2000. – 88 с.
5. Варламова Е.П. К человеческому в человеке / Е.П. Варламова // Психологические проблемы, самореализация личности. – Вып. 2. – СПб., 1998. – 264 с.
6. Зинченко В.П. Проблема внешнего и внутреннего становления образа себя и мира / В.П. Зинченко // Мир психологии. – 1999. – № 1. – С. 97–104.
7. Зинченко В.П. Развитие зрения в контексте перспектив общего духовного развития человека / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1988. – № 6. – С. 15–30.
8. Ильин А.И. Путь духовного обновления / А.И. Ильин. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 216 с.
9. Петровский В.А. Идея свободной причинности в психологии личности / В.А. Петровский // Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. Л.В. Куликов. – СПб: Питер, 2000. – С. 436–446.
10. Сафронов Б.В. Методологические вопросы формирования духовного мира личности / Б.В. Сафронов, Л.Н. Дорогова. – М.: Мысль, 1975. – 206 с.
11. Слободчиков В.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школьная пресса, 2000. – 416 с.
12. Слободчиков В.И. Психология человека: Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 385 с.
13. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание / А.Г. Спиркин. – М.: Политиздат, 1972. – 300 с.

Поступила в редакцию 01.01.2020 г.

THEORETICAL ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF SPIRITUALITY IN THE CONTEXT OF HUMAN PSYCHE

I.P. Zenchenkov

The article addresses the phenomenon of spirituality in the human psyche as reflected in modern scientific researches. The study of this phenomenon is primarily based on religious views. Since about the end of the 20th century, spirituality has been regarded as a trait or quality that is formed in a person. At the same time, spirituality became the subject of research in psychology. In psychology, the phenomenon of spirituality is nvestigated as a component of the human psyche as well as the basis of the structure of the human psyche. Further research on the phenomenon of spirituality continues.

Key words: spirituality, spirit, human, psyche, manifestation, deep, potential.

Зенченков Илья Петрович.
Кандидат педагогических наук.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Институт физической культуры и спорта.
Доцент кафедры адаптивной физической культуры.
E-mail: zenchilya@mail.ru

Zenchenkov Ilya Petrovich.
Candidate of Pedagogical Sciences.
Donetsk National University. Institute of Physical Culture and Sports.
Associate Professor of the Adaptive Physical Education Department.
E-mail: zenchilya@mail.ru

УДК 15.41.39

СПЕЦИФИКА ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

© 2020. *И.А. Кононенко*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализированы теоретические подходы к пониманию категорий «общение» и «коммуникация». Обозначены тенденции к изменению классического коммуникативного процесса, что обусловлено развитием новой формы общения в рамках киберпространства. Сформулированы психологические особенности виртуального общения, его преимущества и недостатки.

Ключевые слова: общение, коммуникация, виртуальное общение, киберкоммуникация, киберпространство, специфика общения.

С каждым днем киберпространство все больше входит в нашу жизнь и представляет собой, уже некое социокультурное явление. А.Г. Асмолов в недавнем интервью для информационного агентства «Росбалт» отмечает: «В эпоху гаджетов произошло резкое изменение форм коммуникации. Телефонный мир, мир звонков уходит. На его место приходит мир переписок, чатов. Сегодня звуковая коммуникация заменяется текстовой, которая позволяет сохранять интимность и приватное пространство» [3]. Виртуальная реальность выступает не только в качестве посредника виртуального общения, но и существенно влияет на характер, средства и приемы общения, что в конечном итоге существенно воздействует на личность, трансформируя ее определенным образом.

Возникновение потребности в рассмотрении и анализе проблемы специфики виртуального общения стоит начать с трактовки самого понятия «общение», а также обосновать и разграничить понимание коммуникации в контексте рассмотрения данной темы.

Более глубокое понимание категории «общение» было изложено в «культурно-исторической теории» Л.С. Выготского. Он вводит понятие знаковых средств общения, которые выступают инструментом познания другого, а впоследствии – познания себя в рамках конкретных культурных норм, ценностей, в которых разворачивается непосредственно акт общения. В работах А.Н. Леонтьева, Г.М. Андреевой были конкретизированы и подтверждены положения концепции Л.С. Выготского. В частности, исследователи отмечали важность «интериоризации», которая является особым видом общения, диалога, способствующим формированию одним партнером новообразований во внутреннем плане другого [7, 14].

Б.Ф. Ломов считал, что любые формы общения есть специфические формы совместной деятельности. В его взглядах прослеживается критика позиции А.Н. Леонтьева в понимании категории общения. Б.Ф. Ломов обосновывал это понятие как процесс, отражающий специфическую активность человека, связанную с потребностью в контакте с другими людьми [15].

В понимании понятия «общения» В.В. Знаков, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский подчеркивают проявление психологических качеств человека и формирование межличностных отношений, в которых происходит обмен информацией, переживаниями.

Что касается движущих сил развития личности, то, как отмечают А.Г. Асмолов и Л.И. Божович, потребность во впечатлениях, потребность в общении является базисом личностного и психического развития.

Общение как взаимодействие социальных субъектов с целью организации социальной жизни описывает А.А. Бодалев, указывая на факт межличностного взаимодействия данного процесса, в который встраиваются коммуникативные практики, нормы и правила социокультурной группы, психические процессы и состояния [4].

В наиболее обобщенной концепции Г.М. Андреевой выделяется структура общения, имеющая три стороны: коммуникативную, интерактивную и перцептивную. *Коммуникативная сторона общения* связана с выявлением специфики информационного процесса между людьми как активными субъектами, важность состоит в намерении повлиять друг на друга и обеспечить свою персонализацию. *Интерактивная сторона общения* представляет стратегии взаимодействия субъектов: кооперацию или конкуренцию. *Перцептивная сторона общения* включает в себя процесс формирования образа другого человека [1].

При анализе теоретического обоснования понятия «общения» параллельно структурируются исследования проблемы о понимании «коммуникации».

В психологической науке категория «коммуникация» анализируется через призму смыслового аспекта социального взаимодействия. Любое действие субъекта осуществляется в условиях прямых или косвенных отношений с другими субъектами и поэтому всегда является коммуникативным. Обобщенный сравнительный анализ исследовательских подходов, сделанный М.С. Каганом относительно коммуникации и общения, подчеркивает отождествление данных терминов, обосновывает, что коммуникация есть любой обмен информацией. Следовательно, система, посылающая информацию (сообщества, машины и т.д.), именуется отправителем, а принимающая ее сторона – получателем. То есть общение растворено в коммуникации, а коммуникация не ограничивается только связью субъект-субъект. О параллели сосуществовании понятий отмечают А.А. Бодалев и В.Н. Куницин, которые вводят понятие «коммуникативное ядро личности», включающее в себя единство отражения отношения и поведения, проявляемое при прямых или опосредованных контактах человека с различными людьми. Данное понятие в свою суть вкладывает образы восприятия, переживания, собственно вербальное поведение, через которые возникает контакт, взаимодействие [4, 12].

В работах отечественных исследователей А.В. Беляевой, В.В. Знакова, Л.Ф. Чертова принято разделять понятия «общение» и «коммуникация». Такой точки зрения придерживался А.А. Леонтьев, объясняя ее следующим образом: «в большинстве случаев мы имеем дело с пониманием коммуникации скорее как сообщения, чем как собственного общения» [14]. Особенность различий «общения» и «коммуникации» состоит в том, что общение имеет практически-духовный характер, в то время как коммуникация является сугубо информационным процессом. Вторая особенность различий по характеру самой связи вступающих во взаимодействие систем. Человек может выступать как в функции субъекта, так и объекта, во втором случае общение вообще может не возникнуть – объект получает информацию, усваивает и действует в соответствии с ней без обратной связи.

Также проанализируем подход рассмотрения коммуникации как составляющей более широкого процесса общения. В исследовании коммуникации в контексте психологического описания принято рассматривать в рамках психолингвистики, как соотношения «плана содержания» и «плана выражения»; как функционирование знаков в актах межсубъектной коммуникации (В.Ф. Петренко, Т.Н. Ушакова). То есть коммуникация есть функциональная характеристика, описывающая формы и средства общения как такового [16].

В отечественной психологической науке «общение» понимается как многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми в условиях современной деятельности, где происходит обмен информацией, достигается понимание другого, осуществляемое знаковыми средствами взаимодействие, а также происходит направленное изменение состояния, поведения и личностных образований партнера-собеседника. Категория «коммуникация» любо отождествляется с содержанием категории «общения», либо рассматривается как характеристика средств общения, либо понимается как вид воздействующего общения по схеме «субъект-объектного» воздействия.

При переходе к рассмотрению специфики виртуального общения сталкиваемся с размытием, неустойчивостью категориального аппарата в рамках понятий «общение» и «коммуникация», они не имеют четких разграничений. Возможно, это связано с тем, что данная проблематика представляется новой и малоразработанной. Второе предположение, что тема специфики виртуального общения впервые рассматривается в работах зарубежных исследователей, поэтому их труды в переводе дают некоторое наслоение на интерпретацию понятия «communication– общение». Ряд отечественных ученых (А.Е. Войскунский, Е.И. Дмитриева, Э.А. Игнатьева) склонны рассматривать «виртуальное общение» как коммуникативное взаимодействие, поскольку это интерактивный обмен информационными сообщениями посредством компьютера или телефона, где создается прототип реальности с эффектом присутствия в ней другого [6].

Мы придерживаемся той позиции, что виртуальное общение идентично понятию общения в широком смысле, как способ объединения и развития людей, как формы жизнедеятельности. Трудно найти такие психические явления, которые так или иначе не были включены в процесс общения. Способы виртуального общения определяются социальными функциями вступающих в него людей, их положением в системе общественных отношений, принадлежностью к той или иной группе, в которой человеку свойственно удовлетворять различные виды потребностей, в том числе и коммуникативные. То есть виртуальное общение имеет свою опору на реальное общение, базируется на нем и на реальной структуре конкретной личности [8].

Процесс виртуализации, возникший из-за внедрения новых виртуальных технологий, породил киберпространство, которое изменило саму реальность. Оно словно раздвоило ее, разделило на собственную реальность, которая имеет свои ограничения, и виртуальную реальность, неограниченную ничем, кроме несовершенства технологий или собственного воображения [2]. Создается особое пространство (виртуальная реальность) со специфическим видом общения. В результате данного общения возникают новые связи и нормы в среде межличностных отношений. Коммуникация выступает как дополняющий элемент, в своей функциональной направленности, более сложного процесса – общения [12].

Во-первых, специфика общения определяется тем, что в киберпространстве происходит смена ведущего сенсорного канала на визуальный. Во-вторых, общение в Интернете проходит преимущественно в вербальной форме. В-третьих, упрощается возможность принять новые социальные роли. При этом форма взаимодействия участников общения может прямо транслироваться из реальной жизни, может частично изменяться, а может и порождаться абсолютно новая и непривычная, с точки зрения сложившихся привычек и традиций [13].

Особенности виртуального общения создают как новые уникальные возможности, так и порождают психологические трудности. И главными причинами этого являются ограниченный канал восприятия информации, а также преимущественно вербальная форма общения.

На современном этапе развития форм виртуального общения: голосовых сообщений, видео сообщений, сообщений с помощью анимации предположительно будет устраняться проблема, связанная с загруженностью лишь сенсорного канала восприятия, а также решится вопрос низкой эмоциональности виртуального общения [8].

Потребность в общении рассматривается в трудах В.Н. Мясищева, он акцентирует внимание на том, что такая потребность является одной из фундаментальных в жизни человека [4]. Д. Занин на волне данного постулата изучает формы психологических особенностей в рамках виртуального общения. Киберпространство, которое сосуществует параллельно с нашей реальностью, уже имеет возможность реализовать необходимые виды деятельности (игровая, трудовая, общение), потребности (некоторые физиологические, уважения, любви и т.д.). Учитывая основной принцип психологической науки о единстве сознания и деятельности, можем говорить о формировании «виртуального сознания», в результате которого возникают новые специфические особенности личности [11]. Особое внимание в исследованиях А.Е. Жичкиной, И.В. Шевченко уделялось потребности в безопасности, которая в большей степени реализуется в виртуальном пространстве. Такая потребность находит свое отражение в анонимности данного вида общения, создании фейковых страниц, тотальном контролем над своим виртуальным «Я» и своей самопрезентации в социальных профилях [10]. Д. Заниным также изучалась потребность в социальной принадлежности в контексте виртуального общения. Поскольку в виртуальном пространстве у человека есть возможность примкнуть к различным Интернет – сообществам, то посредством этого человек может себя идентифицировать с более значимыми виртуальными группами, а возможно, и получить в них признание.

Потребность в общении, признании, реализация ведущей деятельности в виртуальном пространстве частично является воплощением вершинной потребности – самоактуализации.

Таким образом, одним из аспектов специфики виртуального общения является удовлетворение потребностей различного уровня в рамках киберпространства.

Спецификой виртуального общения является то, что оно выступает площадкой для различного рода реакций (психологических защит) переноса, компенсации, проекции, сублимации. Н.Н. Алексеенко подчеркивает, что такой психоаналитический аспект данного вида общения приводит к тому, что человек начинает воспринимать компьютер или телефон как продолжение своей личности в «пространстве», отражающее его интересы и вкусы. С.В. Дубровина, представляя свои результаты исследования, отмечает взаимосвязь интернет-зависимости и использование психологических защит [9].

Исследователь О.В. Сорокин описывает виртуальное общение как расширение внутреннего психического мира человека, которое не ограничивается внешне социальными статусами, ролями и т.д. Если в личных формах общения индивиды ограничены существующими социальными правилами, которые управляют межличностным взаимодействием, немедленной отрицательной обратной связью и любыми видимыми последствиями их неадекватного поведения, то виртуальное общение характеризуется свободой и дает высокую вариативность в создании собственного индивидуального образа, который может быть тождественен реальному, частично соответствовать ему или быть совершенно иным [5].

Из этого следует, что виртуальное общение может оказывать частичный психотерапевтический эффект, в плане переноса негативных чувств в киберпространство, и поиске отклика поддержки из массива возможных собеседников. Виртуальное общение расширяет собственное познание внутреннего мира. Парадокс

состоит в том, что чрезмерное увлечение виртуальным общением может приводить к противоположным результатам – растворению собственного «Я», чрезмерное использование психологических защит может сопровождаться состоянием дискомфорта, тревоги, напряжения. А свобода выражения мысли может привести к различного рода кибердеструктивному поведению. Виртуальное общение часто поощряет нонконформное, иногда агрессивное и даже необузданное поведение. В виртуальном общении пользователи часто не осознают свою индивидуальность и личность и поэтому могут легко игнорировать негативные последствия своего рискованного или неприемлемого поведения. Это способствует проявлению гнева или агрессии и неуместному самораскрытию [17].

Особенностью виртуального общения является его асинхронный характер, когда ответы на сообщения могут быть отсрочены. Этот факт указывает на возможность собеседника варьировать временными параметрами в контексте построения и формулировки ответа, его редактировании. Такое расширение коммуникативной стороны общения ведет к большей рефлексии, осознанности и осмысленности текста, а значит и самого процесса общения.

Проведя анализ теоретических подходов к пониманию категорий «общения» и «коммуникации», можно сделать вывод о том, что общение – это многоплановый процесс в котором достигается понимание другого, происходит направленное изменение состояния, поведения и личностных особенностей собеседника, а коммуникация является неотъемлемой частью общения и выступает его функциональной и информационной характеристикой. «Виртуальное общение» идентично понятию общению в широком смысле, как способ объединения и развития людей, как формы жизнедеятельности. Виртуальное общение как киберкоммуникативное взаимодействие осуществляет интерактивный обмен информационными сообщениями, посредством компьютера или телефона, где создается прототип реальности с эффектом присутствия в ней другого.

Отражая основные тенденции в изучении специфики виртуального общения, можно говорить об особом уровне потребностей, которые детерминированы киберпространством. Виртуальное общение, являясь промежуточным пространством между пользователем и другими субъектами Интернет-среды, способствует обозначению некоторых потребностей, которые в процессе общения удовлетворяются пользователем. Спецификой виртуального общения является то, что оно выступает площадкой для проявления реализации различного рода психологических защит. Выступая гарантом свободы и анонимности, виртуальное общение расширяет собственное познание внутреннего мира, снимая социально общественные цензы. В процессе виртуального общения у человека появляется возможность конструировать свою идентичность в соответствии со своими стремлениями и желаниями, а также манипулировать собственным «Я».

Актуальным является изучение и построение структуры и психологических механизмов виртуального общения. Также стоит отметить, что на сегодняшний день стремительно развиваются новые формы и способы виртуального общения, влияние на личность которых предстоит проанализировать и эмпирически обосновать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева // Учебник для высших учебных заведении. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 284 с.

2. Апетян М.К. Особенности виртуальной коммуникации / М.К. Апетян // Молодой ученый. – 2015. – № 3. – С. 939–941.

3. Асмолов А.Г. Стриптиз, на который мы не соглашались [Интервью с корреспондентом ИА «Росбалт» А.Н. Семенец] / А.Г. Асмолов // Режим доступа: https://m.rosbalt.ru/moscow/2020/02/05/1826392.html (дата обращения: 05.02.2020 г.).

4. Бодалев А.А. Об изучении общения с позиций В.Н. Мясищева / А.А. Бодалев // Вопросы психологии. –1983. – № 3. – С. 131–135.

5. Бутрова Н.Н. Содержание образа «Я-виртуальное» пользователей Интернета (на примере юношеского возраста) / Н.Н. Бутрова, О.П. Цариценцева // Концепт. – 2014. – № 12 (декабрь). – ART 14338. – 0,6 п. л. –Режим доступа: http://e-koncept.ru/2014/14338.htm (дата обращения: 05.02.2020 г.).

6. Войскунский А.Е. Метафоры Интернета / А.Е. Войскунский // Вопросы философии. – 2001. – № 11. – С. 97–112.

7. Выготский Л.С. Лекции по психологии / Л.С. Выготский. – СПб.: Союз, 2006. – 143 с.

8. Гордеева А.В. Особенности видео-общения личности в виртуальном пространстве / А.В. Гордеева // Вестник Одесского национального университета. – Серия: Психология. – Т. 18. – Выпуск 22. – Часть 1, 2013. – С.170–177.

9. Елышева А.С. Особенности виртуального общения / А.С. Елышева, Г.Ю. Самигуллина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2010. – № 3. – С. 41–42.

10. Жичкина А.Е. Особенности социальной перцепции в Интернете / А.Е. Жичкина // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 72–80.

11. Занин Д. Психология Интернет-общения [Электронный ресурс] / Д. Занин. – Режим доступа: http://psyinternet. blogspot.com/ (дата обращения: 05.02.2020 г.).

12. Куницын В.Н. Межличностное общение: учеб. для вузов / В.Н. Куницын, Н.В. Казаринова. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.

13. Леонтович О.А. Проблемы виртуального общения [Электронный ресурс] / О.А. Леонтович // Полемика.– № 7. – 2000. Режим доступа: http://www.irex.ru/press/pub/polemika/07/leo (дата обращения: 05.02.2020 г.).

14. Леонтьев А.А. Психология общения: учебное пособие / А.А. Леонтьев. – 3-е издание. – М.: Смысл, 2005. – 368 с.

15. Ломов Б.Ф. Сознание как идеальное отражение / Б.Ф. Ломов // Психология сознания. – СПб.: Питер, 2001. – С. 110–136.

16. Ушакова Г.Д. Особенности виртуального общения посредством чатов / Г.Д. Ушакова, Ю.В. Балабанова // Филологический журнал: межвузовский сборник научных статей. – 2004. – Вып. XII. – С. 59–61.

17. Barak A. Psychological Aspects of Cyberspace, Cambridge University Press, 2008 / Joinson A., N. Understanding the Psychology of Internet behavior. Palgrave, 2003.

Поступила в редакцию 23.03.2020 г.

SPECIFICS OF VIRTUAL COMMUNICATION

I.A. Kononenko

The article analyzes theoretical approaches to interpreting such categories as "contact" and "communication". The trends to change of the classical communication process are outlined, which can be accounted for by the development of a new form of communication within cyberspace. Psychological features of virtual communication, its advantages and disadvantages are formulated.

Key words: contact, communication, virtual communication, cyber communication, cyberspace, specifics of communication.

Кононенко Инна Александровна.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Ассистент кафедры психологии.
E-mail: inna.kononenko.1996@mail.ru

Kononenko Inna Aleksandrovna.
Donetsk National University.
Assistant of the Department of Psychology.
E-mail: inna.kononenko.1996@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректура статей авторам не высылается.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4–8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, korobova.lat@gmail.com) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо*, ***можно***, *пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. ***Ключевые слова:*** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1’373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016 *А. В. Петров*
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом ***под***, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

З*аключение*: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристраничные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание ***Key words:*** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition ***under***, the preposition ***under*** in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию хх.хх.20хх г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.	**Petrov Alexandr Vladimirovich**. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание		

(если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3–5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А.В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A.V. Verbal constructions with the preposition ‘under’ in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна,** канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (korobova.lat@gmail.com).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2020. – № 1

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 27.03.2020 г.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 17,96
Тираж 100 экз. Заказ № 20март17

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.